

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ УРАЛА

Учебное пособие (региональный компонент)

Челябинск 2002

УДК 9 (С 17) (021)
ББК 63.3 (2Р36) Я 73
И 90

История Урала: Учебное пособие (региональный компонент). – Челябинск: – Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. – 260 с.

В пособии рассмотрены наиболее важные ключевые проблемы истории края: освоение и колонизация Урала, становление и развитие горнозаводской промышленности и превращение Урала в крупнейший металлургический центр России, роль уральского и оренбургского казначества в жизни региона, особенности развития капитализма в XIX – начале XX в. и основные этапы развития Урала в советский и постсоветский период и другие вопросы.

Предназначено для преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Авторский коллектив: Н.Н. Алеврас (гл. IV, VI), З.Н. Анохина (гл. II, VI), В.Д. Ботнер (гл. III, VI, VIII, IX), М.В. Галиуллина (гл. I), Н.С. Гуськова (гл. VIII), Н.В. Коршунова (гл. I), В.Ф. Мамонов (введение, гл. IV, V), Ю.В. Мамонов (гл. XI), Н.С. Нижник (гл. II), В.Д. Павленко (гл. IX), Г.К. Павленко (гл. X, XI), Т.Н. Решетко (гл. VIII), Н.С. Сидоренко (гл. VI, VII), С.С. Смирнов (гл. III), А.Л. Худобородов (введение, гл. V, VI, XI), Л.С. Юдина (гл. VI).

Редакционная коллегия: А.Л. Худобородов, д-р ист. наук, профессор ЧГПУ, гл. редактор; В.Д. Ботнер, канд. ист. наук, доцент ЧГПУ; Н.С. Сидоренко, канд. ист. наук, доцент ЧГПУ

Рецензенты: Н.В. Сибиряков, д-р ист. наук, профессор ЮУрГУ
С.А. Лоскутов, д-р ист. наук, доцент ЧИПС

Ответственный за выпуск В.Д. Ботнер

ISBN 5 – 85716 – 402 – 8

© Издательство Челябинского государственного педагогического университета, 2002

© Н.Н. Алеврас, З.Н. Анохина, В.Д. Ботнер, М.В. Галиуллина, Н.С. Гуськова, Н.В. Коршунова, В.Ф. Мамонов, Ю.В. Мамонов, Н.С. Нижник, В.Д. Павленко, Г.К. Павленко, Т.Н. Решетко, Н.С. Сидоренко, С.С. Смирнов, А.Л. Худобородов, Л.С. Юдина, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена памяти профессора Владимира Федоровича Мамонова (1945–2001), доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета (ЧГПУ). Он внес значительный вклад в изучение истории Урала, особенно истории казачества региона и гражданской войны в крае. По инициативе В.Ф.Мамонова в ЧГПУ на всех факультетах стал преподаваться спецкурс «История Урала».

Учебное пособие предназначено для преподавателей и студентов уральских вузов. В первую очередь, конечно, тех вузов, где введен спецкурс по истории Урала. Но не только для них. Мировая и отечественная практика свидетельствует о необходимости сочетания трех одинаково важных элементов в преподавании исторической науки в высших учебных заведениях – истории всемирной, отечественной и региональной. Особенно если речь идет о таком регионе, как Урал. Фактически это и делается, по крайней мере, лучшими уральскими преподавателями, независимо от того, сколько часов выделено на изучение истории и введен ли в вузе курс, специально посвященный истории Урала.

Здесь, однако, есть серьезные сложности, прежде всего концептуальные. Кардинальная переоценка ценностей, развернувшаяся в последние годы, дала ощутимые (причем не только позитивные) результаты и в том, что касается истории Урала. Многие считавшиеся незыблемыми положения и выводы поставлены под сомнение, вместо них выдвинуты новые – зачастую не более убедительные. Причем это относится отнюдь не только к событиям XX века. Главная трудность заключается в том, что сегодня нет не только единой концепции экономического, социального и культурного развития Уральского региона, но и основных ее контуров. С другой стороны, за последние годы накоплен значительный фактический материал, нуждающийся в осмыслении историками. Наконец, имеются и чисто методические трудности: на введенный в вузах спецкурс по ис-

тории Урала обычно выделяется не более 30 часов учебного времени. Отсюда сложности с отбором материала, которые обостряются при отсутствии спецкурса. В таких случаях преподавателям приходится отбирать лишь самые необходимые факты из прошлого региона для использования их в пределах курса отечественной истории.

Поэтому при работе над пособием авторский коллектив ставил перед собой две взаимосвязанные задачи: во-первых, отобрать для преподавателей и студентов необходимый для использования на занятиях минимум фактического материала по истории Урала и, во-вторых, привести его в известную систему с учетом введенных за последние годы в научный оборот фактов и новых подходов в методике и методологии исторического исследования.

Глава I. Этнические процессы на Урале и заселение его в древности

§ 1. Заселение Урала в древности

Урал расположен на границе между Европой и Азией и простирается с севера на юг более чем на 2000 км. Разнообразие рельефа, климатических и ландшафтных условий способствовало формированию на его территории множества культурно-хозяйственных укладов, возникших еще в глубокой древности – в каменном веке и оказавших влияние на дальнейший ход исторических событий.

По современным научным представлениям каменный век на Земле начался около 3 млн. лет назад. Именно тогда древнейшими людьми были изготовлены первые каменные орудия труда. Исследователи подразделяют каменный век на древний (палеолит – от 3 млн. лет до 12 тыс. лет до н.э.), средний (мезолит – от 12–11 до 6–7 тыс. лет до н.э.) и новый (неолит – от 7–6 тыс. лет до 4–3 тыс. лет до н.э.). Каждый из этих периодов отличается от предыдущих техникой изготовления орудий труда, способами взаимоотношений человека с окружающей средой, масштабом освоения новых территорий.

В эпоху камня была сделана серия открытий, значение которых трудно переоценить. Именно тогда люди научились добывать огонь, строить жилища, изобрели одежду, лук, стрелы, средства передвижения, а также разнообразные орудия труда, охоты и рыболовства. В конце каменного века человечество, в основной своей массе, перешло от добывающего к производящему хозяйству, освоив земледелие и скотоводство.

Палеолит Урала до сих пор остается загадкой для исследователей. Один из основных вопросов – как и когда древние люди проникли на территорию Уральского региона. Урал изначально не относился к районам, где происходило становление человека. Как полагают, первые люди могли проникнуть на его территорию двумя путями – с юго-запада, через Русскую равнину, и с юго-востока, из Средней Азии.

Сегодня самыми древними памятниками (возраст 300–100 тыс. лет), свидетельствующими о пребывании человека на Урале и относящимися ко временам палеолита, считаются стоянки Мысовая (оз. Карабалыкты, Абзелиловский район, Башкортостан), Богдановка (левый берег р. Урала, Кизильский район, Челябинская обл.) и стоянка у села Новые Узели (Матвеевский район, Оренбургская обл.). Примерно ко времени 100–40 тыс. лет назад относятся стоянки Муллино и Айдос (р. Уфа, Башкортостан) и стоянки Пещерный Лог (правый берег р. Чусовой недалеко от впадения ее в Каму). Изучение материалов этих памятников позволило наметить основные черты образа жизни древнейшего населения Урала: оно умело добывать и поддерживать огонь, строить жилища, изготавливать одежду. Главными занятиями людей являлись охота и собирательство. Охотились на мамонтов, носорогов, оленей, диких лошадей. Основным материалом для изготовления орудий труда и охоты служил камень (яшмовая галька, кварцит, кремь). Население Урала было тогда редким и сосредоточивалось, главным образом, на юге края.

В период позднего палеолита (40–12 тыс. лет до н.э.) население увеличивается и, продвигаясь на север, осваивает новые земли. Памятники этого времени обнаружены в Курганской (Зотинский грот и стоянка Шикаевка), Свердловской (Гаринская стоянка), Пермской (стоянка около города Перми) областях, Республике Коми (стоянка Медведь Камень) и т.д. На Южном Урале к этому периоду относятся стоянки Троицкая-1 (Троицкий район, Челябинская обл.), Навес Устиново (Чебаркульский район, Челябинская обл.), стоянка у оз. Большие Аллаки (Каслинский район, Челябинская обл.), стоянки Романовская и Горновская (под Уфой) и т.д.

В эпоху позднего палеолита на Южном Урале появляются обитаемые пещеры. Следы палеолитических людей (орудия труда, расколотые кости животных, остатки кострищ) были найдены в пещерах Идрисовской и Усть-Катавской (р. Юрюзань, Челябинская обл.), Сквозной (р. Ай, Челябинская обл.), Кульюрт-Тамак (Бурзянский район, Башкортостан).

Среди южноуральских пещерных памятников позднего палеолита особо выделяется пещера Шульган-Таш (Каповая), расположенная в Бурзянском районе Башкортостана, в верховьях р. Белой. Пещера состоит как бы из двух этажей. На обоих были обнаружены выполненные красной охрой рисунки древнего человека – всего около четырех десятков. Основные рисунки концентрируются на двух стенах зала верхнего этажа и изображают шесть мамонтов, двух лошадей и носорога. Все животные переданы в движении, очень натурально. Проведенные в пещере раскопки показали, что она была, вероятнее всего, святилищем, функционировавшим в 12–10 тысячелетиях до н.э.

Подобные шульгантовским группы рисунков и останки святилища открыты в пещере Ямазы-Таш (Игнатьевская) на берегу р. Сима. На ее стенах изображены мамонты, лошади, носороги, стилизованные фигурки людей. Палеолитическая пещерная живопись Южного Урала является уникальной. Подобные южноуральским рисунки обнаружены лишь в Западной Европе – во Франции и Испании.

К концу позднего палеолита человек расселился практически по всему Уралу, вплоть до Полярного круга. К этому же периоду относится и начало взаимных контактов восточноевропейского, среднеазиатского и сибирского населения, продвигавшегося на Урал с юго-запада и юго-востока, в результате чего было положено начало формированию уральского (смешанного) антропологического типа.

Мезолит – следующий крупный период в истории человечества. Его наступление было связано с резким потеплением климата и повлекло за собой исчезновение крупных животных – мамонта, шерстистого носорога и др. Человек столкнулся с необходимостью выработки новых способов охоты. Многие исследователи называют мезолит «эпохой всеобщего экспериментаторства». Тогда получили широкое распространение лук и стрелы, был изобретен гарпун для рыбной ловли. Изменилась и техника обработки камня: массивные каменные орудия сменяются более легкими и тонкими из пластин яшмы, халцедона, песчаника.

Стоянки с каменными орудиями такого типа обнаружены повсеместно на территории Урала. Большая часть памятников уральского мезолита представлена стоянками и поселениями, располагавшимися, главным образом, у воды, на высоких берегах рек и озер. Наиболее изученные из них – Романовка и Ильмурзино (под г. Уфой, Башкортостан), Яшелька, Яктыкуль, Мурат (Абзелиловский район, Башкортостан).

Во времена мезолита на Урале впервые появляются мастерские по обработке камня. Обычно они располагались в поселениях (стоянка на горе Голый Камень под Нижним Тагилом). Характер изученных поселений свидетельствует о значительной оседлости мезолитического населения. В последнее время исследователи склоняются к тому, что уже в этот период появляются зачаточные формы земледелия и скотоводства. Но основными источниками питания оставались продукты рыболовства и охоты.

Неолит – последний период каменного века. Его начало принято связывать с появлением керамики. Изменения коснулись и каменных орудий: широкое распространение получили каменные топоры, тесла, долота и др. Одним из крупнейших достижений неолита считается изобретение технологии получения тканей из конопли, крапивы, шерсти животных. В этот период начинается переход от присваивающего типа хозяйства к производящему.

Достижения неолитической эпохи начинают осваиваться населением Уральского региона на рубеже VI–V тысячелетий до н.э. В силу климатических особенностей на Урале сформировались два основных хозяйственных региона – южный и занимавший территории Среднего и Северного Урала.

Неолитическое население Южного Урала вело оседлый образ жизни по берегам рек и озер в постоянных поселениях, состоявших из прямоугольных жилищ-полуземлянок с очагами на полу. Основу хозяйства составляло рыболовство при вспомогательной роли охоты и собирательства. Люди разводили уже тогда почти все известные и сейчас виды домашних животных. Значительное влияние на быт жителей нашего края в этот

период оказали южные племена Приаралья и Закаспия. У них южноуральцы научились, например, гончарному ремеслу.

На территории Среднего и Северного Урала в эпоху неолита преобладал присваивающий тип хозяйства. Его основу составляла охота на лосей, медведей, оленей, диких коз, бобров, белок и др. Среди промысловых животных особое значение имел лось, что отразилось в скульптурных и наскальных изображениях того времени. В отличие от южноуральского населения Среднего и Северного Урала в неолитическую эпоху развивалось на основе культуры местных племен и почти не испытывало на себе посторонних влияний.

К концу неолитической эпохи относится открытие человеком возможности использования металлов для изготовления орудий. Первым таким металлом была медь. Период распространения медных орудий называют энеолитом – меднокаменным веком. Медные орудия не вытеснили каменные, но огромное значение имел сам факт использования металла как вещества для изготовления орудий труда, определивший путь дальнейшего развития техники. Южноуральские племена эпохи энеолита в III тысячелетия до н.э. начали освоение месторождений медной руды (Караганский рудник под г. Оренбургом).

На территории Уральского региона эпоха энеолита относится к IV–III тысячелетиям до н.э. Дальнейшее развитие скотоводства у племен Южного Урала влечет за собой крупные изменения в быту и в общественной жизни. Так, переход в энеолитическую эпоху к подвижному скотоводческому хозяйству приводит к постепенному освоению степных просторов Южного Урала. Основной категорией памятников того времени в степной зоне являются погребальные сооружения нового типа – курганы и курганные могильники, в предыдущие эпохи на этой территории отсутствовавшие.

Переход к скотоводческому типу хозяйства, ведущей отраслью которого было разведение лошадей, способствовал возрастанию общественной роли мужчин. В этот период материнский род постепенно сменяется отцовским.

Оседлое энеолитическое население проживало в полужемлянках, состоявших из невысоких бревенчатых срубов, с полом

и крышей, и занималось разведением домашних животных. В хозяйстве, как и в предыдущий период, заметную роль играли охота и рыболовство. Благодаря контактам со степными скотоводческими племенами, оседлое население познакомилось с изделиями из меди, но основные орудия труда по-прежнему изготавливались из камня и кости.

Население Среднего и Северного Урала в эпоху энеолита продолжало придерживаться неолитических принципов ведения хозяйства, получая основные средства существования за счет охоты, рыболовства и собирательства.

Следующим периодом в древней истории человечества явилась эпоха бронзы, относящаяся к концу III – началу II тысячелетия до н.э. Одним из важнейших достижений в это время стало широкое освоение крупных рудных месторождений, значительная часть которых локализовалась на территории Уральского региона. На Среднем и Южном Урале в эпоху бронзы сложились два горнометаллургических центра, где осуществлялся весь цикл работ от добычи руды до получения готовых изделий. Между южным и среднеуральским центрами существовали тесные культурные связи, а их изделия были известны далеко за пределами Уральского региона – от Среднего и Нижнего Поволжья до территории нынешней Молдавии.

Население Урала в бронзовом веке было многочисленным и чрезвычайно смешанным в этнокультурном плане. По материалам археологических памятников прослеживается существование ряда племенных союзов. Как и в предыдущие эпохи, сохранялось своеобразие отдельных племен при общих, присущих эпохе бронзы, конструкциях жилых построек и погребальных сооружений, наборе предметов материальной культуры. Особое значение в эпоху бронзы приобретает территория Южного Урала – зоны, где происходило активное соприкосновение племен Южной Сибири, Казахстана, Среднего Поволжья, Прикамья.

Первая большая группа родственных племен, названная исследователями абашевскими, занимала во второй половине II тысячелетия до н.э. территорию от Волги до Урала. В Уральском регионе абашевцы жили в основном на территории современного Башкортостана по берегам рек и озер, в прямоугольных

жилищах типа полуземлянок. Занимались они скотоводством, основное предпочтение отдавая крупному рогатому скоту. Хорошо знали абашевцы и земледелие, о чем свидетельствуют находки бронзовых серпов и даже отдельные клады, составленные из них.

Абашевские племена хоронили умерших под невысокими земляными насыпями в широких прямоугольных ямах, обычно головой на восток. Иногда ямы дополнительно облицовывались каменными плитами в виде ящика и ими же перекрывались сверху. Насыпи курганов вокруг оснований могли обкладываться каменными плитами или огораживаться столбами.

Как происхождение, так и дальнейшая судьба абашевских племен недостаточно изучены. Большинство исследователей придерживаются мнения, что культура абашевских племен первоначально сформировалась в Среднем Поволжье, а затем, в результате миграции, часть этих племен осела на территории Южного Урала.

Другой группе племен, живших на территории Южного Урала в XVIII–XVI вв. до н.э., принадлежат размещенные компактно, укрепленные поселения и некрополи, открытые за последнее десятилетие. Территория, на которой они расположены, получила условное название «страна городов». Она протянулась вдоль восточных склонов Уральского хребта с севера на юг на 400 км и с запада на восток на 100–150 км в границах Урало-Тобольского водораздела.

Укрепленные поселения «страны городов» имели различную форму – овал, круг, квадрат. Обычно круг и квадрат сочетались друг с другом, но ведущей всегда оставалась одна из геометрических фигур. Расположение домов, хозяйственных построек, улочек всегда определялось планировкой внешней оборонительной стены. Одним из самых ярких памятников «страны городов» является поселение Аркаим, находящееся в Брединском районе Челябинской области. К моменту проведения археологических работ на Аркаиме фиксировались два кольца оборонительных сооружений, вписанные друг в друга, два круга жилищ – внешний и внутренний, а также центральная площадь. С внутренней стороны к оборонительной стене вплотную

примыкали торцы жилищ. Фактически оборонительная стена и торцовые стены построек представляли единое целое. Основными материалами, использовавшимися при строительстве комплексов «страны городов» были дерево, гранит, сырцовый кирпич.

Исследования оборонительных сооружений как Аркаима, так и других поселений показали, что им сопутствовали богатые жертвенные комплексы, на которых обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота, глиняная посуда, инвентарь. Это свидетельствует о богатой культовой практике, сопровождавшей строительство фортификационных сооружений.

Основным занятием населения «страны городов» было пастушеское скотоводство. Люди также активно занимались разработкой рудных месторождений и выплавкой меди (бронзы). Наряду с металлическими, использовались орудия труда из камня и кости. Жители «страны городов» были знакомы с гончарным и текстильным ремеслами. Их потомки приняли участие в формировании народов Приуралья и Поволжья.

В бронзовом веке на территории Южного Урала проживали многочисленные группы скотоводов-земледельцев, входившие в единую андроновскую культурно-историческую общность племен степей Южной Сибири, Казахстана, Южного Урала. Они имели много общего в материальной культуре: в устройстве поселений, погребальных сооружениях, наборе металлических предметов. Распространенным типом жилых помещений у андроновцев были прямоугольные полуземлянки, иногда соединенные одна с другой узким коридором. Широко были распространены и наземные бревенчатые дома. Могильники андроновцев представляли собой земляные насыпи (курганы) над широкими могилами. В отличие от других племен эпохи бронзы андроновцы при строительстве активно использовали камень. Из больших каменных плит они делали на могилах каменные ящики, перекрывая их сверху бревнами, а затем каменными плитами или валунами. В андроновских памятниках в изобилии встречаются бронзовые предметы – ножи, серпы, тесла, топоры, наконечники копий, украшения. Расцвет этой культуры приходится на XVI–XII вв. до н.э.

В позднебронзовом веке (XII–IX вв. до н.э.) на Южном Урале продолжали жить потомки андроновских племен. Важной особенностью этого времени стало прогрессирующее увеличение доли скотоводства в структуре хозяйства, что привело к большей подвижности населения.

Новые черты культуры и образа жизни способствовали складыванию условий, необходимых для осуществления перехода в степях Евразии в послебронзовое время к сугубо кочевому и полукочевому типу хозяйства.

Новая историческая эпоха – ранний железный век – была связана с массовым производством изделий из железа. К этому времени (середина I тысячелетия до н.э.) климат стал более влажным. Степи Южного Зауралья превратились в своеобразную пограничную зону между кочевыми племенами Поволжья и Приуралья (савроматы, позднее сарматы) и саками. Те и другие – потомки местных племен скотоводов-земледельцев бронзового века. В середине VI в. до н.э. саки были вытеснены вторгшимися с юго-запада сарматскими племенами в район нынешнего Северного Казахстана. Погребения саков широко известны в степях Челябинской и соседних областей. Здесь же обнаружено до полутора десятков святилищ саков, курганов с «усами» – прилегающими к погребениям длинными, до 200–250 м, дорогами из каменных плит. По одной из гипотез, эти святилища служили и обсерваториями.

К IV в. до н.э. в результате взаимодействия культур лесостепного Зауралья – савроматской и сакской – образуется новая культура – раннесарматская, или прохоровская. Она подразделяется на несколько периодов и заканчивает свое существование в конце раннего железного века (к IV в. н.э.).

§ 2. Великое переселение народов и его влияние на этнические процессы в крае

Эпоха переселения народов представляет собой один из важнейших периодов в истории евразийского населения. Начавшись в первых веках нашей эры перемещением готов в Северной и Восточной Европе, она получила в III–V вв. новый

импульс в совершенно ином направлении – в движении гуннов от Центральной Монголии до Южной Европы по степям Сибири и Урала, Причерноморья и Придунавья. За гуннами последовали многочисленные волны кочевников – авар, псевдоавар, сарагуров, угуров, савыров, мадьяр, печенегов, тюрков, кипчаков.

Таким образом, Уральский регион оказался своего рода «воротами» переселения народов. Здесь смешались черты культур многочисленных племен и народов, последовательно сменявших друг друга. Одни племена и народности осели, в конечном счете, на Урале, другие ушли далеко на Запад и образовали за тысячи километров от нашего края собственные государства, третьи распались, ассимилировались, стали составными элементами чуждых им прежде этносов.

Археологические материалы не позволяют расчленить и детализировать процесс массового вторжения многочисленных новых групп населения на территорию Урала в V в. По этническому составу эти группы были чрезвычайно разнообразны – угорские, тюркские, самодийские, палеосибирские. Отдельные волны инородных групп проникали далеко на север. Об этом свидетельствуют многочисленные курганные могильники на севере Пермской области (Харинский, Агафононский-1, Аверинский) и в Коми (Веслянский-1). Значительная часть пришельцев продвигалась по р. Белой на Нижнюю и Среднюю Каму, другая – из Зауралья по рекам Сылве и Чусовой в Верхнее Прикамье, третья – на север Зауралья по долинам Тобола и Тавды.

В условиях массовых переселений крупных этнических групп особое значение в жизни населения приобрело военное дело. Свидетельство тому – резкое увеличение в могильниках (Азелинский, Суворовский) количества предметов вооружения, как защитного (шлемы, кольчуги, доспехи), так и наступательного (мечи, топоры, кинжалы, стрелы). Легенды, предания, да и письменные источники рассказывают о многочисленных вооруженных столкновениях на уральской земле и особенно в Южном Приуралье, на границе со степью. Здесь на века война стала естественным состоянием людей. Угнать табун у соседей считалось не воровством, а доблестью, чуть ли не подвигом. Если у

племена не хватало пастбищ для скота, оно захватывало их силой у других племен и народностей.

Когда население в степях Азии увеличивалось до критического предела, а огромным стадам начинало не хватать пастбищ, степные народы объединялись в громадные племенные союзы. Степь выплескивала на Запад дикие орды, сокрушавшие все на своем пути. «Вот весь восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов... вырвались рои гуннов, которые летят туда и сюда на быстрых конях, все наполняют резней и ужасом», – так писал современник нашествия гуннов на Византийскую империю в IV в. н.э. Примерно так же можно было бы описать любое другое нашествие кочевников.

Наиболее многочисленные инородные группы проникли на территорию Южного Приуралья. В V–VII вв. это были сарматы, савары и другие племена. Часть из них, возможно, осела в Приуралье. Их приход ознаменовал начало процесса сосуществования различных по происхождению групп населения и этнической интеграции. Большое влияние на формирование тюркоязычных народов Урала (башкир, татар, чувашей) оказали болгарские племена, появившиеся в Волго-Камье в конце VII в. из районов Приазовья.

С VIII–IX вв. на территории западной и южной Башкирии усиливается приток кочевых племен из степей Приуралья и Казахстана, связанный с передвижением мадьяр, печенегов, торков (огузов), кипчаков и др. Отдельные группы этих племен закрепились на Южном Урале и впоследствии вместе с местным населением низовьев р. Белой образовали башкирскую народность.

В лесном и лесостепном Зауралье археологические источники свидетельствуют о двух волнах инородного населения. Первая (V–VI вв.) была направлена по долинам рек Исети и Туры на лесные и горно-лесные районы. В результате взаимной ассимиляции инородного и местного населения начался процесс постепенной нивелировки культуры жителей трех районов – горно-лесного Зауралья, бассейна р. Туры и бассейна

р. Тавды. На их основе позднее сформировалась протомансийская общность (юдинская культура). Вторая волна переселенцев прошла по лесостепным районам Зауралья. Она оказала существенное влияние на формирование сылвенской культуры. Надо, однако, подчеркнуть, что в этнических процессах лесных районов Приуралья ведущая роль принадлежала местному населению.

Формирование полумской культуры связано с заселением бассейна р. Чепцы, начавшимся в V–VI вв. Большая часть населения пришла сюда, видимо, из Верхнего Прикамья. Но в сложении новой полумской культуры участвовало и азелинское население, переселившееся сюда со средней Вятки. В VIII в. на р. Чепце появляются также угро-самодийские группы, по-видимому, смешанные уже к тому времени с пермским населением. В дальнейшем группа населения полумской культуры явилась основой формирования северных удмуртов. Восточные группы позднеазелинского населения, обитавшие по правобережью Вятки и ее притокам – рекам Кильмези и Вале, участвовали в этногенезе южных удмуртов.

В результате великого переселения народов состав населения Урала во второй половине I тысячелетия оказался полиэтничным. Наряду с финно-пермскими группами и культурами, на Урале проживали угорские, тюркские, самодийские и смешанные группы. По происхождению, языковой принадлежности и хозяйственно-культурным типам население Урала этого периода можно разделить на две большие группы: 1) тюркоязычные смешанные группы – предки башкир; 2) коренные жители, предки коми-пермяков, удмуртов, манси и хантов, принадлежавшие к пермской и угорской ветви финно-угорских языков.

Предки башкир формировались в степях Приаралья и прилегающих районах Средней Азии, а затем откочевали в степи и лесостепи Южного Урала, где ассимилировали небольшие группы аборигенного финно-угорского населения и ираноязычных сармато-алан. В IX–X вв. они расселились по обеим сторонам Уральского хребта: в Приуралье – по рекам Белой, Уфе, Деме, Сакмаре, Большому Ику, Мензеле; в Зауралье – по рекам Уралу, Ую, Миассу, Аю, Юрюзани и на

Бугульмино-Белебеевской возвышенности. На этих территориях обнаружены немногочисленные городища и селища с тонким культурным слоем и небольшая группа курганов на значительном отдалении друг от друга.

В XI–XV вв. башкиры сливаются и с пришлым тюркоязычным населением – кипчаками. Турецкий посол в Волжской Булгарии Ал-Балхи (умер ок. 940 г.) после путешествия по землям башкир писал: «Башкиры разделяются на два племени. Одно живет на самой границе Гузии, то есть гузов-гуман, близ булгар. Говорят, оно состоит из двух тысяч человек... Одни подвластны булгарам. Другие – граничат с печенегами». Таким образом, башкирские племена жили на больших расстояниях друг от друга, вероятно, между иными этносами.

Общее число известных на Южном Урале памятников башкир IX–X вв. около ста. Главным образом, это небольшие городища (в среднем не более одного квадратного километра). Они занимают высокие мысы или вершины возвышенностей на берегах рек и озер. По-видимому, все постройки были наземными. Курганы того же времени имеют диаметр 8–10 метров и высоту 40–60 см. В погребениях богато представлены предметы вооружения – ранние типы сабель, украшенные серебряными обкладками и фигурными скобяными петлями ножен. Встречаются колчаны для стрел, кожаные футляры для луков, боевые топоры. Среди находок много женских украшений – ожерелья из бусин с большими серебряными подвесками, разнообразные серьги, перстни, браслеты.

В X–XIII вв. у башкир началось разложение родовых отношений. Скотоводы стали кочевать не родами, а группами в 10–30 семей (ара, аймак). Скот находился в собственности отдельных семей, а не общины. В этот же период начинают выделяться зажиточные семейства.

Основу хозяйства древних башкир составляло скотоводство. На юге оно было связано с длительными кочевьями, а на севере постепенно приобретало пастушеские формы. В X–XIII вв. западные башкиры попадают в данническую зависимость от Волжской Булгарии, оказавшей огромное влияние на традиционную культуру и жизнь башкирской народности. Под

влиянием булгар часть населения начала переходить к оседлому образу жизни и земледелию. Стали развиваться кузнечное дело, выделка кож. Своеобразие хозяйству башкирских племен придает наличие у них собственной развитой металлургии. Об этом говорят массовые находки в памятниках орудий труда (топоров, ножей, серпов), оружия (шлемов, кольчуг, наконечников стрел), предметов конского снаряжения. Причем все однообразной формы. Первые письменные свидетельства по истории башкир были оставлены или непосредственно булгарскими историками, или приезжавшими в Волжскую Булгарию послами из других стран (Ибн-Фадлан, Ал-Масуди). В XII в. от булгар в западные башкирские земли начинает проникать ислам.

Формирование культуры древних удмуртов произошло в результате смешения финно-пермских и угорских (угро-самодийских) племен в IX в. Они составили две большие группы: северную, которая обитала в среднем и верхнем течении Вятки и по ее притоку Чепце и происходила от чепецкой культуры, и южную, располагавшуюся на правом берегу нижнего течения Камы.

Древние удмурты жили в наземных срубных домах с очагами в центре. В их хозяйстве ведущую роль занимало пашенное земледелие. Продолжали развиваться охота и рыболовство. Шкурки пушных зверей, особенно бобра, были предметом обмена. По результатам раскопок главного административного, торгового и ремесленного центра древних удмуртов – крепости Инднакар можно сказать, что у них были высоко развиты металлургия, кузнечное дело, резьба по кости, ювелирное искусство.

Коми-пермяки – наследники родоновской культуры Верхнего Прикамья. Территория их расселения, выделенная по археологическим объектам (свыше 400 поселений), совпадает с границами Перми Великой, описанной в житии Стефана Пермского. Вид поселений и хозяйственные занятия коми-пермяков имели много общих черт с удмуртскими. Одним из торговых и ремесленных центров коми-пермяков было городище Анюшкар. По материалам раскопок видно, что многие его жители были металлургами и кузнецами.

Племена манси сформировались из юдинской культуры Зауралья. Они занимались таежной охотой и рыболовством в сочетании со скотоводством северного типа (оленоводство, собаководство). У них наблюдаются также зачатки примитивного мотыжного земледелия, предполагающие оседлый образ жизни части жителей. Их жилища были двух типов: полуземлянки с шатровыми перекрытиями («летние дома») и срубные, с глиняными очагами («зимние дома»). Юдинское городище древних манси представляло собой круглый холм, окруженный рвом и валом. Вал состоял из деревянных клетей, заполненных песком, с частоколом.

Торговля велась северными уральскими народами, главным образом, по Волге и Каме, а через Южный Урал проходил большой караванный путь, издревле связывавший народы Восточной Европы с народами Сибири, Центральной Азии и Китая. По археологическим материалам выделяются предметы импорта со Среднего и Ближнего Востока и юго-восточной Европы – бусы, монеты, сосуды. В X в. усиливается торговое влияние Волжской Булгарии – появляются украшения и гончарные изделия болгарского производства. С XI в. начинают проследиваться экономические связи с Западной Европой. На Урале найдены археологические монеты английского, сакского и германского происхождения. С этого же времени отмечаются взаимоотношения с русскими княжествами: на поселениях удмуртов и коми-пермяков обнаружены оружие, украшения, предметы быта русского производства. Башкиры активно торговали с окружающими племенами мехами, воском, медом, лошадьми.

В целом к XIII в. на Урале завершилось формирование основных этнических общностей: удмуртов, башкир, коми-пермяков, манси, хантов и других.

§ 3. Уральские народности и племена в составе Монгольской державы

В 30-х годах XIII в. татаро-монгольское нашествие привело в движение массы кочевников Урала. Монголы покорили племена, жившие в бассейне Средней Оби и Иртыша, башкир,

южных удмуртов, разгромили Волжскую Булгарию. Значительная часть болгар покинула прежнюю территорию, опустошенную завоевателями, и передвинулась в земли Предкамья и на юго-восток Приуралья.

Одним из последствий монгольского нашествия и покорения ими Половецкой степи был приток в конце XIII – начале XIV в. кочевников-половцев в Поволжье и на юг Урала. Булгары и половцы оказали большое влияние на этнические процессы на территории Приуралья, прежде всего на этногенез башкир. В этот же период наблюдались постоянные миграции угрофинского населения Приуралья в более северные районы. Та же его часть, которая осталась на прежних местах, подверглась тюркизации.

В настоящее время имеются достоверные данные, указывающие на то, что значительная часть башкир была покорена татарами-монголами в 1214–1220 гг. (в первую очередь, сведения об этом можно почерпнуть из путевых заметок венгерского монаха Юлиана, который в 1236 г. совершил поездку по башкирским землям). Осенью 1236 г. войска Батыея разгромили Булгарское царство. Одновременно были подавлены основные очаги сопротивления башкир в Приуралье. Большая их часть откочевала на восток, в горно-лесные районы Южного Урала и Зауралья. По-видимому, между завоевателями и покоренными башкирскими племенами был заключен «союзный» договор. Однако западные башкиры вместе с булгарами сражались против татаро-монголов. Это нашло отражение в легенде «Биксура батыр», в которой рассказывается о походе объединенного отряда воинов башкирских племен на помощь булгарам в 1229 г.

Осенью и зимой 1237 г. войска Батыея, покорив мордовские и марийские племена, продолжили свой поход далее, на Владимиро-Суздальскую Русь. Народы Урала и Поволжья упорно сопротивлялись. В 1238–1239 гг. вспыхнуло восстание волжских булгар во главе с князьями Баяном и Джику. В Нижнем Поволжье восстали кипчаки под руководством Бичмана. Оба выступления были жестоко подавлены. Остатки разгромленных кипчаков укрылись на севере Урала и в лесах Приуралья, где они слились с башкирами и образовали род бушман-кипчаков.

У башкирского народа до сих пор сохранились предания о батыре Сурамане и его сыновьях Акмане и Токмане, возглавивших восстание против татаро-монголов в ответ на первый приказ завоевателей собрать из башкир войско и отправить его к монгольскому хану (эти сведения мы черпаем из рассказов Рашид-ад-Дина).

Монгольское нашествие сопровождалось массовым истреблением местного населения, разрушением традиционных культур. Монголы опустошили многие кочевья, захватили пленных и скот. Башкирия вошла в состав Золотой Орды. Ее земли оказались разделенными между двумя улусами: западный и центральный районы Башкирии вошли в улус Джучи, а юго-восточные степи стали достоянием шайбанидов. Такое деление впоследствии заметно сказалось на формировании этнокультурного и языкового состава башкир.

В 1240 г. монголо-татары опустошили удмуртские земли (правобережье нижнего течения Камы). Удмурты и мари сначала упорно сопротивлялись завоевателям, но, не получив поддержки со стороны Великого Новгорода (которому они с XII в. платили дань), вынуждены были покориться. Часть местного населения бежала к северным удмуртам – в район рек Вятки и Чепцы, в верхнее Прикамье. Монгольские ханы включили южных удмуртов в состав особой области – Арской даруги и обложили их ясаком. В середине XIII в. в Арской области возник город Ар – административный центр Золотой Орды.

Покоренное население было обложено податями и повинностями. В пользу ханского двора кочевники, в том числе и башкиры, платили «купчур» – налог с пастбищ и скота в размере одной головы со ста. Население лесных районов поставляло ханскому двору пушнину. Каждый плательщик обязан был раз в год сдавать по шкуре медведя, черного бобра, черного соболя, черного хорька и черной лисицы. Всякий, не исполнивший этой повинности, обращался монголами в раба.

Взиманием податей занимались ханские сборщики – «даруги», которым помогали вооруженной силой баскаки, осуществлявшие военный контроль над покоренным населением.

Зачастую сбор податей отдавался на откуп самим баскакам или местным баям.

Особенно тяжелой для башкир была военная повинность. Они должны были участвовать в походах ордынских ханов, поставляя от десяти семей одного воина. Он обязан был иметь с собой двух коней, лук, три больших колчана со стрелами, топор, веревки, копье, щит, инструмент для ремонта и заточки оружия. Башкиры исполняли также постоянную и подводную повинность.

В отличие от русских башкиры постепенно породнились с монголами. Немалую роль в этом сыграло и распространение с конца XIII в. среди народов Орды ислама – именно с этого времени мусульманский обряд погребения вытесняет традиционные курганные захоронения. Местная знать не была полностью уничтожена монголами. Ордынские ханы стали привлекать ее на свою сторону, раздавая тарханные грамоты на пользование пастбищами при условии службы («согоргаль»). В XIV–XV вв. башкирами от имени золотоордынских ханов и на правах их вассалов управляли местные ханы-беи, облеченные наследственной властью. Вхождение башкирской и некоторых других уральских народностей в состав Монгольской державы имело и свои планы. Став частью огромной империи, эти народности и племена приобщились к богатой восточной культуре, получили возможность свободно передвигаться и торговать на ее территории.

В XV в. земли Уральского региона были разделены между тремя государствами: Казанским ханством (западные земли), Сибирским ханством (часть Южного Урала, зауральские степи) и Ногайской Ордой (большая часть Южного Урала).

Глава II. Вхождение Урала в Российское государство.

Колонизация края русскими (XVI–XVII вв.)

§ 1. Присоединение Западного Урала и Приуралья к Российскому государству

Первые сведения об уральских землях появились в русских источниках в конце XI в. К этому времени относится

упоминание начальной русской летописи среди данников Руси племен пермь и печора. Под названием «пермь» русским были известны племена вымской культуры – предки коми-зырян – пермь-вычегодские, или пермь-старые. Об этнической принадлежности племени печора у исследователей до сих пор нет единого мнения. Вероятней всего, речь идет о предках современных саамов (лопарей). В русских летописях также упоминается, что в 1092 г., когда богатый и влиятельный новгородец Гюрята Рогович «посла отрок свой в Печору, люде иже суть дань дающие Новгороду, а оттуда иде в Югру...» От югры – предков хантов и манси новгородцы получили первые сведения об Уральском хребте: «камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных», а в горах живет народ, дающий в обмен на железные вещи меха.

Новгородцы первыми из русских людей завязали с уральскими племенами постоянные связи. Купцы и вольные люди из Новгорода пробирались на восток по рекам на лодках – ушкуях небольшими дружинами. Они не только прибыльно меняли у местных жителей свои товары на собольи, лисьи, бобровые, куницы, беличьи меха, но и сумели обложить пермь, печору и югру данью. Во второй половине XII в. новгородские ушкуйники проникли по Волге в Южное Приуралье. Чуть позже через земли волжских болгар в низовья Камы пришла и дружина владимиросуздалских князей. В 1178 г. великий князь Всеволод Большое Гнездо заложил в Северном Приуралье в устье реки Юг городок Гляден, недалеко от которого в 1212 г. началось строительство города Великого Устюга. Он превратился вскоре в опорный пункт владимиросуздалцев, стремившихся сдержать проникновение новгородцев на восток. Сын Всеволода Большое Гнездо Юрий сумел подчинить своему влиянию коми-зырян по Северной Двине, Вычегде, Сухоне, Югу и «пермские дани к себе ж взял», распространив власть на земли, считавшиеся новгородскими волостями. Владимиро-Суздальское княжество постепенно завладело речными путями и волоками на подступах к Прикамью. Однако русская колонизация бассейна Камы на этом этапе не получила развития, во многом из-за противодействия Волжской Булгарии – государства, возникшего в X в. и

предпринимавшего немалые усилия к распространению собственных границ на восток.

В конце XII в. новгородцы продолжали набеги на Северное Приуралье. От частных предприятий Новгород перешел к сбору дани в восточных волостях в общегосударственных масштабах. Кроме мехов, новгородцы требовали теперь от югры и серебро, очевидно, в виде драгоценной посуды, полученной в обмен на меха и использовавшейся в святилищах.

Новгородцы пытались закрепиться и в Прикамье. Местная летопись «Повесть земли Вятской» сообщала о набеге новгородских ушкуйников в 1174 г. с Волги по Каме на Чепец и Вятку, в результате которого были основаны на месте удмуртских городищ два русских городка – Ушкульчин и Хлынов (Вятка).

Древний Хлынов возник на месте двух городищ – удмуртского, принадлежавшего племени ватка, и русского, «на Болясковом поле», в устье реки Хлыновицы, почему и имел двойное название. Тип формирования Хлынова был характерен для ряда русских городов, в том числе и древнего Новгорода. С начала возникновения Хлынов был русским городом, с правильной уличной планировкой, бревенчатыми мостовыми, похожими на новгородские. Здесь найдены остатки жилищ, характерных как для Новгородской, так и Владимиро-Суздальской Руси. Вероятно, в состав населения Хлынова вошли и русские переселенцы из Поволжья.

Хлынов не стал новгородской колонией, поскольку осевшая в нем часть ушкуйников не была заинтересована в возвращении в Новгородскую землю и тем более в подчинении ей. Он превратился в центр самостоятельного феодального образования, в политическом строе которого нашли отражение традиции новгородской боярской республики: ведущая роль торгово-земледельческой знати – боярства и купечества, отсутствие князей, заметная роль веча.

Русское население Вятской земли установило в основном мирные отношения с удмуртами и мари, поскольку осваивало незаселенные земли в среднем течении Вятки. Вхождение удмуртов в состав населения русских городов и сельских

поселений усилило влияние на них русского элемента в противовес болгарскому.

На дальнейший ход колонизации уральских земель решающее влияние оказало монгольское нашествие. Завоеватели покорили племена, жившие в бассейне средней Оби и Иртыша, а также башкир, южных удмуртов, разгромили Булгарское царство. Значительная часть болгар покинула прежнюю территорию, опустошенную пришельцами, и начала продвигаться в Предкамье и Юго-Западное Приуралье. Одним из следствий «великого похода» монголов и покорения ими половецкой степи был приток половцев в конце XIII – начале XIV в. в Поволжье и на юг Урала. Булгары и половцы приняли активное участие в этнических процессах на территории Приуралья, прежде всего в этногенезе башкир. Наблюдалась постепенная миграция в более северные лесные районы финно-угорского населения Приуралья. Та его часть, которая осталась на прежних местах, подвергалась тюркизации и мусульманизации.

Под монгольским владычеством оказались и русские княжества. Почти на сто лет прекратились походы русских дружин на восток. В меньшей степени пострадал от татар Новгород. За Новгородом по-прежнему оставались его уральские владения. Со временем новгородцы возобновили свои походы на Печору, в Пермь и Югру. Правда, зависимость пермского князя и югорцев от Новгорода была скорее номинальной, поскольку она ограничивалась лишь нерегулярной уплатой дани. Не случайно Н.И. Костомаров отмечал, что впоследствии «московская власть, подчинивши себе Новгород, покоряла эти страны, считавшиеся новгородскими волостями, как края независимые». Московские князья уже в начале XIV в. стали проявлять интерес к новгородским «колониям» на Урале. Понимая роль Великого Устюга как опорного центра на пути к Уралу, московские князья попытались распространить свое влияние на этот город. В 1328 г. Иван Калита выдал свою дочь замуж за правившего в Устюге ростовского князя Константина, закрепив этим брачным союзом Устюг за великим княжеством Московским.

Постепенно Иван Калита добился от Новгорода права сбора части полагающейся ему дани в счет его дома в общерусских платежах ордынцам. Формально еще признавая

русских платежах ордынцам. Формально еще признавая права Новгорода на его восточные волости, Калита фактически распоряжался в них, как в своей вотчине: установил свой аппарат управления, зафиксировал политическую зависимость коми-зырян от Московского княжества. Москва стала хозяином этой новгородской волости.

Политику Ивана Калиты продолжили его преемники. Дмитрий Донской в 1363 г. отдал «в кормление» своему наместнику Андрею Фрязину земли на Печоре, разрешив ему требовать подводы не только с жителей Печоры, но и с пермяков.

В 1364 г. новгородцы, не желая терять уральские земли, совершили поход на восточный склон Урала, преодолев Уральский хребет и дойдя до низовьев Оби. Здесь ими были построены первые русские городки в Зауралье, в частности Ляпин (по имени одного из руководителей похода – Степана Ляпы). Помешать успешному походу новгородцев в Зауралье не сумел и князь Константин, управлявший Великим Устюгом. В связи с этим Дмитрий Донской отстранил Константина от управления в Устюге, взяв непосредственно «на себя» и город, и «пермские места Устюжские». В XIV–XV вв. на землях коми-зырян появились русские поселения и поселения со смешанным коми-русским населением.

Активность устюжских наместников Москвы побуждала новгородцев к вооруженному противодействию. В конце XIV – первой четверти XV в. они совершили несколько походов на Устюг, сопровождая их жестоким грабежом. Однако остановить движение Москвы на Урал Новгороду не удалось.

Большое значение для закрепления вхождения Перми Вычегодской в состав Русского государства имела деятельность православных миссионеров, в частности Степана Храпа, названного позднее Стефаном Пермским. К 1379 г. относится начало проповеди христианства среди уральских язычников. Летопись сообщала, что «лета 6887 (1379) иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епископа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегоду на проповедь слова Божия среди нечестивые племени пермян».

Иеромонах Стефан был сыном русского и коми-зырянки. С детства он владел двумя языками. Именно это дало ему возможность перевести главные церковные книги на коми-зырянский язык. Так как письменности коми-зырян в то время не существовало, Стефану пришлось создать для коми азбуку, положив начало коми-зырянскому письменному языку.

За короткое время Стефан сумел обратить в православие значительное число вычегодских коми-зырян. По его инициативе и при его участии были построены церкви, а при них открыты училища. В 1383 г. Стефан отправился в Москву с просьбой об учреждении особой пермской епархии. Митрополит Пимен и князь Дмитрий Донской, который лично «знамо зело Стефана и любяще издавна» поддержали вычегодского святителя: пермская епархия с центром в Усть-Вымском городке, основанном на месте прежнего языческого мольбища, была образована, а Стефан стал ее первым епископом. Позднее пермская епархия распространила свое влияние и на земли Верхнего Прикамья.

О деятельности миссионера рассказывает «Житие Стефана Пермского». В нем можно обнаружить и подробное описание границ Перми Великой, и особенности взаимоотношений Перми с Москвой. В «Житии...» говорится об установлении московского аппарата управления в землях коми, о способах сбора дани москвичами. Дань по-прежнему собирали мехами. Коми-зырянский старейшина – сотник Пам говорил Стефану, что «нашею ловлею и ваши князи и бояре... обогащае ми суть».

В начале XV в. началась стихийная русская крестьянская колонизация края. На Урал шли в основном уроженцы бывших ростово-суздальских земель, отошедших к Москве. Вскоре на Верхней Каме был построен первый русский укрепленный городок – Анфаловский, названный именем двинского воеводы Анфала Никитина, перешедшего на сторону Москвы и бежавшего в Приуралье от преследования новгородских властей. После гибели Анфала в 1417 г. городок продолжал использоваться русскими отрядами вплоть до конца XV в. В этот же период жители вологодского посада Калинниковы начали разработки соляных рассолов на речке Боровой, а с 1430 г. – в низовьях речки Усолки. Именно здесь возникло первое русское промышленное

поселение, превратившееся впоследствии в город Усолье Камское (Соликамск).

Инициатива частных лиц стимулировала активность правительства. В 1451 г. московский князь Василий II Темный направил в Пермь Вычегодскую своего наместника – князя Еромолая, сын которого, Михаил, стал родоначальником династии великопермских князей. Назначение московского наместника означало включение Перми Великой в состав Русского государства. Резиденцией наместника стал город Чердынь.

В середине XV в. была сделана попытка закрепить присоединение Перми Великой и религиозным путем. Один из преемников Стефана на пермском епископстве Питирим в 1455 г. попытался «крестить в святой вере чердынцев». Верхушка коми-пермяков относительно мирно приняла христианство, а родоплеменная знать вогуличей (манси) активно сопротивлялась христианизации, борясь за языческую религию как за средство сохранить свои привилегии. Миссия Питирима трагически оборвалась: он был захвачен в плен и умерщвлен вогуличами, не желавшими усиления московского влияния в Предуралье. Лишь в 1462 г. пермскому епископу Ионе удалось окрестить чердынских язычников, «поставя им церкви и попы». После этого в Чердыни был построен первый на Урале монастырь – Иоано-Богословский, ставший родовой усыпальницей великопермских князей.

К середине XV в. приуральские земли еще не были в прочной зависимости от московских князей, которым приходилось вести борьбу за них не только с Новгородом, но и с возникшими на развалинах Золотой Орды Казанским и Сибирским ханствами. Великопермские князья то поддерживали Москву, то принимали сторону ее врагов. Политику заигрывания с казанскими правителями проводила и местная верхушка Вятки. При ее попустительстве на Устюг Великий и устюжские волости регулярно совершались грабительские набеги.

После изгнания вятичами назначенного к ним наместника и провозглашения полной независимости от Москвы великий князь Московский стал активнее утверждать свою власть в крае. В июне 1489 г. Иван III отправил на Вятку войско. Взяв город

Котельнич, ратники подошли к Хлынову и осадили его. Политика местной верхушки не находила прочной поддержки среди горожан. Хлыновцы захватили сепаратистов и выдали их московским воеводам, впустили русские войска в город. Зачинщики антимосковских событий скованными были уведены в Москву, там биты кнутом и повешены. Население Вятской земли, включая удмуртов, присягнуло на верность великому князю.

Вятская земля вошла в состав Русского государства. Здесь были созданы обычные тогда органы управления и сложилось традиционное административное деление. Территория Перми Великой разделялась на Верхнюю и Нижнюю земли, центрами сельских округов стали погосты. Чердынь и Соликамск превратились в центры формирующихся уездов. В 1535 г. по чертежу московского дьяка А. Курчева были сооружены деревянные стены чердынского кремля. Соликамский посад укреплений еще не имел. Наместники управляли краем по уставным грамотам, выполняя административные и судебные функции.

В 1530 г. с целью регулярного поступления дани в казну писцом Иваном Бобровым была проведена первая перепись населения Перми Великой. Единицей обложения был «лук» — взрослый мужчина-охотник, ежегодно плативший 2 белки или 2—4 деньги. Перепись выявила 2145 луков, но, очевидно, она была неполной. Часть населения, пользуясь малочисленностью административного аппарата, могла укрыться от уплаты дани. Уставная грамота определяла размеры «корма» наместнику, его тиуну и доводчикам, а также по пяти сапец соли в год «по старине».

Еще Василий III принял решение о том, что в особом статусе Перми Великой нет необходимости. В 1505 г. он передал управление краем своему наместнику В.А. Ковру, лишив власти великопермскую княжескую династию. В 1572 г. наместническое правление в Перми Великой было заменено воеводским.

Пермское Прикамье, как и Вятка, на завершающем этапе формирования Русского государства прочно входит в его состав.

§ 2. Вхождение Южного и Восточного Урала в состав царства Московского

В конце XV – начале XVI в. складывается мощное централизованное Российское государство, добившееся серьезных внешнеполитических успехов. В середине XVI в. острие русской внешней политики было направлено на борьбу против остатков Золотой Орды – Казанского, Астраханского и Крымского ханств. Казанское ханство на Волге представляло для Русского государства постоянную опасность. Там еще жили традиции Золотой Орды. Казанские ханы беспрестанно нападали на русские земли, опустошали их и угоняли в плен тысячи мирных жителей, которых затем продавали на невольничьих рынках Востока. К тому же в Казанском ханстве находилось около 100 тысяч русских пленников.

Угроза со стороны Казани еще более возросла, когда в 20-х годах XVI в. престолом ее овладели вассалы Турции – крымские Гирей. Турецкая империя стремилась тогда объединить под своей властью татар Поволжья и Крыма и вместе с ними выступить против Русского государства, являвшегося главным препятствием к утверждению турецкой гегемонии в Восточной Европе. Военный конфликт с Казанью становился неизбежным и потому, что Казанское ханство было ключевым пунктом на жизненно важном для России волжском торговом пути со странами Кавказа и Средней Азии.

После тщательной подготовки в июне 1552 г. начался поход на Казань. Во главе русской армии численностью 150 тыс. человек был Иван IV. 2 октября 1552 г. Казань штурмом взята русскими. Казанское ханство присоединили к России. В 1556 г. завоевано Астраханское ханство. В результате были созданы реальные условия для присоединения к России Южного Урала, в частности Башкирии.

Вопрос об обстоятельствах вхождения Башкирии в состав Российского государства был и остается дискуссионным. В.Н. Витевский, П.Ф. Ищеригов, А.П. Чулошников и ряд других писали о завоевании Башкирии русскими. В.А. Новиков, П.И. Рычков, В.Н. Татищев, А.Н. Усманов, А.З. Асфандияров

акцентировали внимание на добровольном вхождении башкир в состав России. В зарубежной историографии широко распространено мнение А. Донелли о завоевании Башкирии Россией. Сегодня это мнение начинает доминировать и среди многих башкирских историков. На научные споры накладывают отпечаток соображения политического и идеологического свойства. Нередко они совершенно искажают существо дела. Если же абстрагироваться от них, то обстоятельства, связанные с вхождением Башкирии в состав России, рисуются следующим образом.

Башкирия никогда не была единым и самостоятельным государством с четко закрепленными границами. Начиная с XIII в., башкирские земли оказались в составе Монгольской державы. Когда же она распалась, северо-западные районы Башкирии отошли к Казанскому ханству, северо-восточные – к Сибирскому, центральные и южные районы – к Ногайской Орде. Каждое из этих государств стремились не только удержать принадлежавшие им земли, но, по возможности, также отобрать те или иные территории у соседей. Поэтому вплоть до второй половины XVI в. территория Башкирии постоянно была ареной конфликтов, в которые монгольские ханы втягивали и местное население.

После присоединения Казанского ханства к Московскому государству встал вопрос о судьбе зависимых от Казани башкирских племен. Они могли попытаться завоевать независимость (что тогда было фактически нереально), могли присоединиться к Ногайской Орде, Сибирскому ханству или же войти в состав России. Они выбрали последнее, по-видимому, как наименьшее зло. Их склонял к этому и Иван Грозный, принявший титул казанского царя, а с ним и все подвластные Казани земли.

Первыми в 1554 г. в Казань к царскому наместнику ездили послы западных и северо-западных башкирских племен во главе с беями. Они предварительно договорились об условиях вхождения в состав России. Согласно преданию, сохранившемуся в Янаульском районе Башкортостана, «от башкир племени Гайна в Казань, к наместнику русского царя, ездил послом Айзуак-Бий – один из родоплеменных вождей гайнинцев». Предание

утверждает, что из Казани Айзуак привез грамоту о принятии башкир-гайнинцев в подданство русского царя.

В 1554–1555 гг. в Казани побывали представители Центральной, Южной и Юго-Восточной Башкирии (племена норматы, бурзян, кыпсак, тамьян и усерган). Их племенной союз занимал обширную территорию на Южном Урале, восточная и южная границы которой шли примерно до современного Верхнеуральска по течению реки Урал до ее поворота на юг, западнее Оренбурга. Северные границы тянулись по верхнему течению реки Белой до ее поворота на север. Долина реки Нугут от верховьев до устья также входила в состав земель этих племен.

В конце 1556 или начале 1557 г. подданными России стали башкиры племени кудейцы, территория которых охватывала северо-восточную горно-лесную часть Башкирии. По их преданиям, послы кудейцев добирались в Казань к Ивану Грозному «частью на лошадях, а частью зимою из Уфимского уезда на лыжах, прямою лесною дорогою, с запасом припасов за спинами». Послы были встречены русскими боярами радушно. Их произвели в мурзы и бии, щедро наградив.

Весной 1557 г. процесс вхождения башкир в состав Русского государства в основном завершился. Никоновская летопись сообщает, что в мае 1557 г. в Казань «башкиры пришли, добив челом, и ясак поплатили». В дальнейшем башкиры в Москве от Ивана IV получили жалованные грамоты, закрепившие вотчинное владение теми землями, которые они занимали. Лишь зауральские башкиры до конца XVI в. оставались под властью Сибирского ханства. В 1557 г. добровольно входят в состав Русского государства прикамские удмурты.

В Башкирии строятся новые города, создается Уфимский уезд, границы которого на севере доходили до реки Тульвы, а на востоке – до верховий рек Уфы и Миасса. Начинается русская колонизация края. К концу XVI в. в окрестностях Уфы получили земли больше 190 русских служилых людей. Укрепленные городки в Башкирии и в низовьях Камы положили начало созданию оборонительных линий, прикрывавших Урал с юга от кочевых народов – калмыков, ногайцев. Под их защитой началась крестьянская колонизация Среднего и Нижнего Прикамья.

В середине XVI в. одной из задач Русского государства становится присоединение огромных зауральских пространств. Интерес к Сибири был связан прежде всего с экономическими потребностями государства и интересами безопасности его восточных границ. В 1555 г. хан Едигер признал себя вассалом русского государя, но сменивший его хан Кучум в 1572 г. разорвал вассальные отношения. Положение на восточных границах России стало тревожным. Под постоянной угрозой вторжения со стороны Сибирского ханства была и основная часть Башкирии, вошедшая в состав России.

Для продвижения в Сибирь и распространения в ней своей власти правительство Ивана IV использовало деятельность русских купцов и промышленников. Большую роль в колонизации и присоединении Западной Сибири сыграли богатые сольвычегодские купцы и промышленники Строгановы. В 1558 г. Г.А. Строганов получил первую царскую жалованную грамоту на «отхожие земли» по реке Каме от устья реки Лысьвы до устья реки Чусовой. На этих землях уже проживало редкое коми-пермяцкое и русское население. Грамота обязывала Строгановых «городки строити, варницы ставити, соль варити, слободы копить на государя», вести поиски полезных ископаемых для государственных нужд. Владения Строгановых быстро росли. В 1558 г. в устье реки Пыскорки был поставлен первый укрепленный городок Канкор, а в 1564 г. на левом берегу Камы возник Орел-городок, ставший центром северной части Строгановских владений. В середине XVI в. Строгановы владели обширными землями на Каме и Чусовой. В своих владениях им разрешалось строить укрепленные города и набирать в них для защиты «охочих людей».

В 1574 г. Строгановы получили от Ивана IV грамоту на право ставить свои городки по рекам Тоболу, Иртышу и Оби с льготой на 20 лет. Это означало наступление на Сибирское ханство. Первый серьезный удар по Сибирскому ханству был нанесен казачьим атаманом Ермаком в сентябре 1581 г. В организации похода Ермака совпали интересы правительства, Строгановых и самих казаков. Кроме русских, в походе приняли участие и коми-зыряне. Зазимовав в устье маленькой речки Кокуй,

весной 1582 г. казаки перебрались на реку Тагил. Здесь они сделали остановку, чтобы построить новые струги для продвижения по сибирским рекам. Это место и сейчас называют Ермаковым городищем (к северу от Нижнего Тагила). Пройдя с боями по рекам Туре, Тавде, Тоболу, дружина Ермака 26 октября 1582 г. заняла столицу Сибирского ханства Камелык (Искер). Ермак проявил себя как опытный полководец и дипломат. Часть населения Сибирского ханства начала переходить на сторону Ермака. Кучум оставил свою столицу и скрылся в степях. В завоеванном ханстве Ермаку с его отрядом все время приходилось вести борьбу с вассалами сибирского хана. Ермак обратился в Москву к Ивану IV за помощью. Но несмотря на воинское подкрепление Ермаку, не удалось закрепить победу. В августе 1585 г. он попал в засаду и погиб, а остатки его дружины покинули Сибирь. К осени 1585 г. власть в ханстве вновь перешла к Кучуму, правда, ненадолго.

Русское правительство приступило к более прочному освоению Сибири, создавая там укрепленные опорные пункты – города-остроги с военными гарнизонами и содействуя переселению в Сибирь крестьян из центральных областей страны. В 1586 г. была построена Тюмень, в 1587 г. – Тобольск, в 1593 г. – Пелым, в 1598 г. – Верхотурье. Население Сибири стало принимать русское подданство. Северо-восточные башкиры и другие народности Сибири стали платить ясак в казну русского правительства. Местами сбора ясака были Уфа и Верхотурье. Впоследствии ясак возили в Тобольск или Чердынь.

Но Кучум, кочевавший в южной части своего бывшего ханства, продолжал сопротивление. 20 августа царский воевода Воейков напал на ханский стан. Бой продолжался с «солнечного восхода до полудня». Кучум потерпел полное поражение, после чего ушел в Среднюю Азию.

Сыновья, внуки и правнуки последнего сибирского хана на протяжении всего XVII в. и даже в первой половине XVIII не расстались с мечтой о возрождении ханства. После смерти Кучума его старший сын Алей провозгласил себя сибирским ханом. В своей борьбе против России он находил союзников среди ногайцев, калмыков, прикочевавших в Сибирь в начале

XVII в., а также башкир-табынцев, сынрянцев и мякотинцев. Кучумовичи подстрекали местное население против русских, используя его недовольство гнетом и злоупотреблениями сибирской администрации, совершали набеги на пограничные районы России, мстили тем сибирским народам, которые приняли русское подданство.

Попытки воевод Тюмени, Уфы, Тобольска с помощью переговоров склонить кучумовичей к принятию русского подданства не увенчались успехом, и воеводы были вынуждены прибегнуть к военным действиям. Наконец, в августе 1608 г. в сражении с русскими отрядом Алей потерпел поражение и попал в плен. С этого времени западные башкиры, мякотинцы, сынрянцы признали над собой власть России.

Важное значение в восточной политике правительство придавало казачеству. В 70-е годы XVI в. в основном вольные казаки через Башкирию и реку Яик проникают на Урал и в Зауралье, довольно быстро обживая новые для них территории. На Урале казаки защищали русские поселения от набегов соседних племен, сами организовывали военные экспедиции: «Вогулич воевали и обогатели», — узнаем мы из Ремезовской летописи.

Многие казаки Ермака, уцелевшие в боях на Урале и в Сибири, остались на этой земле и основали многочисленные острожки, слободы и городки. Освоение уральских земель казаками активно велось по течению р. Исети и ее притокам. В частности, казак Давид Андреев в 1649 г. основывает Красный Бор, а в 1650 г. — острожки Усть-Миасский и Исетский. В этом же году казаки атамана Белошейкина основывают Колчаданский острог, в 1659 г. — Китайский, в 1660 г. — Мехонский, в 1667 г. — Арамилский, в 1668 г. — Шадринский, в 1669 г. — Бишкильский. А в 1644 г. Дмитрий Иванович Мокренский, потомственный казак, основывает знаменитый Долматов монастырь, сыгравший важную роль в распространении христианства на востоке страны. Казачьи поселения были теми форпостами, на которые опиралась вся система обороны юго-восточной окраины России от кочевников. Казаки первыми встречали их набеги и нашествия, спасая русские поселения нередко ценою своих жизней.

Присоединение народов Урала к Русскому государству имело огромное значение. В крае прекратились (хотя и не сразу) феодальные усобицы. Это положительно сказалось на развитии хозяйства и росте численности населения. От русских людей коренные жители научились передовым хозяйственным формам и новым хозяйственным навыкам. Русские распространяли земледелие, содействовали поднятию производительных сил края. Нахождение в пределах Российского государства благоприятствовало этническим, культурным и хозяйственным связям между башкирскими племенами и тем самым способствовало их объединению. К концу XVI в. завершился многовековой и сложный процесс формирования башкирской народности. Подобные процессы шли и в других этнических группах. Расширились отношения со Средней Азией и Казахстаном. Через Урал пролег один из основных сухопутных торговых путей в страны Востока.

Глава III. Реформы Петра I. Превращение Урала в важнейший промышленный центр России

§ 1. Роль и место Урала в петровской модернизации экономики России

Реформы Петра I затронули многие стороны материальной и духовной жизни российского общества. Важное значение имело форсирование развития отечественной промышленности. Стремление к экономической независимости и повышению обороноспособности страны потребовало ускоренного строительства крупных предприятий, способных обеспечить регулярную армию и флот оружием, снаряжением и обмундированием. В этой связи поистине уникальным явлением, не имеющим аналогов в мировой истории, стало образование уральского промышленного района.

Превращение Урала в крупнейший не только в России, но и в мире горнозаводский центр стало возможным прежде всего вследствие исключительно благоприятных природных условий.

Лесные массивы, неосвоенные земли, богатые рудные запасы, многочисленные речные артерии привлекали сюда различные слои населения Российского государства. XVIII в. был отмечен массовой колонизацией слабоосвоенных восточных регионов.

Основную массу переселенцев составляли крестьяне, которым правительство предоставляло различные льготы. Несмотря на то, что со второй половины XVII в. здесь начались сыски беглых, перепись населения с целью привлечения в тягло крестьянского населения, общая численность крестьян к концу века достигла не менее 200 тыс. человек.

В то же время заметной становится посадская колонизация Урала, вызванная, с одной стороны, усилением тягла в результате «посадского строения» 1649–1652 гг., репрессиями правительства при подавлении городских восстаний, а с другой – нередкими тогда на Руси голодовками, городскими пожарами, порождавшими большой отток населения из центральных районов государства. Однако темпы переселения посадских людей были более медленными в сравнении с крестьянской колонизацией.

Одновременно с освоением новых земель на Урале отмечался массовый и регулярный поиск руд и других полезных ископаемых, которые по своим качественным показателям превосходили аналогичные ископаемые других регионов. Так, из руды Олонецкого края выплавлялось 20% чугуна, а местные порой давали до 50%. Это предопределило создание на востоке страны крупного экономического района. Урал оказался в центре важнейших социально-экономических преобразований в России.

В 1617 г. строгановский крепостной Я. Литвинов обнаружил месторождение медистых песчаников на реках Яйве и Каме. В 1663 г. стрельцами И. Блиновым, И. Харитоновым, Т. Ивановым, М. Конышевым в северной части Верхотурского уезда было обнаружено месторождение медной руды. На основе найденных руд возникают первенцы уральской металлургической промышленности – Рудная слобода (с. Рудное), железодельный завод на реке Нице, Лыскорский медеплавильный завод.

В XVII – начале XVIII в. в регионе существовала сеть небольших крестьянских металлургических «заводов» с примитивными сыродутными печами, служившими источником существования населения ряда слобод Кунгурского и Верхотурского уездов. В течение полутора десятилетий они даже конкурировали с крупной промышленностью. Только с 1717 г., после запрета под страхом смертной казни плавить руды в ручных горнах и ковать изделия из полученного таким способом металла, крестьянская металлургия стала исчезать, но сохранился и значительно расширился крестьянский рудный промысел, обслуживавший горные заводы.

Подготовка к строительству первых крупных казенных заводов на Урале началась еще в конце XVII в. В начале XVIII в. (1700–1704 гг.) были выстроены в Верхотурском уезде Невьянский и Алапаевский и в Тобольском уезде Каменский, Нижнеисетский (на месте современного Екатеринбурга) и Нижнеалапаевский заводы. Крупнейшим из них был Невьянский завод, дававший примерно столько же чугуна, сколько остальные четыре вместе взятые.

Поскольку процесс первоначального накопления капитала в России только начинал разворачиваться, наиболее острыми проблемами являлись финансирование строительства и обеспечение предприятий рабочей силой. В стране не существовало ни лиц, обладавших достаточными капиталами, ни рынка свободных рабочих рук. Тем не менее Петр I не пошел по «классическому» западноевропейскому пути и начал индустриализацию не с легкой, а с тяжелой промышленности. Шла Северная война, и стране позарез нужно было оружие, а значит, металл. Ждать, пока разовьется сначала легкая, а потом тяжелая промышленность, было некогда. К тому же российские предприниматели не спешили вкладывать деньги в развитие Урала. Поэтому первые крупные горные заводы в крае были преимущественно казенными.

43% основанных к концу XVII – началу XVIII в. промышленных предприятий было создано на государственные средства. Уральские заводы строились прежде всего для удовлетворения нужд армии. Первая военная продукция с Урала – 5 пушек,

2 мортиры, 56 ядер, 19 бомб и 12 ружей, изготовленные на Каменском заводе, — была отправлена в Москву в феврале 1702 г. За годы Северной войны уральские заводы произвели свыше тысячи орудий — пушек, гаубиц, мортир, а также больше 180 тыс. пудов артиллерийских снарядов — ядер, бомб, гранат, картечи. С 1712 г. Россия отказалась от импорта стрелкового оружия.

Строительством первых заводов на Урале ведал Сибирский приказ во главе с дьяком А.А. Виниусом. Непосредственное руководство осуществляли тобольский и верхотурский воеводы. В 1700 г. для управления горной промышленностью в масштабах всего государства был учрежден особый приказ — Рудных дел, но фактически до 1720 г. уральские казенные заводы оставались в руках местных властей. Указом от 10 декабря 1719 г., получившим название «берг-привилегия», для ведения дел «о рудах и минералах» была создана особая берг-коллегия, льготы предоставлялись тем, кто желал заняться поиском руд и основанием металлургических предприятий независимо от сословной принадлежности предпринимателя.

Обособление горнозаводского ведомства на Урале началось после прибытия туда в 1720 г. В.Н. Татищева, которому передавалось управление казенными горными заводами и контроль за деятельностью частных. В 1723 г. на вновь построенном Екатеринбургском заводе открылось Главное управление горными заводами, переименованное сменившим его в 1722 г. В.И. Генниным в Сибирский обер-бергмат. В.Н. Татищев пытался организовать строительство новых заводов вольнонаемными людьми: принимал и не выдавал обратно беглых и старообрядцев, привлекал на поселение бобылей и т.п. Но в условиях неразвитости рынка рабочей силы при столь быстрых темпах развития горнозаводской промышленности обойтись без массового принудительного труда было невозможно.

Основная тяжесть по строительству работ, а затем обслуживанию и обеспечению их сырьем и продовольствием легла на плечи жителей окрестных слобод. Они поочередно принудительно отработывали по распоряжению местных воевод при заводах казенные подати или получали за свой труд

фиксированную плату. Также принудительно по установленным воеводами расценкам у них реквизировали хлеб и фураж. Эти насильственные меры оправдывались условиями военного времени. Привлечение крестьян к тяжелым, непривычным и мало-выгодным работам сопровождалось повальным бегством и волнениями слободских крестьян. Особенно острыми были столкновения в 1703 и 1707 гг. в Кунгурском уезде, где предполагалось строительство медеплавильного предприятия при Алапаевском заводе.

За периодом интенсивного заводского строительства на Урале последовал длительный перерыв, вызванный прежде всего нехваткой трудовых ресурсов. Казенное строительство возобновилось только в начале 1720-х годов с прибытием на Урал В.Н. Татищева и В.И. Геннина. В 1722–1724 гг. были пущены Уктусский, Лялинский и Ягошинский заводы, реконструированы Каменский и Алапаевский. В 1725 г. вступили в строй Верхнеуктусский и Полевской, в 1727 – Синячихинский, 1732 – Анненский (Сысертский).

Особенно высокими темпы строительства стали с 1730-х гг. В 1734 г. В.Н. Татищев вновь прибыл на Урал, чтобы ускорить процесс горнозаводского строительства с фактически диктаторскими полномочиями. Данная ему инструкция императрицы Анны Иоанновны запретила гражданским властям, включая и губернаторов, вмешиваться в его деятельность и даже судить горных служителей по любым делам, кроме «великих и розыскных». По образному выражению П.О. Чупина, В.Н. Татищев стал «губернатором особой горной губернии». Только с 1781 г. горнозаводское население вновь перешло в управление губернской администрации, но вскоре после смерти Екатерины II старая система управления горнозаводской промышленностью вновь была восстановлена. За десятилетие (1731–1740 гг.) возникло 10 казенных и 12 частных заводов. Всего же в первой половине XVIII в. были пущены 26 казенных и 41 частное металлургические предприятия. Строительная горячка продолжалась и в начале второй половины XVIII столетия. За период с 1751 по 1770 г. возникло 77 заводов, из них в 1751–1763 гг. – 66. Но теперь их строили почти исключительно частные лица.

Из 109 горнозаводских предприятий, основанных во второй половине XVIII в., казенными были только 6.

Строительство заводов в первые десятилетия XVIII в. велось, главным образом, на Среднем Урале. Во второй половине века география уральской металлургии значительно расширилась. Она шагнула на Северный Урал и распространилась по всему Южному Уралу.

До середины XVIII в. в Оренбургской губернии имелось всего два небольших медеплавильных завода – Воскресенский (построен в 1636 г., вскоре разрушен башкирами, вторично пущен в 1754 г.) и Преображенский (1748 г., по другим данным – 1750 г.), но уже в 50–60-х годах здесь образовался крупный металлургический комплекс.

В отличие от Среднего Урала на Южном Урале горнозаводское строительство осуществлялось не казной, а частными лицами, преимущественно разбогатевшими представителями купечества. Их интерес к этой отрасли объясняется повышением во II половине XVIII в. спроса на металл (особенно на медь), крайне низкими ценами на казенные земли, которые раздавались практически бесплатно, поощрительной политикой государства, оказывавшего поддержку предпринимателям ссудами и подневольной рабочей силой. Немаловажную роль сыграл опыт полувекового функционирования горнозаводской промышленности на Среднем Урале.

Среди крупных уральских предпринимателей выделялся Никита Демидов (Антуфьев), бывший тульский кузнец, ставший специалистом оружейного и железного дела. После смерти Н. Демидова (1725 г.), его дело продолжил старший сын Акинфий Демидов. Демидовы владели 25 предприятиями на Урале. Позже крупными заводчиками стали симбирские купцы И.Б. Твердышев и И.С. Мясников. В их владении находилось около 500 рудников. В начале 1770-х гг. компания И. Твердышева и И. Мясникова в своей собственности имела 11 железнорудных и медеплавильных заводов. Их деятельность была связана с Южным Уралом. Первый же металлургический завод, основанный на южноуральской земле, принадлежал тульскому купцу Якову Коробкову, – это Каслинский завод (1746 г.).

В 1747 г. балахнинский купец Петр Осокин основал Нязепетровский завод. В 1750-е гг. на Южном Урале было построено 26 металлургических заводов. Среди них Златоустовский (1751 г.), Катав-Ивановский (1755 г.), Кыштымский (1755–1756 г.), Саткинский (1758 г.), Усть-Катавский (1758 г.). К 1753 году на Южном Урале действовало 73 завода. В конце 1750-х годов в уральскую металлургию пришел верхнетурский купец М.М. Походяшин. К концу века крупнейшим заводладельцем стал Савва Яковлев, затративший на покупку заводов 1390 тыс. рублей и владевший 22 промышленными предприятиями.

В Оренбургской губернии на территории бывшей Исетской провинции преобладали медеплавильные предприятия. Большинство из них принадлежали коллежской асессорше Дарье Пашковой (Воскресенский, построен в 1745 г., обслуживали его 1276 крепостных мастеровых), полковнице Ирине Бекетовой (Богоявленский, 1752 г., 981 мастеровой), статской советнице Екатерине Козицкой (Архангельский, 1753 г., 1163 мастеровых), капитанше Марье Мосоловой (Кононикольский, 1750 г., 486 мастеровых), Петру Гусятникову (Преображенский, 1750 г.), корнету Андрею Глазову (Богословский, 1758 г., 232 мастеровых), Иосафу Иноземцеву (Ишьеряковский, 1751 г., 203 мастеровых), наследникам прапорщика Петра Красильникова (Архангельский, 1754 г., 111 мастеровых).

В Миасском и Златоустовском округах выделялся Миасский медеплавильный завод Ивана и Николая Лугининых (основан в 1776 г.). Им же принадлежали и предприятия черной металлургии – Златоустовский (1760 г., по другим данным, – 1751 г.; основан купцом И. Мосоловым), Саткинский, Кусинский.

Крупными чугунолитейными и железоделательными предприятиями являлись Юрюзань-Ивановский завод Аграфены Дурасовой (1762 г., 1312 мастеровых), Белорецкий Дарьи Пашковой (1762 г., 2723 мастеровых), Катав-Ивановский Екатерины Козицкой (основан купцами И. Твердышевым и И. Мясниковым в 1757 г., по другим данным, – в 1755 г., 1668 мастеровых), Верхне- и Нижне-Симский заводы Екатерины Бекетовой

(1759 г., 1782 г., 2478 мастеровых). Михаилу Губину принадлежали в Уфимском округе два Авзянопетровских завода (1755 и 1756 гг.). Он же владел в Екатеринбургском округе Уфалейским заводом (1761 г., 346 мастеровых). Хлебниковым принадлежал в Красноуфимском округе Нязепетровский завод (основан в 1747 г. балахнинским купцом Петром Осокиным, 364 мастеровых).

Наиболее крупными на Южном Урале являлись чугунолитейные и железоделательные заводы Никиты Демидова — два Кыштымских (1757 г.) и Каслинский (основан в 1747 г. тульским купцом Яковом Коробковым, в 1751 г. куплен Н.Н. Демидовым). Заводы имели до полутора тысяч крепостных мастеровых и 11 тысяч приписных крестьян. И. Твердышев и И. Мясников построили в компании 10 металлургических заводов — Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзанский, Симский, Белоорецкий и др.

При строительстве частных предприятий использовались накопленные технические достижения и проверенные формы организации производства. С казенных заводов на новостройки переводились опытные мастера. Бурное развитие промышленности остро обозначило вопрос формирования для нее контингента рабочей силы. Первоначально правительство не делало ставки на применение в металлургии принудительного труда. Указ от 23 января 1703 г. и берг-привилегия 1719 г., разрешавшие «людям всякого звания» искать руды и строить заводы, ориентировали заводчиков на вольный наем. В 1721 г. Петр I подписал указ, разрешавший покупать для обслуживания заводов крепостных крестьян. Причем делать это могли не только и не столько дворяне, а в первую очередь купцы. Однако установленные при этом ограничения делали такие покупки достаточно редкими.

Первые приписки крестьян к казенным предприятиям были осуществлены в 1722 г. по представлению В.Н. Татищева, получившего в управление Уктусский, Алапаевский и Каменский казенные заводы. Ему предстояло значительно расширить их хозяйство. 20-летняя практика существования в крае крупных металлургических мануфактур показала, что надежды на

широкий приток вольных работников в условиях крепостного строя несбыточны. Поэтому со второго десятилетия XVIII в. для обслуживания казенных предприятий все чаще стали привлекать одни только ближние слободы, освобождая их частично или полностью от всех остальных государственных или земских повинностей и засчитывая заработанное в подать. Так постепенно стала формироваться категория приписных крестьян. Официально статус приписных за ними закрепила первая ревизия (перепись населения 1719–1721 гг.). По этой ревизии в приписных слободах числилось 8308 душ мужского пола, а к 1725 г. их уже насчитывалось 25 тысяч.

Важной вехой формирования контингента приписных крестьян на частных заводах Урала была инструкция императрицы Анны Иоанновны В.Н. Татищеву от 23 марта 1734 г. В ней обещалось в случае постройки домны, производящей не менее 35 тыс. пудов металла в год, приписывать до 150 дворов. К каждому кричному молоту – до 30 дворов. В октябре того же года было разрешено приписывать крестьян и к медеплавильным заводам: 50 дворов на каждую тысячу пудов ежегодно выпускаемой чистой меди. Указами от 7 января 1736 г. и 27 июня 1744 г. вновь было подтверждено разрешение покупать к заводам крепостных в тех же пропорциях, что и приписка.

Указом от 29 мая 1724 г. официально определялись условия получения с приписных казенных податей: «Подушных и оброчных не брать, а отрабатывать при заводах за указанную плату». С этого времени приписные окончательно обособлялись от слободских крестьян, устанавливались единые расценки на их принудительный труд.

В массовом порядке прикрепление крестьян к частным заводам началось с 1753 г. В этом году граф П.И. Шувалов сумел добиться приписки к строившемуся в Оренбургской губернии Петровскому заводу 192 души черносозных и ясачных крестьян Казанской губернии. В мае 1754 г. получил приписных крестьян к строившемуся в той же губернии Вознесенскому заводу граф Сиверс. В 1756–1757 гг. к Каслинскому и двум Кыштымским заводам статского советника Н.Н. Демидова были приписаны государственные крестьяне четырех слобод Краснослободского

дистрикта Сибирской губернии и Шадринского дистрикта Исетской провинции. В 1759 г. около 4 тыс. душ крестьян Соликамского и Чердынского уездов Казанской губернии приписаны к Анненскому медеплавильному заводу графа И. Чернышева. Всего, по сведениям канцелярии Сената, к началу 1760-х гг. к построенным частными лицами на Урале металлургическим заводам были приписаны 31 тыс. душ мужского пола государственных крестьян.

С конца 1750-х гг. началась массовая передача казенных заводов в частные руки. Вместе с ними заводчики получали мастеровых, заводских и приписных крестьян. К 1760 г. в казенном владении оставались лишь два завода – Екатеринбургский и Каменский. Вместе с предприятиями к горнозаводчикам отошло около 70 тыс. приписных крестьян.

Принудительный характер труда требовал его детальной регламентации. Уже в начале 1720-х гг. была законодательно установлена продолжительность рабочего дня и рабочей недели, определены нормы выработки на наиболее распространенных операциях, введены единые повременные и сдельные расценки. Рабочий день, в зависимости от продолжительности светового времени, мог колебаться от 14 часов летом до 10 часов зимой. Выходными считались воскресные и праздничные дни. Однако вплоть до 1763 г. закон разрешал заводовладельцам под предлогом производственной необходимости произвольно увеличивать размер повинности.

Положение мастеровых, заводских и приписных крестьян не было одинаковым. На казенных предприятиях оно было легче, чем на частных. До начала 1760-х гг. эксплуатация подневольных работников неуклонно возрастала, поскольку темпы горнозаводского строительства были значительно выше темпов прироста производительного населения в крае. Массовые волнения приписных и заводских крестьян конца 50 – начала 60-х гг. на частных мануфактурах показали, что степень эксплуатации превысила разумные пределы. Поэтому наряду с принуждением к работе и наказанием недовольных усмирителем волнений А.А. Вяземским были приняты меры, направленные на упорядочение отработок и облегчение положения приписных

крестьян. В частности, запрещалось налагать на приписных работ больше, чем определялось суммой их подушного оклада, не допускалась посылка на заводы во время сева и уборки урожая. Заводским конторам приписывалось делать запасы хлеба и фуража и выдавать их по установленной норме не дороже той цены, по которой они закупались.

Манифест от 21 мая 1779 г. ограничил круг выполняемых приписными крестьянами работ рубкой куренных дров, перевозкой угля и руды и аварийными починками заводских плотин. Оплата труда по сравнению с 1724 г. увеличилась в два раза. В соответствии с Указом от 15 мая 1785 г. заводские конторы должны были обеспечивать мастеровых, заводских и приписных крестьян хлебом и фуражом по твердым ценам, значительно ниже рыночных. Одному работнику в месяц полагалось два пуда ржаной муки по 20 копеек за пуд. На корм лошадям выдавалось в сутки по 30 фунтов сена и 10 фунтов овса. Сенатским Указом от 11 июня 1785 г. сокращалось число приписных, обязанных являться на заводскую барщину. В 1781 г. были отменены телесные наказания приписных.

Все чаще на внезаводских операциях использовался вольный наем.

Массовые волнения приписных крестьян Урала повлекли за собой возвращение в казну ряда металлургических предприятий. В 1763 г. у П.П. Шувалова были отобраны Гороблагодатские и Камские заводы с 40 тыс. душ приписных крестьян. В последующие годы к государству перешли и ряд других предприятий, в том числе Пермские и Богословские. С 1762 г. запрещалось покупать крестьян к заводам, прекращались дальнейшие приписки как к частным, так и к казенным мануфактурам. В промышленной политике был взят курс на постепенное вытеснение принудительного труда вольным.

К 1763 г. (III ревизия) на Урале насчитывалось 118 тыс. приписных крестьян, в том числе при казенных мануфактурах – 57 тыс., при отданных в 1757–1760 гг. к частным заводчикам – 30 тыс., при основанных частными лицами – 31 тыс. В последующие десятилетия их число увеличилось только за счет естественного прироста. К концу XVIII в. оно достигло 213 тыс. душ

мужского пола, из них к частным были прикреплены 71 тыс. Окончательно институт приписных крестьян был ликвидирован в ходе реформы 1807–1815 гг., в результате которой их заменили непременные (постоянные) работники, набранные среди тех же приписных крестьян.

Преимущественно из среды приписных крестьян формировались и другие категории горнозаводского населения, в частности, штат мастеровых казенных заводов пополнялся за счет рекрутских наборов. В 1726 г. рекруты составили 27% мастеровых, в 1746 г. – 70%, а на некоторых предприятиях – до 90%. Рекрутирование практиковалось до начала 1760-х гг. Указ от 17 января 1752 г. разрешил и владельцам частных заводов в случае недостатка квалифицированной рабочей силы из числа крепостных дополнять ее до установленной численности путем перевода на мануфактуры приписных крестьян. Этим широко пользовались влиятельные представители аристократии. Так, на Авзянопетровские заводы Шувалова с 1754 по начало 1760 г. были переселены 992 души, из которых около 300 человек зачислено в мастеровые, а остальные, оставаясь формально приписными, но не имея пахотной земли, работали у него круглый год по найму.

Первоначально вольные работники на частных заводах, несмотря на то, что они в большинстве были беглыми, имели свободу передвижения. Их статус начал меняться со второй половины 1730-х гг. В 1736 г. по просьбе Акинфия Демидова было разрешено сначала ему, а затем и другим заводчикам оставлять у себя беглых и отпущенных по паспортам помещичьих крепостных, обучившихся заводским ремеслам, при условии выплаты бывшим владельцам компенсации. Окончательно категория «вечноотданных» оформилась Указом от 30 декабря 1755 г., который повелел всех записанных в последнюю ревизию пришлых на частных заводах Урала оставить при тех заводах «вечно» и употреблять в работы наравне с крепостными и купленными к заводам посессионными крестьянами.

Так сформировались категории казенных мастеровых при государственных и «вечноотданных» (фактически крепостных) при частных горных заводах Урала. В отличие от приписных

они не имели собственного хозяйства, а основным источником существования для них являлась заработная плата.

Подавляющее большинство горнозаводского населения проживали в Пермской губернии. К концу XVIII в. в ней насчитывалось 418 тыс. жителей, в том числе 225 тыс. государственных крестьян, из которых 118 тыс. были приписаны к казенным заводам и 64 тыс. к частным; 137 тыс. помещичьих крестьян, из которых 39,5 тыс. являлись мастеравыми и работными людьми; 7,3 тыс. государственных мастеровых. Всего при казенных заводах Урала насчитывалось 9098 душ мастеровых и заводских крестьян.

Большую роль в формировании рабочих кадров уральской промышленности сыграли «гулящие» люди, легально покинувшие общину и кормившиеся заработками на соляных промыслах и в земледельческих слободах. Удельный вес их среди уральского населения был велик и достигал в ряде случаев до 30–50%. Именно они и составляли на первых порах основной костяк вольнонаемных работников.

§ 2. Превращение Урала в крупнейший экономический центр империи

Образование Уральского промышленного района – явление уникальное, не имеющее аналогов в мировой истории. Здесь в исторически короткий срок, в отдаленном от центра страны, малонаселенном крае было построено 197 крупных чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов, оснащенных современной для той эпохи техникой.

Сформировавшись в первой трети XVIII в., Уральский промышленный район сразу же выдвинулся на первое место в России, оттеснив на второй план Тульский и Олонецкий металлургические районы. Уральский округ, по словам В.О. Ключевского, стал открытием Петра I. К середине XVIII в. Урал становится мировым поставщиком металла. Первоначально за границу шло в основном железо, получаемое на казенных заводах.

По сведениям берг-коллегии, с 1722 по 1727 г. было продано за границу 238998 пудов железа, в основном это была

продукция уральских заводов. Развитие российского экспорта металла свидетельствовало о крупнейших экономических сдвигах, происшедших в стране.

До конца XVIII в. Урал оставался ведущим регионом металлургического производства. Если в первой четверти столетия уральская металлургия насчитывала 20 домен, 54 молота, 66 медеплавильных печей, то к концу века эти показатели выглядели следующим образом: 77 домен, 595 молотов, 263 медеплавильные печи. На Урале выплавлялось $\frac{2}{3}$ российского чугуна и $\frac{9}{10}$ меди.

К концу XIX в. на Урале действовало 154 чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов, объединенных в 38 горнозаводских округов. Из них 115 находились в Пермской, 26 в Оренбургской и 13 в Вятской губерниях.

По характеру владения они делились следующим образом: 52 являлись вотчинными (помещичьими), 78 – посессионными (пользующиеся государственной помощью – «посессией» в виде казенных земель, лесов, рудных месторождений, приписных крестьян, а также выстроенные государством и переданные частным лицам) и 24 – казенными.

Выплавка чугуна всеми металлургическими заводами России к началу XVIII в. составляла всего 150 тыс. пудов в год. В 1725 г. только уральская металлургия давала 800 тыс. пудов, или около 75% общероссийского объема. К 1765 г. производство достигло 3,7 млн. пудов. Спустя еще 50 лет, к 1807 г., частные предприятия Урала выплавляли 6,5 млн. пудов чугуна и 4,8 млн. пудов стали, а казенные – 1,3 млн. пудов чугуна и 720 тыс. пудов стали. В дальнейшем частные заводы продолжали наращивать производство, тогда как казенные сохраняли его на прежнем уровне. В 1750 г. казне все еще принадлежало 42% доменных печей, а в 1800 г. – только 12%. Быстро развивалась и медеплавильная промышленность (почти вся на Урале). К 1750 г. числилось 22 медеплавильных заводов, в 1780 – 43, выплавка меди за то же время увеличилась в 4,5 раза с 35,7 тыс. пудов в 1751 г. до 175,6 тыс. в 1875 г. Однако с 1760-х гг. строительство постепенно пошло на убыль и к началу XIX в. практически прекратилось. Застой в медеплавильной

промышленности обозначился в 70-х гг. XVIII в., объем выпускаемой продукции в ней даже сократился.

При этом производительность доменной печи в среднем увеличилась к 1765 г. всего в полтора раза, а к концу века – в два раза. Таким образом, источником роста производства чугуна на Урале был не столько технический прогресс, сколько экстенсивность производства, требовавшая все новых рабочих рук. Это привело к быстрому увеличению контингента подневольных заводских работников, а затем и к поражению в конкурентной борьбе с предприятиями юга России, основанными на использовании вольного труда.

Наряду с развитием промышленности, в регионе продолжала развиваться традиционная отрасль – сельское хозяйство. Основными зерновыми культурами, возделываемыми здесь, были озимая рожь, ячмень. Ведущее место в производстве сельскохозяйственной продукции занимали Челябинский, Бузулукский и Мензелинский уезды Оренбургской губернии, Шадринский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский и Оханский уезды Пермской губернии, Малмышевский, Елабужский, Сарапульский уезды Вятской губернии.

Средняя урожайность в земледельческих зонах Урала колебалась от сам 2,2 до сам 4,3. В южных районах преобладающую роль в хозяйстве играло скотоводство, где зажиточные башкиры держали табуны в 1000 и более лошадей, русские зажиточные крестьяне содержали по 200 и более лошадей. В среднем на крестьянский двор в конце XVIII в. приходилось 2 лошади, 3 головы крупного рогатого скота и 3 свиньи.

Важным дополнением к земледелию и животноводству в хозяйствах уральских крестьян являлись охота, рыбная ловля, пчеловодство и бортничество.

Крестьянство, по данным III ревизии (1767 г.), составляло самую многочисленную категорию податного населения – 97,8%. Оно было неоднородно. Подавляющее число земледельцев составляли государственные крестьяне, их насчитывалось более 1,5 млн. человек. Вместе с тем следует отметить, что благодаря формированию и развитию промышленности внутри этой категории появилась новая группа населения – приписные к

заводам. В 60-х годах XVIII в. 121 тыс. крестьян была приписана к казенным и частным заводам. На Урале проживали 63% приписных крестьян страны.

Второй по численности категорией крестьянства на Урале были помещичьи крестьяне. В 1725 г. их насчитывалось 47222 души мужского пола, причем основная масса крепостных принадлежала Строгановым. К числу крупных земельных собственников относились П.И. Рычков (академик), М. Аксаков (дед писателя С.Т. Аксакова), М. Карамзин (отец историка и писателя Н.М. Карамзина) и др. Всего на Урале насчитывалось 17 крупных землевладельцев, которые сосредоточили в своих руках 41,9% крепостных. Остальные крестьяне находились в собственности мелких и средних землевладельцев. В среднем на мелкого помещика приходилось 7 душ мужского пола, а на среднего – 47.

Церковно-монастырские крестьяне составляли третий по значимости разряд крестьян Урала. После Указа Екатерины II о секуляризации церковного землевладения (1764 г.) они влились в состав государственных крестьян.

Численность следующей категории крестьян – дворцовые – на Урале была незначительна и не достигла 5% населения.

Основная масса крестьян продолжала сохранять преимущественно натуральную основу хозяйства, обращаясь к рынку лишь вследствие нужды в деньгах, и участвовала больше в товарном обращении, а не в товарном производстве. Тем не менее бурное развитие уральской промышленности способствовало формированию регионального рынка. Горные заводы сыграли немаловажную роль в становлении рыночных отношений. Они не только осуществляли массовые поставки товарной продукции внутри страны и за рубеж, но и формировали вокруг себя местные рынки, способствуя, таким образом, развитию товарного сельского хозяйства и кустарных промыслов.

Производство металла требовало поставок сырья, рабочих рук, продовольствия, фуража и предметов первой необходимости для горнозаводского населения. Все это стимулировало формирование местных и региональных рынков, втягивало в товарно-денежные отношения население Урала. Вокруг

горнозаводских центров и всего металлургического комплекса в XVIII в. сформировался региональный сырьевой и сельскохозяйственный рынок, ведущее место в котором принадлежало государственным крестьянам. Основным товаром на этих рынках был крестьянский хлеб. Ежегодно уральские заводы потребляли до 6 млн. пудов ржи и фуражного овса. Горные власти были заинтересованы в развитии крестьянской торговли и всячески ее стимулировали. С этой целью повсеместно открывались торжки и базары, учреждались ярмарки и торговые съезды.

Еще в «Памяти» Петра I Никите Демидову предписывалось «для удобства своих покупок мастерам и всяким работникам у заводу жилецким людям» учредить при Невьянском заводе ежегодную Преображенскую ярмарку. Очень скоро она стала одной из самых популярных в крае. Торговали на ней не только окрестные крестьяне и мастеровые, но и купцы из Верхотурья, Туринска, Тюмени, Тобольска, а затем – из Екатеринбурга.

На протяжении всего XVIII в. торговля на горных заводах пользовалась покровительством государства. Берг-регламент 1739 г. подтверждал право беспошлинной торговли: «С привозных на те заводы всяких съестных и прочих припасов, состоящих в горных материалах и тому подобном, пошлины никакой не брать, только чтобы в привозе того не более было, как сколько на пропитание обретающихся тех, как рудокопных, так и плавильных заводов потребно, а не постороннюю продажу, а те припасы чтоб покупаны были в российских городах». В 1723 г. по настоянию В.Н. Татищева была учреждена ярмарка в Екатеринбурге, хотя для этого ему пришлось добиваться специального разрешения Сената. Он же, несмотря на царский запрет, разрешил торговать при заводах по субботам и воскресеньям, так как в будни мастеровые и работные люди не имели времени для покупок.

Много внимания уделял развитию торгово-промышленной деятельности в горнозаводских центрах и В.И. Геннин. Так, в его инструкции начальнику Егошихинского завода капитану Берлину предписывалось: «Дать повеление посторонним купцам и харчевникам продавать при заводе припасы и не заказывать им торговать хлебом, квасом, мясом и всякими съестными

припасами от себя». Когда кто-то из представителей губернской администрации запретил иметь при заводах «харчевые торги», он немедленно обратился в берг-коллегию и добился заверения о наказании виновного и подтверждения «стараться, дабы харчевыми товарами к заводам маркитанты приезжали свободно: чтоб обращающимся при заводах мастеровым людям было чем иметь пропитание».

Крупнейшим торговым центром горнозаводского Урала являлся Екатеринбург. К началу XIX в. там имелся гостинный двор, проводились три ежегодные ярмарки, еженедельно функционировал четырехдневный базар, на который «весь год везут хлеб, рыбу, осетрину, стерлядь и другие харчи». Важными торговыми пунктами были Невьянский и Нижнетагильский заводы. Наряду с ярмарочной, в них широко распространилась и лавочная торговля. Небольшие ярмарки, торжки и базары имелись не только в горнозаводских селениях, но и почти во всех приписных слободах. Хозяиничали на них, как правило, окрестные крестьяне. Только в слободах и в селах пяти уездов Пермской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. регулярно действовало 36 торговых съездов. Обороты на них были довольно значительны, например, привоз товаров на однодневную ярмарку в Мехонской слободе оценивался в 45–50 тыс. рублей.

Таможенный устав 1755 г., защищая интересы купечества, запретил крестьянскую торговлю в городах и пригородных слободах. Однако согласно «Регулам для Провиантского правления» 1758 г., крестьянам по-прежнему разрешалось поставлять на горные заводы провиант, фураж и припасы как путем розничной торговли, так и подрядами. Пользуясь этим, канцелярия Главного правления заводов всячески поощряла предпринимательскую деятельность приписных крестьян, которые вытеснили купцов не только с заводских торжков, но и в самом Екатеринбурге монополизировали торговлю хлебом, мясом и прочей сельскохозяйственной продукцией.

Некоторые заводы, как казенные, так и частные, сами закупали для своих работников промышленные товары большими оптовыми партиями, что обходилось значительно дешевле, а затем выдавали их по мере надобности за плату. Так поступили

конторы Юрюзань-Ивановская, Катав-Ивановская, Белорецкая, Златоустовская и др. Лишь незначительная часть хлеба попадала на заводы посредством вольной торговли. В Петрокаменском заводе контора закупала централизованно по 60 тыс. пудов, крестьяне же соседних селений «возят понемногу», на Серебрянском заводе централизованно закупалось до 50 тыс. пудов, а крестьяне зимой продавали от 2 до 10 возов в день. Более всего вольная торговля крестьянским хлебом была развита при горных заводах Оренбургской губернии. Но и там на предприятия, удаленные от земледельческих районов, например на Авзянопетровские заводы, хлеб поставлялся подрядами в господские магазины, а затем выдавался работникам «по истинным ценам», то есть без торговой наценки.

Большинство горных заводов для хранения закупленного провианта и фуража строили обширные хлебные склады. В начале XIX в. из 73 обследованных предприятий 70 имели такие «магазины». Самый крупный из них, в Чермозском заводе, вмещал 396 тыс. пудов зерна и муки. Всего же в 70 заводских складах могло одновременно храниться свыше 3,7 млн. пудов продовольствия.

Практика централизованных поставок позволяла закупать хлеб значительно дешевле, чем в розничной торговле. Это было важно, поскольку Указ от 15 мая 1785 г. устанавливал фиксированные цены отпуска хлеба и фуража приписным крестьянам и заводским рабочим не дороже 20 коп. за пуд ржаной муки.

Будучи стабильным потребителем продовольствия, горнозаводская промышленность стимулировала развитие земледелия, способствовала превращению его в отрасль товарного хозяйства. Если в начале XVIII в. несмотря на относительно малочисленность горнозаводского населения хлеба в крае не хватало и он был дорог, то к середине 1780-х гг. сельскохозяйственное производство на Урале достигло таких объемов, что полный сбыт товарного зерна на месте стал невозможным. В связи с этим именованным Указом от 15 мая 1785 г. были сняты все ограничения на вывоз хлеба за пределы уральских губерний. Почти одновременно была ликвидирована и десятинная пашня.

Потребляя в основном рожь и овес, горные заводы оказывали заметное влияние на товарную специализацию в смежных районах. Если в большинстве районов Оренбургской губернии, ориентировавшихся на всероссийский хлебный рынок, в конце XVIII в. удельный вес яровой ржи в посевах едва достигал 1,5%, то в Челябинском и Троицком уездах, поставлявших хлеб преимущественно на горные заводы, он превышал 20%. Жители самого плодородного уезда Пермской губернии – Шадринского – также ориентировались на производство товарной ржи и овса. В целом в промышленно наиболее развитой Пермской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. из 750 тыс. четвертей посевов рожь составляла 320 тыс., овес – 270 тыс., а пшеница только 53,7 тыс.

Если в хлебной торговле крупные подрядчики почти не играли никакой роли, то заготовка руд, флюсов, горнового и трубного камня, строительство сплавных судов осуществлялась в основном подрядами. Это позволило властям с 1779 г. официально освободить приписных крестьян от всех видов обязательных поставок и работ, оставив за ними только рубку куренных дров и возку заводских грузов.

Особенно широких масштабов частное предпринимательство достигло в рудном промысле. В силу специфики, требующей высокой концентрации рабочих, он вскоре оказался в руках немногих крупных подрядчиков-монополистов. Так, к началу XIX в. 14 поставщиков полностью обеспечивали рудой Кыштымский горный округ – один из крупнейших на Урале, поставляя ежегодно в общей сложности около миллиона пудов обожженного сырья, шестеро из них являлись приписными крестьянами, столько же – отставными мастерами и только двое – купцами.

Радиус экономического воздействия крупных горнозаводских предприятий был велик, выходя далеко за пределы горнозаводского Урала. В 1791 г. в числе лиц, получивших задатки под работы и поставки товаров для Богословского завода, числились жители четырех наместничеств – Пермского, Тобольского, Вятского и Вологодского. В платежных ведомостях

отмечены отходники из таких удаленных уездов, как Курганский, Тюменский, Тобольский, Томский.

Документы свидетельствуют, что на провиант, фураж и предметы первой необходимости для работников приходилась примерно треть заводских расходов. Еще треть уходила на оплату различных поставок производственного назначения и на оплату вольнонаемного труда. Лишь около 30% затрат шло на оплату подневольного труда мастеровых, заводских и приписных крестьян, а также на жалование горным офицерам, приказчикам и мастерам. Следовательно, около 70% оборотных средств горных мануфактур в конце XVIII в. непосредственно вращались в системе региональных рыночных отношений.

Наиболее прочными экономические связи с горными мануфактурами были у приписных крестьян горнозаводской зоны Урала. К концу столетия сельское хозяйство у них играло уже второстепенную роль. Значительная часть населения не только не имела товарных хлебных излишков, но и сама питалась покупным хлебом, зарабатывая деньги отходом на заводские работы и промыслами.

§ 3. Укрепление юго-восточной границы государства, создание Оренбургской оборонительной линии

XVIII в. явился важным этапом в появлении на карте Урала новых населенных пунктов и формировании на его территории городов. В 1720–1740-е гг. российское правительство осуществило ряд крупных мероприятий по укреплению юго-восточной границы империи. Два обстоятельства делали эти меры жизненно важными. Во-первых, необходимость защиты новых земель, вошедших в состав государства. Во-вторых, в результате победы в Северной войне и укрепления западной границы Россия смогла сосредоточить свое внимание на востоке.

В самом начале XVIII в. была воздвигнута линия укреплений, протянувшаяся от Кунгура к верховьям Уфы. Большую роль в становлении ее и дальнейшей судьбе края сыграло основание в 1723 г. г. Екатеринбурга. Город был заложен немецким генералом, находившимся на русской службе, Вильгельмом

ан-

и

сь

а-

п-

п-

их

м

)-

в

-

т

е

)

Генниным как город-завод, город-крепость. Впоследствии он превратился в центр уральской промышленности.

Во второй четверти XVIII в. интенсивно идет освоение территории Южного Урала. В этот период здесь возникают многочисленные крепости, поселения, форпосты. Образование их было связано с деятельностью Оренбургской экспедиции, созданной по поручению правительства И.К. Кириловым. Статский советник, обер-секретарь Сената И.К. Кирилов составил проект «О построении города при устье реки Ори для подданных башкирцев и пришедших вновь в подданство киргиз-кайсацкого и кара-калпакского народа. О наряде работников для строения, о снабжении оного города гарнизоном, артиллерийскими орудиями, припасами и об определении на сей предмет Уфимских прибыльных доходов сверх прежнего оклада». Предложения Сенату по строительству крепости Оренбург как главного опорного пункта русской колонизации и центра будущей торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией высказал перешедший в русское подданство хан Абу-Хайра.

В 1734 г. оренбургская экспедиция была сформирована, ее опорным пунктом была избрана Уфа. Весной 1735 г. И.К. Кирилов выступил из Уфы с 15 пехотными ротами, 350 казаками и 600 мещеряками. Начинается планомерное завершение строительства Оренбургской оборонительной линии. В 1735 г. основывается город Оренбург, который через несколько лет переносится на второе, а затем и на третье, более удобное в стратегическом плане место. Правда, оно находилось уже за 400 с лишним верст от реки Орь, давшей название городу. Вскоре город превращается в центр образованной Оренбургской губернии. По заданию И.К. Кирилова началось строительство ряда крепостей по реке Миассу. Непосредственно работами по сооружению крепостей руководил управитель казенными уральскими заводами В.Н. Татищев. Ему Указом императрицы Анны Иоанновны от 14 февраля 1736 г. вменялось в обязанности «оказывать вспоможение стацкому советнику Кириллову в делах Оренбургской экспедиции и в устройении крепостей».

В течение 1736 г. по приказу В.Н. Татищева был возведен ряд крепостей – Чебаркульская, Еткульская, Челябинская,

Миасская. Полковник А.И. Тевкелев, помощник И.К. Кирилова, а впоследствии В.Н. Татищева 10 (21) сентября 1736 г. сообщал последнему: «Вашему превосходительству покорно доношу: сего сентября 2 дня (по новому стилю – 13 сентября) на реке Миассе, в урочище Челяби, от Миасской крепости в тридцати верстах, заложил город, где оставя от строения оногo Челябинского городка и кошение сена надежную команду регулярную и нерегулярную и несколько мужиков сего же сентября 10 числа прибыл я с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно...»

Площадь Челябинской крепости первоначально была невелика. Ее размеры составляли 60х60 саженей (около 130х130 метров). Она имела деревянное ограждение. В первоначальном виде крепость оставалась недолго. Вскоре вокруг нее возникли поселения казаков и посадских людей. Это повлекло за собой необходимость постройки наружной системы укреплений, протяженность которой составила 14 верст 337 саженей (4,988 км). В 1739 г. население крепости составляло 1133 человека, к концу века оно превысило 2,5 тыс. человек. С 17 (28) марта 1743 г. Челябинск стал центром Исетской провинции.

Особое внимание усилению Исетской провинции и в целом Уральскому региону уделял возглавивший с 1742 г. по Указу Елизаветы Петровны оренбургскую экспедицию И.И. Неплюев (1693–1773 гг.). Верный приверженец и последователь петровских преобразований, И.И. Неплюев 16 лет своей жизни связал с Уралом, был фактически наместником формирующегося Оренбургского края, включавшего в себя территорию будущих Самарской, Оренбургской, Уфимской, части Пермской губерний, Уральской области и киргизской степи. При И.И. Неплюеве по рекам Сакмаре, Яику, Увелке, Миассу и Тоболу было построено до 70 крепостей. Среди них Кизильская, Петропавловская, Степная, Уйская, Каракульская, Крутоярская, Магнитная (1743 г.), Троицкая (1744 г.), Звериноголовская (1753 г.) и др.

Бурное промышленное строительство, освоение новых земель и возросшая военно-оборонительная потребность привели к строительству новых городов. К началу XIX в. на территории Вятской, Оренбургской и Пермской губерний насчитывалось

более 40 городов. Старые уральские города Соликамск, Верхотурье, Чердынь из-за изменения торговых путей начали утрачивать свое значение, зато быстро росли молодые города – Екатеринбург, Троицк, Челябинск. Стремительно рос Оренбург: с 1747 по 1760 г. в нем количество домов выросло более чем в 3 раза и достигло 2866, в городе действовало 8 церквей и два собора, работало 6 учебных заведений – 4 училища и 2 школы.

Состав городского населения был разнообразным. В крупных городах большой процент составляли городские сословия – купцы и мещане: в Кунгуре их было 98% мужского населения, в Перми – 80%, в Екатеринбурге – 46%. В городах, входящих в Оренбургскую оборонительную линию, большинство населения составляли казаки и солдаты: в Оренбурге – 76,6%, в Челябинске – 60,6%, в Уфе – 52,3%. И тем не менее Уральский регион продолжал оставаться в основном регионом с преобладающим сельским населением. Горожане в середине XIX в. составляли только 3,3% всего населения, – это было значительно меньше, чем в Европейской части России, где их проживало 9,1%.

К середине XVIII в. Урал представлял собой пеструю картину этнического состава населения. В первую очередь, это было связано с освоением края и гигантским по тем времена перемещением населения на восток. Правительство содействовало как вольной, так и дворянской колонизации региона. Переселяющиеся сюда люди преимущественно были выходцами из Симбирского, Пензенского, Саратовского, Казанского и Свяжского уездов. Среди них были русские помещицы, государственные, а также нерусские ясачные крестьяне. По данным III ревизии (1767 г.), русское население составляло примерно треть всех жителей, среди нерусских народностей ведущее положение занимали башкиры, татары, мишари, чуваша, марийцы, удмурты.

Первоначально заселение новых территорий шло медленно в форме освоения свободных целинных земель. Русские и «инородцы» жили чересполосно, нередко в одном селении проживали представители нескольких народностей. В середине XVIII в. среди аборигенных народов и этнических групп

получает распространение неземледельческий отход на горнозаводские работы. На заводах Северного и Среднего Урала рубкой дров и перевозкой грузов занималось значительное количество коми-зырян, считавшихся лучшими лесорубами. На Южном Урале доставкой руды на заводы преимущественно занимались башкиры. На соляных промыслах и сезонных работах трудились мешеряки, тептяры, татары, чуваша и мордва.

Однако XVIII в., отмеченный усилением крепостничества в стране, повышенной потребностью государства в дополнительных средствах на подъем экономики и ведение активной внешней политики, привел к изменению отношения к малым народам. Яркий пример тому – Указ императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., изданный во время башкирского восстания. Указ фактически изменял основные условия присоединения Башкирии к России: отменял вотчинное право башкир на землю, провозглашенное Иваном Грозным. Казна получила право распоряжаться башкирскими землями. Предписывалось увеличить число воинских команд в крае. Эти меры предполагали увеличение притока различных категорий русского населения.

На рубеже XVIII–XIX вв. Урал представлял собой мощный аграрно-индустриальный регион, в котором значительно изменилась демографическая ситуация: резко увеличилась численность и плотность населения, вообще возросла численность русского населения.

Если в конце XVII в. численность русского населения здесь составляла около 200 тыс. человек, в середине XVIII в. их проживало более 1 млн. человек, то накануне отмены крепостного права из 6,6 млн. населения Урала 79% составляли русские. Крестьянская и промышленная колонизация Урала привела к подъему экономики края, ускорила переход аборигенных народов к оседлой жизни, способствовала развитию их культуры. Были созданы предпосылки для установления взаимовыгодных отношений между Россией и Средней Азией через дипломатические и торговые связи. Урал в XVIII в. превратился из далекой окраины в крупнейший промышленный регион России.

Глава IV. Этнические и социальные конфликты в Российской империи и на Урале (XVI–XVIII вв.)

§ 1. Социальные и этнические конфликты на Урале в XVI–XVII вв.

В XVI – XVII веках Российское государство потрясли социальные и национальные конфликты, вполне объяснимые в стране с таким пестрым этническим и социальным составом населения, как Россия. Даже в государствах более однородных в этом плане они тогда были, как известно, нередки. Что касается Урала, то в этом регионе острота национальных и социальных противоречий была столь велика, что он фактически с момента присоединения к Российскому государству стал одним из эпицентров многочисленных конфликтов.

Вначале особой остротой отличались конфликты национальные. В 1582 г. против русского владычества восстала Башкирия. Недовольные действиями местной администрации, повстанцы стремились уничтожить все возникшие к тому времени русские поселения, убивали переселенцев, невзирая на пол и возраст. Только мужество ратных людей – дворян, детей боярских, стрельцов и казаков дало возможность подавить выступление.

Российское правительство понимало, что одними лишь репрессивными мерами удержать присоединенные на Урале территории невозможно. Были приняты экстренные меры по привлечению в Башкирию русских, и не только русских, переселенцев. Сюда были переселены, в частности, наскоро крещенные после взятия Казани арские татары, потомки которых получили позднее название нагайбаков. Переселяют в этот край немало марийцев, удмуртов, мишарей, мордвин. Конечно, они тоже были не очень-то надежными подданными. Но зато у них сразу же начались трения и стычки с коренным населением на весьма благодатной для этого почве земельных отношений. Сказывалась здесь также и религиозная рознь. На этих

противоречиях во многом строила свою политику русская администрация.

Башкирские бунты («замешательства») были поэтому довольно часты. Из них, пожалуй, наибольшим размахом отличалось восстание 1662–1664 гг. Непосредственным поводом для него было увеличение податей, которые приходилось платить ясачным людям. Вскоре, однако, выступление приобрело политическую окраску. Башкирская знать, возглавившая восстание, выдвинула лозунг выхода из российского подданства. Предполагалось создать некое мусульманское государство под эгидой крымских ханов. Другие руководители повстанцев подумывали о союзе с калмыками и о том, чтобы обратиться за покровительством к потомкам сибирского хана Кучума. К восстанию присоединились черемисы, мордва, чувашаи, татары, остяки, вогулы. Русскому правительству пришлось бросить на подавление восстания крупные вооруженные силы, широко применять репрессивные меры. Но подавить это выступление удалось лишь после того, как повстанцы убедились в эфемерности их надежд на помощь кучумовичей, крымского хана и калмыков. Только тогда мятежники стали приносить повинные.

Конечно, проблему взаимоотношений «инородческого» и русского населения на Урале ни в коем случае нельзя упрощать. Зачастую непосредственным поводом для мятежей были действительно возмутительные действия российской администрации, притеснения царских воевод. Известно также, что нередко восставшие выступали под лозунгами борьбы за национальную независимость. Но есть и другая сторона проблемы. В ходе такого рода выступлений восставшие, взявшись за оружие, сплошь и рядом вовсе не склонны были делать какие-либо различия между царской администрацией и русскими вообще, уничтожали или в лучшем случае продавали в рабство всех русских. Все это вело к тому, что и сами мятежи, и их подавление отличалось крайней жестокостью.

Не меньшей была острота социальных столкновений. Во время Смуты на рубеже XVI–XVII вв. яицкие казаки вместе с донцами, запорожцами, казаками Терека поддерживали, и довольно активно, выступления против Бориса Годунова. Их

отряды участвовали в походах на Москву армии Болотникова, выдававшего себя за воеводу сына царя Федора Иоанновича царевича Петра (которого русские летописи называют, впрочем, воров Петрушкой и который был на самом деле не сыном Федора Иоанновича, а посадским человеком из Мурома, потом же терским казаком, называвшим себя без ложной скромности Илейкой Муромцем).

Казаки сыграли весьма существенную роль, в частности в боях под Тулой. Отбив войско И.И. Болотникова от Москвы, армия В.И. Шуйского двинулась на Тулу, где обосновались повстанцы. В июле 1607 г. крупные бои разгорелись за Каширу, к которой почти одновременно подошли царские войска под командой Прокопия Ляпунова, князей Голицына и Лыкова, а также отряды повстанцев под командой перешедшего на сторону И.И. Болотникова боярина князя А.А. Телятевского. На берегу реки Восмы разгорелся кровопролитный бой. Повстанцы, казалось, побеждали, но в самый решительный момент царские воеводы Голицын и Лыков лично кинулись в гущу сечи, смяли врага и вынудили его отступить.

Бросив знамя, обоз и пушки, бежал в Тулу Телятевский. Московские войска гнали повстанцев на расстоянии тридцати верст, взяв в плен до пяти тысяч человек. На этом фоне тем более замечательным было мужество казаков. Даже когда битва была проиграна, они не думали ни об отступлении, ни о сдаче. 1700 казаков – яицких, терских, донских – засели в оврагах, балках и отстреливались до последней возможности, а когда кончились заряды и порох – сражались врукопашную. «Храбрейшие из злодеев» назвал их Н.М. Карамзин, отнюдь не сочувствовавший повстанцам вообще и сражавшимся на стороне И.И. Болотникова казакам в частности. Окруженные со всех сторон, они сражались два дня и лишь на третий тех, кто еще оставался жив, удалось захватить в плен силой. Их тут же казнили всех, кроме семи человек, которых помиловали по просьбе верных Шуйскому дворян, спасенных некоторое время назад казаками (когда дворяне эти были в плену у повстанцев Лжепетра).

После поражения И.И. Болотникова и сдачи Тулы уцелевшие в боях казаки поддерживали то Лжедмитрия II, то

нового кандидата на московский престол Владислава (сын польского короля Сигизмунда). Они считались московским правительством настолько опасными, что на переговорах бояр с польскими сенаторами об условиях, на которых Владислав может стать московским царем, было (по требованию бояр) специально оговорено: «О казаках волжских, яицких и терских король должен будет держать совет с боярами и думными людьми: будут ли эти казаки надобны или нет».

Характерно то, что города, поддержавшие Лжедмитрия II, требовали от него в отношении казаков примерно того же, чего требовали москвичи от Владислава. В приведенном С.М. Соловьевым тексте присяжной записи казанцев прямо говорилось: «От литовских людей никаких указов не слушать и с ними не ссылаться, против них стоять и биться до смерти. Казаков нам волжских и донских, терских и яицких и архангельских стрельцов в город помногу не пускать и указов их не слушать же, а пускать казаков в город для торговли понемногу, десятка по два или по три, и долго им в городе не жить». Конечно, написать такую бумагу было гораздо легче, чем добиться ее выполнения. Не очень-то склонны были казаки подчиняться такого рода ограничениям даже со стороны тех кандидатов на престол, которых они в тот момент поддерживали.

В отличие от казаков большинство городского населения Урала, как и крестьян, оставались в годы Смуты лояльными по отношению к сменявшемуся в Москве правительству. Большинство, но не все. Во время восстания И.И. Болотникова бунтовали посадские люди в Вятской земле. Они, по выражению С.Ф. Платонова, «открыто бранили Шуйского и сочувствовали Дмитрию, которого считали живым». Уральские «инородцы» также пытались воспользоваться случаем, чтобы «сбросить с себя подчинение русским». Но в общем это движение не получило тогда широкого размаха.

С Яиком связан последний и, быть может, один из наиболее трагических эпизодов Смутного времени. Дело было в 1614 г. Москва была уже освобождена от поляков ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского. Земский Собор подавляющим большинством присутствовавших избрал на

престол Михаила Романова. Его власть постепенно укреплялась. Но на юг – в Астрахань, а потом и на Яик, бежал честолюбивый и упрямый атаман Иван Заруцкий, мечтавший то о том, чтобы стать повелителем громадной федерации казачьих республик (донской, терской, волжской, яицкой), то правителем Московского царства, то самим царем. Главная опасность была, однако, не в Заруцком, поскольку большинство казаков, даже донских, уже тогда не поддерживали его. С Заруцким были Марина Мнишек и ее сын от убитого в декабре 1610 г. Лжедмитрия II. Вот где была реальная угроза! Окружающие звали мальчика царевичем Иваном. В глазах многих он был законным сыном московского царя. Не было для новой династии опасности более страшной, чем само существование «царевича» Ивана.

Своей резиденцией мятежники сделали Медвежий остров, расположенный на реке Яике в 300 верстах от устья. Получив сведения о месте пребывания Заруцкого и Мнишек, царские воеводы направили на Яик стрелецкие войска. Они обложили со всех сторон Медвежий остров. Мятежники после безуспешной попытки оказать вооруженное сопротивление решили бить челом государю и целовать крест. Заруцкого, Мнишек и ее сына выдали царским войскам. Под усиленной охраной их доставили в Москву, а там расправа была скорой и строгой. Заруцкого посадили на кол. Марина Мнишек умерла в монастыре – от горя, если верить русским источникам, от отравления, если верить источникам польским. Сын же Марины, малолетний «царевич» Иван, был повешен.

Не миновали Урал и потрясения, получившие название крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Поход Разина, начатый в 1667 г. как обычный казачий поход за «зипунами», уже вскоре приобрел непривычные для такого рода предприятий черты. Разинцы, пополнившие свои ряды массой беглых крестьян, разоряли хозяйства «домовитых» казаков, нападали на караваны не только купеческих, но и патриарших и даже казенных судов, уничтожали дворян и приказных. План Разина состоял в том, чтобы, пройдя по Волге и Каспийскому морю, подняться затем по Яику, захватить Яицкий городок и сделать его своей опорной базой для последующих экспедиций.

В начале июня 1667 г. разинцы, разгромив по пути крупный отряд стрельцов, вырвались в Каспийское море и направились к Яику. У устья они встретили довольно крупный отряд стрельцов, уничтожили его и поднялись вверх по реке до Яицкого городка. Гарнизон, состоявший отчасти из казаков, отчасти из присланных из Астрахани стрельцов, решил сопротивляться. Казаки, правда, поголовно сочувствовали Разину. Но, опасаясь стрельцов, не могли открыто перейти на его сторону.

Как бы то ни было, Яицкий городок не сдавался. Взять его штурмом было очень непросто, да и потери могли быть немалые. Разин пошел на хитрость. Он и еще несколько десятков казаков проникли в город под видом богомольцев, а затем уже открыли ворота своим товарищам. Победители жестоко расправились с побежденными. Около 170 человек, прежде всего командиры стрельцов, были казнены. Остальным разрешено идти туда, куда хотят. Они пошли в Астрахань, но Разин догнал их, часть перебил, других заставил присоединиться к своему отряду. Примкнули к нему и многие яицкие казаки. Вместе с ними он ходил на стругах осенью 1667 г. к устью Волги, пограбил в море купеческие суда и вернулся с добычей в Яицкий городок.

В марте 1668 г. Разин окончательно покинул Яик и никогда на него больше не возвращался. Но в 1670 г., во время похода С.Т. Разина на Москву, яицкое войско почти в полном составе поддержало его. Разгромив восстание Разина, правительство простило яицких казаков, но, воспользовавшись случаем, постаралось укрепить свои позиции на нижнем Яике. Яицкое войско подчинили Казанскому ведомству и обязали регулярно наряжать казаков на военную службу.

В результате в 1677 г. часть войска под командой атамана Василия Касимова вновь взбунтовалась, но выступление подавили правительственные войска. Казаки вынуждены были уйти в Каспийское море без достаточных запасов продовольствия. Они попытались напасть на персидские владения, однако захватить их не удалось, многие попали в плен. Часть казаков перешла в магометанство и была поселена на жительство в Шемахе. Остальные – кто сгинул в плену, кто, правда уже значительно позднее, вернулся на Яик.

Отголосками разинщины на Урале были также действия отряда Ильи Иванова, пришедшего в 1671 г. из Поволжья уже после разгрома восстания. Мятежники призывали «охочих людей» Вятки и Соли Камской вступать в их отряд. Волнения посадских людей имели место также в Кунгуре (1671 г.) и в Краснопольской слободе Верхотурского уезда (1672 г.). Они были довольно легко подавлены.

§ 2. Башкирские восстания в XVIII в.

В XVIII в., как и прежде, Урал оставался одним из главных в стране очагов социальной и национальной напряженности. Но характер социальных и национальных движений существенно изменился. Урал превратился к тому времени из сравнительно недавно присоединенной территории в органическую составную часть Российской империи. Поэтому социальные и национальные конфликты приобретают, кроме региональной, общероссийскую окраску. При этом национальное и социальное нередко переплеталось.

В связи с русской колонизацией Урала, особенно в связи со строительством новых крепостей, заводов, обострился национальный вопрос. Местных «иностранцев» зачастую сгоняли с насиженных мест силой или скупали их земли за бесценок (нередко с помощью обмана). Возникали конфликты при размежеваниях земельных владений, решении вопросов об использовании лесных богатств, рыбных запасов в уральских озерах и реках, полезных ископаемых, которыми богата уральская земля. К этому следует добавить продажность и злоупотребления местной администрации, преимущественно русской (или обрусевшей) по своему составу. В результате – значительная активизация этнических движений.

Особенно заметную роль играли на Урале башкирские восстания. Для этого были свои основания. Башкиры составляли в Уральском регионе самую крупную инородческую группу. Если в целом к середине XVIII в. «иностранцы» (коренное население и переселенцы) составляли около полумиллиона человек, то башкир среди них было около 106 тысяч. Башкиры проживали

компактно, причем в XVIII в. их концентрация усилилась в связи с миграцией башкирского населения на юг Урала. Следует отметить также, что территории, занятые башкирами, с одной стороны, были особенно привлекательным объектом для колонизации их переселенцами – здесь было много пахотных земель, полезных ископаемых, строилось много новых заводов. С другой – башкирские земли непосредственно примыкали к киргиз-кайсацкой степи, куда любой недовольный русскими порядками легко мог уйти и откуда мятежники получали поддержку со стороны кочевников, всегда готовых пограбить русские земли. Существенное значение имело и то, что, начиная со времен Ивана Грозного, правительство широко использовало башкир для военной службы. По своему статусу они постепенно приближались к служилым казакам. В результате из поколения в поколение у них формируются и закрепляются неплохие воинские навыки. Уже поэтому они могли постоять за себя.

Мятежи башкирского населения в XVIII в. на Урале были поэтому нередки. Уже в 1705–1711 гг. в связи с дополнительными тяготами, которые легли на уральцев во время Северной войны, вспыхнуло громадное по масштабам восстание. Подавить его удалось лишь с большим трудом. Но в 1735–1741 гг., а также в 1755 г. Башкирию потрясли новые вооруженные выступления коренного населения.

В промежутках же между восстаниями вещью обычной и постоянной было объединение башкирских удальцов с отрядами каракалпаков, ногайцев, калмыков, приходивших для грабежа русских селений. Документы XVIII в. говорят о подобных фактах, как о чем-то вполне заурядном. Например, в Сенатском Указе от 15 марта 1728 г. «Об укреплении городов и острогов в Уфимской и Соликамской провинциях от нападения Башкирцев, и о построении на горах и высоких местах маяков для сигналов жителям в случае неприятельских набегов», как о чем-то само собой разумеющемся и не требующем особых доказательств, говорится о систематических нападениях башкир на русские населенные пункты, которые организуются совместно «с калмыками и прочими степным народами». О том, каким было в этом краю положение, можно судить по тому, что правительству

специальным указом под страхом самых жестоких наказаний приходилось запрещать продажу башкирам огнестрельного оружия, пороха, свинца, иметь в башкирских деревнях кузницы. Фактически переселенные в Башкирию люди постоянно чувствовали себя здесь как на пороховой бочке.

В башкирских выступлениях XVIII в. наряду с лозунгом выхода из подданства русским царям появляется идея формирования собственной национальной государственности, выдвижения из среды собственной знати башкирского хана. Наконец, одним из постоянных требований в ходе восстаний было прекращение насильственной христианизации местного населения.

Крупнейшим в XVIII в. национальным восстанием на Урале было восстание 1735–1741 гг. Непосредственным поводом для него послужило строительство Оренбурга, который рассматривался как форпост русского влияния в только что вошедшем в состав России Казахстане. Курьезно, что строительство Оренбурга, по замыслу инициатора проекта обер-секретаря Сената И.К. Кирилова, должно было улучшить отношения властей с башкирами. Обосновывая свой проект, И.К. Кирилов подчеркивал, что новый город закроет собой башкир от набегов «воровских киргиз-кайсаков». Конечно, это было так, но строящийся город вполне мог быть использован не только для защиты, но и для подавления башкир. Они довольно быстро поняли это. Если в 1734 – начале 1735 г. башкиры даже помогли русской администрации подыскать места для строительства Оренбурга и других более мелких укреплений, то с середины 1735 г. начинают чинить препятствия русским войскам.

Летом 1735 г. нападением на русские войска под командованием И.К. Кирилова башкиры начали открытые военные действия. Через два – три месяца мятеж охватил практически всю Башкирию. Повстанцы нападали на русские города и села, сжигали укрепления, которые им удавалось захватить, грабили провиантские склады и магазины, перехватывали купеческие и армейские обозы с продовольствием, стремясь оставить голодными русские войска. Это была, по существу, невиданная по своим масштабам на юго-востоке Российской империи

партизанская война, в которой обе воюющие стороны *совершенно не стеснялись в выборе средств*.

Довольно крупные по численности отряды повстанцев в 1735 г. совершили ряд дерзких нападений на русские войска. Внезапно атаковав выступивший из Уфы отряд, состоявший из пяти рот Вологодского драгунского полка под командованием подполковника Чирикова, башкиры убили самого командира и многих его солдат. Вскоре отряды повстанцев атаковали шедший из сибирских слобод провиантский обоз, и лишь с большим трудом и потерями его удалось отбить. Поскольку во время восстания большая часть мещеряков выступила на стороне русских, гнев повстанцев обрушился и на них. П.И. Рычков в «Истории Оренбургской» сообщает под 1736 г., что «...бунтовщики башкирцы в сем году несколько разорили мещеряцких и других иноверческих, также и в Кунгурском уезде деревни».

Стали практически повседневым явлением нападения на русские слободы и села. Летом 1738 г. полковник Арсеньев доносил из Теченских слобод по команде: «Апреля 1-го воры башкирцы человек з 10, напали на крестьян и отбили 7 лошадей, да ранили 4-х человек; апреля 10-го напали воры на посланных ис Чебаркульской крепости для лесу солдат, которые воров убили 3-х человек, а воры отбили 4-х лошадей; воры ж башкирцы человек з 30 напали на посланных ис Челябинской крепости для рупки лесу солдат и на служилых татар, с которыми был бой, где воры убили ис служилых 3-х, крестьян 1 полоним, да 2-х ранили, служилого 1, да отбили у служилых их фузей 2, патронов с пули 40, лошадей 6, а от воров отбито и напади». Подобные стычки были настолько обильны и систематичны, что их и за военные-то действия не считали. Они были скорее подробностью быта.

Повстанцы, во главе которых встал энергичный и великолепно разбиравшийся в особенностях политической обстановки на границе Каракасал (или Карасакал), установили связь с киргиз-кайсацкими племенами. В сущности, крайне остро встал вопрос о сохранении русского владычества в Башкирии вообще. Не довольствуясь нападениями на мелкие группы солдат и казаков, повстанцы объединялись в отряды по несколько тысяч

человек, не раз предпринимали атаки против крупных соединений русской армии. 29 июня 1736 г., например, они внезапно напали на лагерь русских войск, которыми командовал непосредственно начальник Комиссии башкирских дел генерал-лейтенант А.И. Румянцев. Русским войскам удалось все-таки отбить натиск повстанцев. Потеряв до двух тысяч человек убитыми, они отступили. Но и потери русских были значительны: 180 человек убитыми, 60 человек ранены.

Однако надо отметить, что в целом столкновения с регулярными русскими войсками и казаками обычно были все-таки не в пользу башкир. Поэтому они предпочитали тактику партизанских действий, наносили неожиданные, зачастую очень ощутимые удары и при малейшей опасности уходили от преследования на своих легких, неказистых с виду, но очень приспособленных для местных условий конях. В отместку карательные отряды нередко предпринимали соответствующие акции против мирного населения. Уже в самом начале мятежа И.К. Кирилов, решив в 1736 г. разорить «разбойничье гнездо башкир», предпринял поход против селений, расположенных по рекам Белой, Уршак, Когуш и Тор. Перебив во время карательных акций до семисот башкир («обоего полу», как уточняет сообщивший об этом походе добросовестный П.И. Рычков), он завершил свою экспедицию массовыми казнями, во время которых было уничтожено еще 158 человек. Кроме того, 99 человек сосланы на службу в Остзейские полки, 85 розданы уфимским поселенцам. Во время экспедиции выжжено до двухсот башкирских деревень, в которых насчитывалось около 4000 дворов.

Курс на усиление репрессий с особым усердием проводил один из преемников умершего вскоре И.К. Кирилова генерал-лейтенант князь В.А. Урусов. Даже в век Анны Иоанновны он сумел выделиться особой жестокостью. По его приказу отряды казаков и солдат жгли мирные селения, посева хлеба, уничтожали бунтовщиков, придумывая нередко самые изощренные казни. 25 августа 1739 г. в шести верстах от построенного недавно Оренбурга (после перенесения города на другое место эта крепость была названа Орской), в присутствии большого количества людей – русских и верных правительству

башкир – В.А. Урусов организовал грандиозную по масштабам экзекуцию. Сообщники Карасакала Джангул Усекеев, Юнус Исмаилов, Карабаш Утеянов, Якуп Касишев были посажены на колья на специально сделанных для этого столбах. 11 человек повешены за ребра, 85 просто повешены, что считалось довольно мягким наказанием, 21 человеку отсечены головы, которые затем воткнули на колья.

По далеко неполным данным, за время восстания в Башкирии одни только воинские команды перебили до 17 тыс. человек. Помилованным повстанцам обрезали носы и уши. Жены и дети мятежников розданы в собственность офицерам, казакам, солдатам. Разорено или сожжено до 700 деревень. Горела огнем Башкирия, и все-таки мятеж не утихал. Становилось все более очевидно, что одними репрессиями восстание подавить невозможно. Необходимы иные, более гибкие методы замирения страны. Они и были приняты правительством. Уже в феврале 1736 г. именным императорским указом генерал-лейтенанту Румянцеву и статскому советнику Кирилову предписывалось: «Служилым Мещерякам, от Башкирцев быть отделенным, и за их верность и службу, что они к противностям Башкирцев не пристали, а против их служили, земли угодьи те, коими они по найму у Башкирцев владели, а те Башкирцы были в воровстве и бунте; те дать им вечно безоброчно, указанные дачи, первому Старшине 200, Ясаулам, Писарю, Сотникам по 100, рядовым по 50 четвертей, и за претерпленный убыток от воров Башкирцев, обещать награждение». Так укреплялась связь русской администрации с небашкирским населением края.

Строго дифференцированное отношение было у государственной власти и к башкирам. Характерна такая деталь: после казней мятежников, устроенных князем В.А. Урусовым, он считал необходимым тут же собрать верных правительству башкирских старшин и наградить их от имени императрицы. Награда, впрочем, была не такая уж большая: старшины получили по четыре аршина сукна и по одной сабле. Но, получая эти довольно скромные награды, многие из них, по-видимому, радовались все-таки от всей души: практически любой из них, судя по имевшимся доносам, мог быть притянут к ответу за участие в

бунте или, по крайней мере, за сочувствие бунтовщикам. Тогда голова его вполне могла очутиться рядом с головами и других мятежников на одном из кольев близ Оренбурга или Сакмары.

Ставка на насаждение в завоеванном крае своих сторонников не могла, однако, принести должного эффекта, если бы Россия не имела здесь достаточной вооруженной силы, надежной системы обороны. Руководители российской администрации И.К. Кирилов, А.И. Румянцев, В.А. Урусов, В.Н. Татищев считали необходимым принять экстренные меры по завершению строительства Оренбургской оборонительной линии. Спешно заканчивается строительство Оренбурга, который, правда, несколько лет спустя переносится на второе, а затем на третье место. Спешно сооружаются форпосты, редуты, слободы, в которые переселяют самарских, алексеевских, донских, малороссийских и, естественно, уральских и уфимских казаков. Особое внимание правительство уделяет усилению обороны Исетской провинции, которая, с одной стороны, должна прикрыть от набегов киргиз-кайсаков уральские заводы (на необходимость чего указывал в свое время еще Петр I). С другой – выстроенные здесь крепости Миасская, Челябинская, Чебаркульская, Еткульская защищали богатые хлебом районы юго-западной Сибири от башкир. Благодаря созданию крепостей в Исетской провинции, Башкирия отгораживалась от киргиз-кайсацких степей. В результате объединение башкир со степняками для нападений на русские поселения было серьезно затруднено. В конечном счете, именно это обстоятельство и привело не только к замирению восставшей Башкирии, но и к тому, что последующие вооруженные выступления башкир подавлялись все же значительно легче. Например, очень крупное, заранее хорошо подготовленное мятежниками восстание Батырши в 1755 г. удалось подавить фактически за несколько месяцев. Тем не менее выступления башкирского населения не прекращались. Весьма активное участие принимало башкирское население Урала и в пугачевщине.

§ 3. Пугачевщина

XVIII век – эпоха важнейших государственных преобразований и одновременно укрепления самодержавия и крепостнических порядков. Урал этого времени представлял один из тех регионов России, в котором социальные противоречия, вызванные усилением крепостного права, достигли чрезвычайной остроты. Социальную напряженность в крае определяло, прежде всего, недовольство различных категорий заводских людей, формировавшихся в процессе роста горнозаводской промышленности. Принципы крепостничества, заложенные в основу организации труда на уральских заводах, вызвали массовые движения «приписных», мастеровых, работных и иных групп зависимых людей, обслуживавших уральские заводы. В 50–60-е гг. XVIII в. волнения в горнозаводской области Урала достигли критической точки: они охватили более 50-ти заводов, в которых числилось около 98 тыс. человек. Лидерами в этом движении являлись приписные крестьяне, испытывавшие в наиболее неприкрытом виде все тяготы внеэкономического принуждения. Их многочисленные челобитные доносят сведения не только о тяжелых условиях труда, негативных экономических последствиях отрыва крестьян от своего хозяйства, но и о прямом надругательстве над их человеческим достоинством. Один характерный пример: зауральские крестьяне, приписанные к Кыштымским заводам Н.Н. Демидова, с возмущением сообщали, что дровосеков за якобы высоко оставленный при рубке пень «немилосердно секли на этом пне», приговаривая «твой де пень не гладок, де его до земли брюхом своим не сгладишь, то и сечь перестанем».

Только усилиями специально созданной комиссии под руководством известного екатерининского вельможи А.А. Вяземского и при помощи военных команд к 1764 г. удалось усмирить приписных крестьян и мастеровых. Но с началом Крестьянской войны 1773–1775 гг. эта народная масса людей составила существенную часть общего повстанческого движения.

Свои основания для недовольства были и у казаков. Следовавшие одна за другой войны не только требовали от казачества постоянно «налога кровью», но и совершенно разоряли многих казаков, поскольку они годами были оторваны от своих хозяйств. Возмущала казаков линия правительства на уничтожение их вольностей. Наконец, много недовольства в Яицком войске вызывали преследования за религиозные убеждения. Яицкие казаки отказались признать проведенную патриархом Никоном церковную реформу, остались сторонниками «старой веры». Но правительство с недоверием относилось к староверам, не без оснований усматривая в их поведении элементы оппозиционности.

Преследования староверов в 1772 г. стали поводом к крупнейшему бунту яицких казаков, непосредственно предшествовавшему пугачевщине. Бунт подавили вооруженной рукой. Около 130 мятежников предали мучительной казни: одних четвертовали, других посадили на колья. 140 человек, предварительно выпоров, сослали в Сибирь, многих отдали в солдаты, что считалось казаками едва ли не хуже Сибири. Казачье самоуправление было фактически ликвидировано. Управлять казаками было поручено яицкому коменданту подполковнику Симону, которому в помощь дали двух старшин. Правительство, казалось, могло торжествовать победу над мятежниками. Но вконец озлобленные яицкие казаки оказались ненадежны.

Бунт с новой силой вспыхнул в 1773 г. На этот раз во главе мятежников встал человек незаурядный – донской казак Емельян Пугачев, объявивший себя императором Петром III, чудом спасшимся от убийц. Скрываясь в течение некоторого времени на Яике, он сумел завербовать среди недовольных репрессиями казаков сторонников и заявил, что с их помощью намерен вернуть похищенный у него престол. 17 сентября 1773 г. Пугачев с отрядом из 80 казаков выступил в поход. Так начиналась пугачевщина – крупнейшая по своим масштабам в XVIII в. крестьянская война.

Программа Пугачева была проста и привлекательна для черни. Крестьянам он обещал освобождение от помещиков, которых призывал лишать жизни, «а доме и все их именния брать

в награждение». Работных людей с уральских заводов освобождал от «отягощения в заводской работе». Башкирам даровал волю и право жить свободно, «как степные звери». Казаков жаловал «крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебным провиантом, и свинцом и порохом, и вечною вольностью». Написанные безграмотным, но живым, образным, доступным языком, пугачевские манифесты были, по справедливому замечанию А.С. Пушкина, «удивительным образцом народного красноречия». А главное – в них говорилось то, чего ждали, хотели слышать простые люди. И они поддержали самозванца.

Крепости Нижнеяицкой укрепленной линии сдавались почти без боя. Казаки переходили к Пугачеву, а с комендантами, их семьями и теми, кто остался верен правительству, была организована жестокая расправа. Не удалось взять лишь Яицкий городок, где тысячный гарнизон под командованием Симонова продолжал сопротивление.

К началу октября повстанцы подошли к Оренбургу – губернскому городу, где находился губернатор Рейнсдорп и местная администрация. У Пугачева в это время в войске было около 2,5 тыс. человек. Сверх того, к нему присоединился отряд башкир в 400 человек. Повстанцы имели около 3 десятков пушек. В Оренбургском гарнизоне насчитывалось около 3 тыс. человек. Для защиты города собралось еще около 1,4 тыс. отставных солдат, гарнизонных служителей и простых горожан. В Оренбурге находилось 70 пушек. С 5 октября началась длительная, продолжавшаяся до марта 1774 г., осада Оренбурга. Бердская слобода, находившаяся рядом с городом, превратилась в ставку Пугачева.

На первых порах удача сопутствовала восставшим. Им легко удалось справиться с присланными Петербургом карательными отрядами и наладить снабжение повстанческой армии продовольствием, оружием. Успех повстанцев во многом был связан с тем, что на их сторону перешли все заводы Южного Урала.

Активную поддержку повстанцам сразу оказали работники Авзяно-Петровского, Воскресенского, Усень-Ивановского и

других заводов. Несмотря на то, что Пугачев с основным войском находился под Оренбургом, повстанческое движение быстро распространялось по всему Уралу. Один из ближайших соратников Пугачева И.Н. Зарубин – Чика со своим отрядом отделяется от Пугачева и организует поход на Уфу. С декабря 1773 г. под его руководством начинается длительная осада Уфы. К нему присоединяются отряды башкир, мещеряков, татар, удмуртов, чувашей, а также многочисленные группы помещичьих и заводских крестьян. К началу первого штурма города – 23 декабря 1773 г. – его армия состояла примерно из 10 тыс. человек.

Район Уфы становится крупнейшим центром повстанцев. Из армии Зарубина создавались небольшие мобильные отряды, действовавшие и в районах Прикамья и Зауралья. Один из них, под командованием И.Н. Грязнова, в начале января 1774 г. вошел на территорию Исетской провинции и захватил, правда ненадолго, Челябинск.

Начавшись на Южном Урале, повстанческое движение набирало силу и в других уральских районах, где формируются самостоятельные повстанческие отряды. На Среднем Урале наибольшее значение приобрел отряд И.Н. Белобородова, выходца из приписных крестьян Кунгурского уезда. Он действовал в районе Суксунского, Бисертского, Ревдинского заводов, принадлежавших Демидовым. Овладев Ачитской крепостью, Белобородов повел свой отряд к Екатеринбургу. По пути к городу ему удалось захватить Шайтанский и Билимбаевский заводы, ставшие основной базой войска Белобородова. Повстанцы были остановлены лишь в 5 верстах от Екатеринбурга. В январе-феврале 1774 г. на их сторону перешло около 20 заводов. В отряд Белобородова входило, по разным данным, 1,5–3 тыс. человек.

Развитие повстанческого движения на Среднем Урале имело свои особенности. Здесь не все заводы вставали на сторону повстанцев. Известно немало случаев, когда мастеровые и работные люди оказывали сопротивление пугачевцам. Примерно 1/3 заводов не поддержала повстанцев. Это можно объяснить тем, что здесь были сосредоточены наиболее старые заводы. На

них уже сложилась прослойка потомственных мастеровых и работных людей. Они осознавали себя особой социальной группой, чья жизнь целиком зависела от деятельности завода. Завод уже стал средой их обитания. Такие рабочие выступали против разрушения заводов и оказывали сопротивление повстанцам. Например, на Ревдинском заводе часть мастеровых присоединилась к восставшим. Другая ушла в Екатеринбург, а потом участвовала в карательных экспедициях против отрядов Белобородова. Надо учитывать и то, что часть населения старых заводов Урала принадлежала к относительно зажиточному слою заводских жителей. Речь шла о людях, занимавшихся торгово-предпринимательской деятельностью, высокооплачиваемых мастерах, не желавших разорения заводских поселков. Этим можно объяснить тот факт, что повстанцам не удалось взять Полевской, Северский, Сысертский и другие заводы. Они охранялись исключительно местными жителями.

В отличие от Южного Урала, местные власти которого не успели организовать продуманную систему обороны, на Среднем Урале формируется общий центр борьбы с повстанцами. Им становится канцелярия Главного управления заводов в Екатеринбурге, начальником которой был полковник В.Ф. Бибиков. Он разработал особую тактику защиты горнодобывающих центров Урала. При недостатке сил Бибиков сумел все же создать оборонительную линию с несколькими опорными пунктами. Ими стали Екатеринбург, Кунгур, Юговские заводы. И хотя многим заводам пришлось сдаться пугачевцам, но на переломном этапе Крестьянской войны в опорных пунктах значительные силы повстанцев потерпели поражение. К тому же на Средний Урал в начале 1774 г. удалось стянуть несколько карательных отрядов. Их общая численность составляла более 3 тыс. человек.

Отряд Белобородова в начале марта 1774 г. вынужден был отступить от Екатеринбурга к Каслинскому и Кыштымскому заводам. Здесь он встретил полную поддержку со стороны заводских жителей. Тем не менее уход его отряда от центра горнозаводского края – Екатеринбурга означал начало перелома в

войне. В марте повстанческое движение на Среднем Урале было в основном подавлено.

На территории Пермского края основные действия восставших были сосредоточены в районе городов Оса, Кунгур, Красноуфимск. Здесь действовало до 3 тыс. вооруженных повстанцев. Их отряды отличались многоэтническим составом. Наиболее крупными из них командовали Б. Иткинин и И. Кузнецов. В январе 1774 г. повстанцы начали штурм Кунгура, но взять его не удалось. Однако осада города продолжилась до октября 1774 г.

Неудачи повстанцев в разных районах Урала завершились сильнейшим поражением основной армии Е. Пугачева в Татищевой крепости. Это заставило Пугачева снять осаду Оренбурга. Пугачев с небольшой группой казаков направился в сторону южноуральских заводов, которые всегда его поддерживали. Его отряд снова разрастается. Но его постоянно преследовали правительственные войска. С боями повстанцы прошли Магнитную, Троицкую крепости. У последней 21 мая пугачевцы вновь терпят сильное поражение. Дальше путь лежал к Златоустовскому и Саткинскому заводам. В этих местах действовал башкирский сподвижник Пугачева Салават Юлаев. Его отряд включал 3 тыс. человек.

В начале июля 1774 г. отряды Е. Пугачева и С. Юлаева соединяются и одерживают победу над преследовавшим их отрядом Михельсона. Это произошло у д. Верхние Киги. Далее путь повстанцев лежал к г. Осе Пермской губернии. К этому времени в районе Оса-Красноуфимск собрались многие повстанческие соединения, в том числе отряд И. Белобородова. Оса и Красноуфимск в конце июня были взяты. Соединенная армия Пугачева двинулись на Казань.

Огнем полыхнуло Поволжье. Здесь были тогда самые крупные и богатые помещичьи имения, и ненависть к дворянам у черни была особенно сильна. При первом же появлении пугачевцев крестьяне брались за топоры. Силы повстанцев выросли неоднократно. Они вновь и вновь громят правительственные войска. Пугачеву присягали Казань и Симбирск. Он подумывал

уже о походе на Москву. И трудно сказать, что могло бы произойти, подойди к Москве хоть маленький отряд мятежников.

Но время Пугачева уже прошло. Екатерина II, правительство приняли экстренные меры по разгрому повстанцев. Срочно заключили мир с Турцией. Для борьбы с Пугачевым перебрасывались лучшие царские войска, военачальники, в том числе генерал-поручик А.В. Суворов. С диктаторскими полномочиями был назначен главнокомандующим действовавшими против повстанцев войсками граф П.И. Панин. Разгромленный правительственными войсками, преданный своими соратниками, Пугачев был схвачен и отправлен Суворовым в Москву, в специально сделанной клетке. Восстание пошло на спад.

Месть победителей была едва ли не более страшной, чем все кровавые подвиги пугачевцев. В Поволжье и на Урале свирепствовали карательные отряды. Тысячи повстанцев – русских, башкир, татар, чувашей – были казнены. Менее виновных били кнутом, клеймили и отправили в каторжное рабство. Яицкое войско императрица вначале хотела упразднить вообще, но потом, по просьбе Г.А. Потемкина, все-таки простила. Чтобы предать случившееся полному забвению, оно было переименовано в Уральское войско, река Яик – в Урал.

Пугачевщина была подавлена. Но причины, вызвавшие ее, продолжали сохраняться в России.

Глава V. Казачьи войска на Урале

§ 1. Зарождение казачества на Урале

В ходе освоения Урала Российским государством весьма остро стояли проблемы обороны края от кочевников. Важную роль в защите уральских городов и сел играло казачество.

Под словом «казак» в ранней русской истории, в русских летописях понимаются два родственных, близких, но не совпадающих явления, понятия. С одной стороны, летописи называют казаками служилых людей, размещавшихся в пограничных с Золотой Ордой княжествах (прежде всего Рязанском, Переяславском и др.) и использовавшихся для предупреждения набегов

кочевников. Они направлялись в сторожевые разъезды и караулы, ими заселялись пограничные укрепленные города. Такие казаки назывались «городовыми». Первые летописные известия о казаках такого рода относятся к середине XIV в. В то же время летописи отмечают существование в пограничных районах Русского государства казаков другого типа. Их можно назвать артелями, или ватагами, вольных казаков, которые не состояли постоянно на государственной службе, пополнялись почти исключительно беглыми людьми; их главным занятием были набеги на окружающие их племена и народы, нападения на купеческие караваны. Раньше всего подобные крупные казачьи общины сложились на Днепре, Дону, затем в Поволжье и на Урале.

На Урале первые казаки появились более 500 лет назад. В частности, на Западный Урал, Великую Пермь, населенную черемисами (марийцами) – финно-угорскими племенами, в XIII–XIV вв. совершали походы отряды вольных новгородских ушкуйников, которых многие ученые считают новгородскими казаками или, по крайней мере, предшественниками казаков.

Одновременно служилые, городовые казаки в составе военных отрядов московских князей также совершают походы на Вятку, в верховья Камы, на Западный Урал. Летописи, например, сообщают о военных действиях служилых казаков в районе Перми Великой в 1460–1470-х гг., в результате которых пермский князь признал себя подданным московского государя.

Практически одновременно с этим идет процесс освоения районов по течению реки Яика вольными казаками. Судя по сохранившимся преданиям и легендам, еще в конце XIV – начале XV в. на Яике обосновалась ватага удальцов во главе с атаманом Василием Гугней. Сначала они промышляли на Волге и в Каспийском море, нападая на купеческие суда и караваны, потом сделали базой берега Яика, где лишь зимовали, отправляясь каждую весну на свой обычный промысел. Эта ватага, состоявшая из трех десятков человек, и положила начало заселения Яика казаками.

Казачьи ватаги вначале были очень невелики – по нескольку десятков человек. Управлялись они выборными

атаманами, однако практически все главные вопросы решались на общем собрании казачьей артели (на казачьем круге).

Первые казачьи поселения строились обычно на островах – для безопасности. Это были временные жилища вроде землянок, предназначенных для того, чтобы лишь перезимовать. Весной казаки уходили промышлять на Волгу или на Каспийское море, причем, возвращаясь на Яик, зачастую выбирали для стоянки новое место. Постоянные казачьи «городки» возникли позднее, по-видимому, в конце XVI – начале XVII в. Все предания и легенды о первых поселившихся на Яике казаках отмечают, что в их артелях были также татары. Яицкие казаки поддерживали постоянные связи с волжскими и донскими казаками, нередко объединялись с ними для организации совместных военных экспедиций.

В XVI в. жизнь казачества на Урале во многом была связана с восточной политикой Ивана Грозного. Уже в казанском походе Ивана IV в 1552 г. приняли участие не менее десяти тысяч казаков, в основном городских из Мещеры и других мест. После присоединения к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств Башкирия объявила о добровольном присоединении к России. Необходимо было закрепиться в присоединенной Башкирии, и Иван Грозный направляет туда крупный отряд московских войск, состоявший из конных казаков и пешей роты стрельцов во главе с воеводой Иваном Нагим. Они основали в 1574 г. на р. Белой Воложке небольшой острог, который и был, по существу, первым русским поселением в Башкирии. Острожек был занят гарнизоном, состоявшим в основном из городских казаков. С этого начинается история уфимского казачества, влившегося позднее в Оренбургское казачье войско. Со времени основания острожка, а значит и первой службы казаков государству, позднее стало исчисляться старшинство Оренбургского войска.

Острожек на Белой Воложке, являвшийся фактически предшественником нынешней Уфы, представлял собой небольшое, на скорую руку построенное сооружение. В сущности, это укрепление мало чем отличалось от обычных на юго-восточной границе «застав», «засек» и тому подобных сооружений.

Примерно по такому же типу были построены укрепления в Бирске и Мензелинске. Тогда же были приняты экстренные меры по привлечению в Башкирию русских и других переселенцев. Сюда были переселены, в частности, крещеные после взятия Казани арские татары, потомки которых получили позднее название нагайбаков, и зачисленные в казачье сословие в 1736 г.

В 1570-е гг. Иван Грозный принимает некоторые репрессивные меры против волжских казаков, которые своими нападениями и грабежом купеческих караванов на Волге практически поставили под угрозу всю восточную торговлю Московского государства. И хотя разгромить волжское казачество не удалось, все же около 1579 г. крупные отряды волжских казаков отправились осваивать новые места. Часть из них ушла с Ермаком в Чусовские городки Строгановых, другая – на Терек, третья – на Яик.

Появившиеся на Яике в 1580 г. казаки располагали внушительной военной силой и захватили с бою целый ряд принадлежавших ногайским татарам городков, в том числе Сарайчик, бывший тогда довольно крупным торговым центром. В дальнейшем казаки, по свидетельству ногайского князя Уруса, в числе 600–700 человек поставили на Яике свой «город большой».

В 1591 г., т.е. всего лишь 11 лет спустя после захвата Сарайчика, яицкие казаки, тогда еще формально независимые от Москвы, принимают участие в походе царских дружин против татарского князя Шамхала. Судя по сохранившимся данным, отряд яицких казаков был довольно велик – около 500 человек. Участие в походе против Шамхала официально считалось первой, твердо установленной службой казаков Яика Российскому государству. В дальнейшем старшинство Яицкого казачьего войска исчислялось с 1591 г.

В конце 1570 – начале 1580-х гг. с Уралом связана деятельность волжских казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем. По приглашению промышленников и купцов Строгановых Ермак и его товарищи прибыли в Чусовские городки и острожки для ратной службы. Более двух лет (до похода в Сибирь) они были на Урале, защищая Строгановские городки от нападений

соседних племен, сами совершали походы на эти племена, в том числе даже за Уральский хребет. Во владениях Строгановых казаки построили небольшой городок, который даже и позднее назывался Ермаковым городищем. В этом городке была построена и освящена церковь святого Николая, в которой казаки совершали богослужения, благо среди них были три священника. Характерно, что часть сподвижников Ермака не отправились с ним на завоевание Сибири, а с его разрешения остались в Строгановских городках и основанных казаками по р. Сылве поселениях. Грамоты Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова признавали особую роль казаков в обороне русских поселений в пермской земле по рекам Чусовой, Исети и Сылве.

Неотъемлемой составной частью жизни Яицкого казачества в XVI – начале XVII в. были его военные экспедиции, или походы за зипунами. Кроме экспедиций на Волгу или Каспийское море, яицкие казаки нередко организовывали и сухопутные экспедиции, иногда довольно отдаленные. Народные предания и работы восточных авторов сохранили сведения о крупной экспедиции яицких казаков в 1602 г. против Хивинского ханства. Около 500 казаков во главе с атаманом Нечаем совершили отчаянно смелый рейд, захватили Ургенч, уничтожили немало местных жителей, разграбили город, захватив громадные богатства. Однако на обратном пути отряд был разбит войском хана, и только четверем – пяти казакам удалось вырваться из окружения и добраться до Яика.

Шесть лет спустя, новый атаман – Шамай, набрав с собой до 300 станичников, пошел в поход также в Среднюю Азию. Но проводник (мальчик-калмык) завел их достаточно далеко от цели пути – к берегу Аральского моря. Казаки там остались почти без провианта. Большая часть казаков во время наступившей зимы перемерла, остальные попали в рабство к хивинцам.

Вскоре после избрания на престол Михаила Романова яицкие казаки направили в Москву двух своих посланцев. Им поручено было просить царя принять Яицкое казачье войско в свое подданство. Царь свое согласие на это дал. Дарованная яицким казакам жалованная царская грамота наделяла Яицкое

войско землями по реке Яику «с сущими при ней реки и протоки и со всякими угоды, от вершины той реки до устья... чтоб им на той реке жить и владеть, и Ему Великому Государю служить казачью службу, и набираться на житье вольными людьми».

По традиции принято считать, что это произошло в 1613 г. Хотя, скорее всего, это условная дата, взятая потому, что именно тогда на престол вступил Михаил Романов. Во всяком случае, именно ко времени его царствования относится принятие яицкими казаками русского подданства.

§ 2. Формирование казачьих войск на Урале и их ратная служба государству

Принятие яицкими казаками российского подданства создало более благоприятные условия для использования военной силы казачества на государственной службе. Уже в 1634 г. 380 казаков с Яика защищают Смоленск в составе войск боярина М.Б. Шеина. В 1681 г. 100 яицких казаков с атаманом Прокофием Семеновым воевали против поляков под Чигирином в отряде князя Булата-Черкасского. На следующий год туда же были направлены еще две сотни казаков под командованием атамана Белоусова.

Но, конечно, главная задача, которая ставилась московским правительством перед казаками Урала, была защита юго-восточных рубежей Российского государства от кочевников из степей, называвшихся тогда киргиз-кайсаками. Растянувшаяся на тысячи километров юго-восточная пограничная линия оборонялась не столько регулярными воинскими частями, сколько отрядами казаков. Оборона этой границы носила тогда очаговый характер. Прикрыть в достаточной мере всю громадную границу казаки, да и вообще вооруженные формирования Российского государства, тогда не могли. Поэтому основные укрепления создавались на наиболее опасных направлениях. Их тогда было три – Башкирия, район по течению р. Исети с ее притоками и, наконец, Яик. Именно здесь и формируются наиболее мощные на Урале казачьи общины.

Центральным пунктом оборонительной линии на юго-востоке была Башкирия, непосредственно граничившая как с киргиз-кайсацкой степью, так и с территориями, занятыми воинственными ногайскими татарами, также не упускавшими удобных случаев организовать нападение на мирных жителей. Именно территорию Башкирии русское правительство стремилось прежде всего укрепить в военном отношении. При царе Михаиле Федоровиче Романове было начато строительство Закамской оборонительной линии. Она тянулась на громадное расстояние от Поволжья (район Самары и Алексеевска) до восточных окраин Башкирии. Линия состояла из рва, вала и разбросанных, правда на значительном удалении один от другого, сторожевых городков с размещенными в них гарнизонами. В нее входили Уфа, Бирск, Мензелинск, а также Нагайбакская и Ельдяцкая крепости. Обороняли линию самарские, алексеевские и уфимские казаки, вошедшие позднее в Оренбургское казачье войско, а также стрельцы (тоже потом поверстаные в казаки).

Северо-восточнее Башкирии, по р. Исети и ее притоком постепенно складывается другой район сосредоточения казачьих общин. Начало им положили сподвижники Ермака и их ближайшие потомки, основавшие здесь ряд небольших городков, слобод и острожков. Наряду с узаконенной так или иначе правительством и местной администрацией колонизацией районов, по реке Исети и ее притокам в этом же южном направлении устремляются потоки колонистов также из числа казаков, но уже не городских, а вольных.

Третьим направлением, по которому обычно устремлялись совершавшие набеги кочевники, было течение реки Яика. Среднее его течение и верховье в XVII в. были заселены и оборонялись яицкими казаками, имевшими здесь уже во времена Ивана Грозного «городки многие». К концу XVII в. происходит объединение казаков вокруг Яицкого городка. Он и стал главным центром местного казачества. Формирование Яицкого казачьего войска проходило, как свидетельствует перепись начала XVIII в., за счет выходцев из разных слоев населения: потомственные казаки – выходцы с Дона и Волги, беглые крестьяне, бывшие стрельцы и посадские люди, подьячие, дворяне.

Подавляющее большинство составляли все же выходцы из других казачьих войск и беглые.

В национальном плане разнообразие было тоже велико — русские, украинцы (из запорожских казаков), черкесы, татары, чувашаи, вотяки (удмурты), волохи (предки современных молдаван и румын), калмыки, мордвины и представители многих других народностей.

Несмотря на то, что в XVII в. яицкие казаки пошли на службу к московским царям, отношения яицкого казачества с центральной российской властью очень часто были достаточно сложными. Фактически казаки продолжали себя считать скорее союзниками московских царей, чем их подданными. Характерно, что и в Москве делами Яицкого казачьего войска ведал Посольский приказ, словно речь шла об иностранном государстве. Признавая формально права и вольности яицкого казачества, правительство на деле всячески стремилось их сократить и урезать. Естественно, такая политика центральной власти встречала сопротивление казаков. Наиболее ярко это проявилось в борьбе по вопросу о контроле за устьем р. Яика. С санкции и при прямой поддержке правительства в 1640 г. в устье Яика предприниматели Гурьевы построили деревянный острог, а затем и каменную крепость. Яицкие казаки воспротивились этому и в течение 20 лет делали (вместе с донскими казаками) набеги на крепость, сжигали и разрушали ее, уничтожали учуги — загородки из толстых бревен или металлические сетки, установленные поперек реки для того, чтобы задержать движение крупной рыбы, идущей с моря вверх по течению. В итоге Гурьевы победили, крепость выстояла, казакам пришлось смириться с этим.

Положение российского казачества, в том числе и казаков Урала, существенно изменилось во время царствования Петра I. Во-первых, значительные силы казаков были мобилизованы в период Азовских походов и Северной войны. Так, свыше двух тысяч яицких казаков воевали в составе русской армии до самого конца Северной войны (1721 г.). Кроме того, уфимские, исетские, яицкие казаки постоянно направляли на пограничную линию отряды установленной по соглашению с правительством численности, несшие сторожевую службу. Во-вторых, Петр I

начал проводить курс на свертывание казачьей демократии и самоуправления, со свойственной ему деспотической натурой и стремлением во что бы то ни стало привести в систему, унифицировать управление Российским государством. Он с большим подозрением относился к казачьим вольностям, причем подозрение это особенно усилилось после булавинского мятежа и измены Мазепы.

В 1721 г. яицкие казаки были подчинены Военной коллегии. Одно это уравнивало их с любыми другими воинскими частями и соединениями, что, конечно, серьезно задевало интересы и амбиции казачества. Для всех казачьих войск Петр I ввел назначение войсковых атаманов указом императора, которые теперь стали называться наказными атаманами. До этого войсковые атаманы переизбирались ежегодно и без какого бы то ни было утверждения правительством. Так, войсковым атаманом яицких казаков был назначен царской грамотой Григорий Меркурьев. Одновременно была организована перепись всех казаков Урала, причем они были разделены по десяткам и сотням, через которые отныне стали получать выделявшееся от казны жалование.

В 20 – 40-е гг. XVIII в. Российское правительство осуществляет ряд крупных мер по укреплению юго-восточной границы империи, повышению роли казачества в ее обороне. Два обстоятельства делали эти меры жизненно необходимыми: во-первых, быстрые успехи колонизации Россией Поволжья и Урала. На Урале в начале XVIII в. была создана крупнейшая по тем временам металлургическая база страны, а Поволжье становится житницей страны. Но именно Урал и Поволжье были наиболее уязвимыми для нападений кочевников районами империи. Во-вторых, решив в результате Северной войны самые неотложные задачи на своих западных границах, Россия смогла на какое-то время сосредоточить основные усилия на востоке. Между тем здесь серьезным военным противником России оставалась Турецкая империя в союзе с большим числом вассальных и полувассальных государств. Среднеазиатские же караванные торговые пути контролировали враждебные России ханства и эмираты. Ситуация на юго-восточной окраине России обострилась в

результате крупных поражений казаков при отражении нападений кочевников на русские территории в 1723 и 1724 гг., а также неудачного венного похода в 1717 г. в Хиву отряда Бековича-Черкасского с участием яицких казаков.

В этих условиях следовало, прежде всего, позаботиться об укреплении оборонительных сооружений в Башкирии, непосредственно примыкавшей к южноуральским заводам и являвшейся тогда центральным участком обороны юго-восточной границы Российского государства, где несли пограничную службу преимущественно уфимские казаки, насчитывавшие в 20 – 30-е гг. XVIII в. свыше двух тысяч человек. Здесь в соответствии с Сенатским Указом от 15 марта 1728 г. повсеместно вводится система сигнальных маяков: вся Башкирия от города к городу, от крепости к крепости в 1720 – 1730-е гг. была покрыта сторожевыми вышками (маяками) на расстоянии видимости один от другого.

В 1725 г. Военная коллегия Сената издала Указ о строительстве Сакмарского казачьего городка в устье реки Сакмары. С 1732 г. начинается строительство новой Закамской, или Черемшанской, оборонительной линии, но и она не могла полностью предотвратить набеги кочевников. К середине 1730-х гг. становилась все более очевидной необходимость создания на Южном Урале специальной системы укреплений.

Первым шагом в этом направлении стало строительство города Оренбурга, которое началось в 1734 г. под руководством начальника оренбургской экспедиции И.К. Кирилова. Город был построен в 1735 г. в устье реки Орь. В 1740 г. Оренбург был перенесен в урочище Красная Гора (старая же крепость стала называться Орской), а затем, по Указу от 18 октября 1742 г., на третье уже место – в устье реки Сакмары, где он находится и сейчас. Строительство Оренбурга совпало с началом крупного башкирского восстания 1735–1741 гг., охватившего всю Башкирию. Для подавления восстания сюда были брошены в 1736 г. значительные воинские силы, в том числе до трех тысяч волжских калмыков, около тысячи донских, две тысячи яицких казаков.

В разгар башкирского восстания руководители российской администрации в крае И.К. Кирилов, А.И. Румянцев, В.А. Урусов, В.Н. Татищев принимают экстренные меры по завершению строительства Оренбургской оборонительной линии. Спешно создаются форпосты, редуты, крепости, в которые переселяют на жительство самарских, алексеевских, донских, малороссийских, яицких и уфимских казаков. Особое внимание правительство уделяет укреплению обороны на Исети и в прилегающих к ней районах. Здесь строятся в 1730-е гг. Челябинская, Чебаркульская, Миасская, Еткульская крепости, которые, с одной стороны, защищают заводы Южного Урала от кочевников, с другой – разъединяют башкир и киргиз-кайсацкие племена (казахов).

В результате в 30 – 40-е гг. XVIII в. на Урале и в Приуралье завершается в основном создание громадной по масштабам и протяженности системы приграничных укреплений. Она включала в себя шесть оборонительных линий: Самарскую – от Самары до Оренбурга; Сакмарскую – от Оренбурга по реке Сакмаре; Нижнеяицкую – от Оренбурга вниз по Яику до Илецкого городка; Верхнеяицкую – от Оренбурга вверх по Яику до Верхнеяицкой крепости (включая Орскую, Карагайскую, Магнитную, Кизильскую, Верхнеяицкую и другие крепости, а также 3 форпоста и 13 редутов); Исетскую (Миасская, Челябинская, Еткульская и Чебаркульская крепости, Усть-Миасский и Исетский острожки); Уйско-Тобольскую от Верхнеуральской до Звериноголовской крепости.

Для обороны этих укреплений наряду с Яицким войском целой серией правительственных постановлений создается Оренбургское казачье войско на основе слияния вольных казаков и людей, причисленных к казачьему сословию правительственным указами. Ядром для Оренбургского казачьего войска посужили общины переселенных на Оренбургскую линию уфимских, самарских, алексеевских и отчасти яицких казаков. Включили в состав Оренбургского войска также и исетских казаков, которые, правда, и после этого довольно долгое время сохраняли некоторую автономию. По предложению И.К. Кирилова было решено перевести на Оренбургскую линию часть

украинских казаков. Всего сюда в 1740-е гг. было переселено не менее тысячи служилых казаков-украинцев.

В 1748 г. Военная коллегия Сената издала Указ об организации Оренбургского нерегулярного войска и о введении должности войскового атамана, который окончательно завершает серию правительственных постановлений, связанных с созданием Оренбургского казачьего войска – одного из крупнейших войск не только на Урале, но и вообще в России.

Одновременно с Оренбургским казачьим войском и в непосредственной близости от него формируется Ставропольское калмыцкое войско. Еще в середине XVII в. калмыки приняли российское подданство и с этого времени несли военную службу русским царям. В 1724 г. до 1,5 тысячи калмыцких семей приняли православную веру. Вскоре тогдашний калмыцкий хан Дондук Омбо просил российское правительство изыскать способы отселения крещеных калмыков от некрещеных. О том же просил вождь православных калмыков князь Петр Тейшин – внук первого калмыцкого хана Аюка.

21 мая 1737 г. Указом императрицы Анны Иоанновны вдове князя Петра Анне Тейшиной было разрешено вместе с крещеными калмыками переселиться на новое место, где год спустя в районе между Волгой и новой Закамской линией был основан город Ставрополь-на-Волге (ныне здесь находится город Тольятти). Вокруг него и сложилось Ставропольское казачье-калмыцкое войско, которое в служебной переписке XVIII–XIX вв. нередко называлось также Ставропольским крещеным калмыцким войском.

Внутреннее управление в калмыцком войске было устроено по казачьему образцу. Войско просуществовало более ста лет и участвовало в обороне пограничной линии. Как и другие казачьи войска, оно привлекалось и для участия в войнах на западных границах империи и за ее пределами (например, в период войн с Наполеоном). Позднее, в связи со строительством новой оборонительной линии, Ставропольское калмыцкое войско было включено в Оренбургское и переселено в прилинейные районы.

Русское правительство с XVI в. постепенно, но неуклонно привлекало башкир к охране пограничной линии и к военной

службе вообще. В XVIII в. целым рядом правительственных указов башкирское население Урала обязуется охранять пограничную линию, хотя, конечно, делалось это с известной опаской, поскольку не было гарантий, что башкиры не соединятся сами с киргизами (то есть казаками) для нападения на русское население. Отряды башкир во время караульной службы на пограничной линии ставили вперемешку с более надежными отрядами служилых татар, нагайбаков, мещеряков, а также русскими казачьими отрядами.

Постепенно по своему сословно-правовому положению башкиры все больше начинают сближаться с казаками. В 1754 г. с башкир была снята обязанность платить ясак. В Сенатском Указе 16 марта 1754 г. прямо говорилось, что башкиры «без платежа ясака единственно служилыми будут так, как и казаки». 10 апреля 1798 г. последовал правительственный Указ о введении кантональной системы управления, фактически окончательно превративший башкир и мещеряков в военное сословие по образцу казачьего. Император Павел I предписывал сделать точное исчисление башкир, способных нести военную службу, «считая по летам от двадцати до пятидесяти лет», разделив всех по кантонам. Все административные лица кантонов и юртов становились военными. Из башкирского населения Южного Урала было создано 11 кантонов. Позднее их число увеличилось до 12, а затем до 28. На кантональной основе формировались башкирские и мещеряцкие полки, составившие затем башкиро-мещеряцкое войско.

Башкиры, мещеряки несли кордонную службу на громадной по протяженности границе от Тобола до Уральска. Служба начиналась обычно 16 мая и продолжалась до 16 ноября. Исключение составляла так называемая Сибирская пограничная линия, где также служили башкиры и которая охранялась круглый год. К началу XIX в. башкиро-мещеряцкое войско стало самым крупным по численности казачьим войском на Урале, в 1820 – 1830-е гг. до 70% казаков Урала, несших военную службу, составляли башкиры и мещеряки. Позднее это соотношение начинает меняться, роль казаков-башкир и мещеряков постепенно падает.

Несмотря на возникавшие периодические противоречия и проблемы во взаимоотношениях казачества с центральной российской властью, казаки Урала в целом успешно несли тяжелую ратную службу. В жизни России XVIII в. особое значение имели следовавшие одна за другой русско-турецкие войны, которые одновременно велись обычно сразу на нескольких военных театрах – на Кавказе, в Причерноморских степях Украины и Крыма, в Молдавии, на Балканах. В 1766 г. 500 яицких казаков были отправлены в Кизляр, где несли военную службу 8 лет под командованием полковника Суворова и Кроткова. Этот полк участвовал в военных действиях в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1783–1790 гг. в общей сложности 1,5 тысячи яицких казаков (три полка) вновь были направлены на Кавказ. 24 мая 1790 г. уральские казаки приняли самое активное участие в кровопролитном штурме турецкой крепости Анапа, понеся при этом значительные потери.

Фельдмаршал Г.А. Потемкин, командовавший всеми вооруженными силами русской армии в войне против Турции, постоянно отмечал уральских казаков за их смелость, воинское мастерство, смекалку. Специальным распоряжением Г.А. Потемкина от 28 января 1790 г. предписывалось, например, Уральскому казачьему войску выделить 120 «отборных, исправных в оружии и лошадях и самых храбрых казаков» под командованием войскового старшины и двух чиновников в личный конвой фельдмаршала.

В 1798 г. император Павел I заключает союзнические договоры с Англией и Австрией, направляет в помощь австрийским войскам в Италию для борьбы с французами русскую экспедиционную армию под командованием А.В. Суворова. В этой армии в составе корпуса Г.Л. Римского-Корсакова действовали и два полка уральских казаков. Походным порядком 800 казаков прошли громадные территории от Уральска до Германии и Швейцарии, где отличились храбростью и воинским мастерством в битве при Цюрихе. Характерно, что именно из уральских казаков была сформирована лейб-гвардейская сотня, несшая службу при императоре Павле I.

Военное противоборство России и Франции нарастало в начале XIX в., уже при Александре I. В 1806–1807 гг. Россия активно поддержала выступившую против Наполеона Пруссию. В этой войне весьма заметную роль играли казаки Урала. Два Оренбургских казачьих полка, сведенные в бригаду под командованием полковника В.А. Углицкого, в 1806 г. были направлены в Пруссию в армию Л.Л. Беннигсена. Вместе с башкирскими (20 полков) и калмыцкими казаками Оренбургские полки были затем переданы в казачий корпус атамана Платова и вели бои в районе Тильзита против войск маршалов Мюрата и Массены.

После подписания Тильзитского мира 1-й и 2-й Оренбургский казачьи полки были переброшены в Молдавскую армию, которая вела тогда тяжелую войну против Турции. Оренбуржцы были направлены в корпус, которым командовал генерал-аншеф М.И. Кутузов. Оренбургские полки должны были усилить русскую легкую кавалерию. Учитывая их боевые качества, М.И. Кутузов и фельдмаршал Прозоровский поручили оренбургским казакам охрану главного штаба армии. Именно оренбургские казаки сопровождали Прозоровского (а затем Багратиона и Кутузова) в их передвижении по театру военных действий, охраняли командующих и во время боев. Многие офицеры Оренбургского и Уральского казачьих войск в 1806–1812 гг. были удостоены правительственных наград за участие в боях с турецкими войсками. Так, есаул Александр Углицкий (сын атамана Оренбургского казачьего войска В.А. Углицкого) был награжден орденом св. Анны 3-й степени «в воздаяние отменной храбрости», которую проявил в сражении при местечке Росоевате, где он находился впереди и, как отмечалось в рескрипте, явил «неустрашимость и мужество, бросаясь в сопротивлявшиеся неприятельские силы».

После вторжения Наполеона в Россию в июне 1812 г. началась действительно Отечественная война против французских захватчиков. Все сословия российского общества проявили подлинный патриотизм в этой войне. Во многих станицах Оренбургского казачьего войска стало массовым добровольное пожертвование коней, оружия, денег выступавшим в поход

казакам. Например, атаман Нагайбацкой станицы Серебряков продал свой дом и часть имущества с тем, чтобы за свой собственный счет снарядить в поход 53 казака, не имевших средств для приобретения оружия. В общей сложности Серебряков купил и раздал малоимущим казакам 42 ружья, 30 сабель, 27 пик, затратив на это внушительную по тем временам сумму – 300 рублей. Вскоре Серебрякову была объявлена «царская благодарность» как выражение признательности всей России.

Война заставила мобилизовать все военные ресурсы русского казачества. Вслед за Доном вторыми по численности, направленными на фронт, были казачьи войска Урала: 43 полка направили они на борьбу с Наполеоном. Всего с Урала на Отечественную войну ушло свыше 40 тыс. воинов. В том числе только Башкирия направила в действующую армию во время войны 1812 г. 28 полков (из них 6 полков – запасных) пятисотенного состава, да еще 12 тыс. человек на охрану пограничной линии с киргиз-кайсацкой степью.

С самого начала военных действий летом 1812 г. с французами сражались 1-й Тептярский, 2-й Башкирский, 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки. Личным конвоем М.И. Кутузова была 1-я сотня 2-го Оренбургского полка, набранная из станиц близ Челябинска. Казаки-тептяри вступили в бой в первый день войны при переправе Наполеона через Неман. Башкиры в составе отряда атамана Платова участвовали в схватке у местечка Мира, где были разбиты три полка наполеоновских улан. Тептярский полк прикрывал отступление русской армии с западной границы.

В Бородинском сражении участвовали и три казачьих полка с Урала: 1-й Тептярский полк под командованием майора Темирова, Ставропольский калмыцкий полк под командованием капитана Диомидия и 1-й Башкирский полк под командованием майора Лачина (в казачьем корпусе атамана М.И. Платова).

Осенью и в начале зимы 1812 г. в борьбе с иноземными захватчиками громадную роль сыграла партизанская война. В этой войне особую известность приобрел партизанский отряд Дениса Давыдова. В его составе успешно воевали казаки 1-го Тептярского полка.

В начале 1813 г. 140-тысячная русская армия перешла границу Российской империи. Начался ее заграничный поход по разгрому войск Наполеона. В составе русской армии было 26 конноказачьих полков с Урала. В их числе Атаманский и 3-й пятисотенный полки оренбургских казаков, пять полков уральских казаков, два Тептярских, один Ставропольский калмыцкий и 15 башкирских полков.

Оренбургский атаманский полк успешно действовал в блокаде и штурме крепости Данциг. Пятеро урядников полка были произведены в офицеры, а 14 рядовых казаков награждены.

В Лейпцигской «битве народов» сражался 3-й Оренбургский полк, сформированный в основном из казаков станиц, расположенных около Челябинска. В составе отряда генерала Сеславина челябинцы действовали в тылу французской армии. Одними из первых в русской армии казаки вступили в Париж, а затем несли здесь гарнизонную службу. Их бивуачные шатры стояли на Елисейских полях, а кони пили из Сены. В бывших казачьих станицах и сегодня еще хранятся, как семейные реликвии, медали «За взятие Парижа».

§ 3. Культура и обычаи казаков

Для казачества как военно-служилого сословия были характерны свои особенности и уклада жизни, и положения среди других сословий российского общества. От других сословий казачество отличалось кругом обязанностей по отношению к государству и к своему войску, а также определенными льготами и привилегиями. Главной обязанностью казаков была военная служба в течение 20 лет, а также необходимость приобретать за свой счет обмундирование, воинское снаряжение и коня. Кроме того, казаки выполняли многочисленные натуральные повинности в своей станице и на территории станичного юрта (а то и за его пределами): ремонт и содержание мостов, дорог; содержание служебных помещений; предоставление квартир войскам; караульную службу; сопровождение арестованных. Казаки платили также различные денежные сборы для нужд своего войска,

например, за общественный счет работали войсковые школы и содержался аппарат управления в войсках.

К льготам и привилегиям казачества относилось освобождение от уплаты налогов (в том числе подушной подати, государственного земского сбора), право беспошлинной торговли в пределах войсковых территорий, особые права на пользование государственными землями и другими угодьями (добыча соли, рыбная ловля, чем особенно активно занимались казаки Уральского войска). Главной же льготой казаков являлось довольно значительное обеспечение их землей, в 5–6 раз (а порой и более) превосходившее крестьянские земельные наделы.

Казачество отличалось от других сословий более замкнутым характером, относительной изолированностью от других классов и сословий российского общества. Человек, ставший казаком, оставался в казачьем сословии навсегда. Казакам запрещалось вступать в браки с лицами невойскового сословия.

Нужно, однако, учесть, что казачество, будучи отдельным сословием, в то же время не было социально однородным. Внутри самого казачества сложились социальные перегородки. Прежде всего, в привилегированном положении по сравнению с рядовыми казаками оказались офицеры и чиновники войскового сословия, или чиновно-служилое дворянство. Многие чиновники и офицеры получали потомственное дворянство, уклад их жизни значительно отличался от рядовых казаков. Да и офицерско-чиновничье землепользование в отличие от надельно-общинного для рядовых казаков было основано на правах пожизненного владения.

Социальная структура казачества оставалась достаточно сложной не только из-за сословных перегородок, но и в результате усиливавшейся имущественной дифференциации, выделения зажиточного слоя, маломощных и середняцких казачьих хозяйств.

Наличие казачьей общины и уравнительно-надельного землепользования не могло предотвратить расслоения казачества. Причины этого расслоения были разнообразными. Прежде всего, часть казаков, неспособная из-за тягот военной службы нормально обработать свою землю, сдавала ее в аренду. Сами

же служилые казаки становились беспосевными, безлошадными, залезали в долги.

Число маломощных казаков увеличивалось и из-за значительных расходов на обмундирование и снаряжение для воинской службы, которое приобреталось за собственный счет. Залезавшие в долги казаки вынуждены были в принудительном порядке сдавать свои паевые были наделы в аренду и идти в наемные работники.

Конечно, не следует преувеличивать степень расслоения и глубину социальных противоречий среди казачества. Дифференциация в казачьей среде была меньшей, чем среди крестьян.

Вообще, при характеристике уровня жизни среднестатистической казачьей семьи нужно избегать двух крайностей, которые встречались до последнего времени в отечественной исторической науке. Ошибочна точка зрения об особой привилегированности казачьего сословия. Однако мало соответствует действительности и утверждение о бедственном положении основной казачьей массы, так называемого трудового казачества, которое по своему положению сближалось с крестьянской беднотой. На самом деле хозяйственная жизнь казаков представляла более сложную, неоднозначную картину.

Нужно учитывать, что коллективная, общинная собственность на землю, совместная эксплуатация природных богатств на территории своих войск, традиционный уклад жизни также усиливали среди казаков представление об общности интересов всех членов казачьего сословия, независимо от положения и чинов. Сословные перегородки, характерные для казачества, отнюдь не были непреодолимыми. Немало рядовых казаков благодаря личным заслугам становились офицерами, а то и получали дворянство. Нередко из одной семьи выходили и рядовые казаки, и казачьи офицеры.

И все же объективный ход жизни, развитие капитализма, товарно-денежных отношений подтачивали основы казачьей общины и традиционный патриархальный уклад жизни казачества.

Значительный интерес представляет уклад и духовная жизнь казаков Урала, особенности казачьей культуры. Первой

и, пожалуй, важнейшей особенностью того, что можно считать собственно казачьей культурой, являлся культ служения Отечеству, культ военной доблести. И это вполне естественно, учитывая, что основным занятием казаков была военная служба. Казачьи обычаи предполагали видеть в мужчине прежде всего воина. Только что родившегося ребенка, разумеется, если это был мальчик, в казачьих семьях принято было крестить, затем, когда ему было всего лишь несколько дней, отец ребенка садил его на коня и вел коня под уздцы по станице. Этот обряд символизировал приобщение мальчика к казачьему сословию. Характерно, что только после совершения этой процедуры наверх, в войсковую канцелярию сообщалось о рождении нового казака. Казаков, начиная с малых лет, готовили к военной службе, учили джигитовке, фехтованию, стрельбе, ориентированию на местности, военным уставам и военному строю.

Особые ритуалы были связаны с проводами казаков на военную службу. У оренбургских казаков проводы на военную службу сопровождалось следующими торжественными обрядами. Казак, отправляющийся на службу, в самый день отъезда ставил перед иконами свечку, затем брал целый каравай и, срезав горбушку, отдавал ее родственникам, а себе отделял небольшой ломтик и тут же съедал его. Горбушка же должна была сохраняться его семейными в особом сундуке до возвращения казака со службы. Съев ломтик хлеба, казак делал перед иконами три земных поклона, потом кланялся в ноги отцу, матери и другим старшим членам семьи. Все выходили во двор, затем казак три раза кланялся в ноги своему коню, боевому товарищу по службе, потом, перекрестясь, садился на него и при выходе слезал с лошади и прощался с родными и знакомыми, которые тесно обступали его с пожеланием благополучного возвращения домой. Наконец, казак брал за повод лошадь и шел с ней за околицу, и с ним вместе и вся остальная толпа. После этого казак вместе со своими сослуживцами выступал в поход.

Неотъемлемой частью уклада жизни и быта казаков, их культуры были коллективизм, чувство локтя, потребность в общении со станичниками. Исследователь жизни казаков-нагайбаков Оренбургского войска Е.А. Бектеева в 1902 г.

писала, в частности, о быте нагайбаков: «В свободное время сидят группами на завалинках; женщины всегда с рукоделием. Отдельно от них ведут беседу седобородые старики и, покуривая коротенькие трубки, вспоминают про былые походы. В поселковом правлении часто у казаков-нагайбаков бывают сходки, где председательствует поселковый атаман. На сходке атаман объявляет распоряжение начальства относительно чьей-либо жалобы или дележа лугов или же решают свои частные дела. В поселковом правлении и вне официальной сходки всегда бывает толпа народа: это для них клуб своего рода; здесь ведутся оживленные споры о чем-нибудь, долетают сюда и газетные новости, причем к новостям политическим высказывается особенный интерес».

Военными мотивами, мотивами ратной службы Отечеству проникнуты казачьи былины, сказания, легенды, песни казаков. По ним можно, по сути дела, изучать военную историю России. Любимыми героями этих сказаний, песен и легенд были опять-таки воины – действительно исторические личности, вроде Нечая, Ермака Тимофеевича либо вымышленные персонажи, такие как Илья Муромец, которого сплошь и рядом в былинах называли «старым казаком», или Харко – персонаж песен, сказаний и легенд уральских казаков.

На формирование казачьей культуры серьезный отпечаток наложили происхождение и национальный состав казачества. Дело в том, что, хотя основную массу казаков составляли русские, довольно существенную роль в формировании Уральского и Оренбургского войск играл также элемент калмыцкий, татарский и башкирский. Это наложило серьезный отпечаток на обычаи и даже речь казаков: слов тюркского происхождения в речи казаков Урала было значительно больше, чем в речи крестьян, например из великорусских губерний. Восточный элемент достаточно сильно чувствовался в одежде, быте казаков, в их военной тактике. А в культуре казаков-нагайбаков – крещеных татар Оренбургской губернии – оригинально сочетались языческие, мусульманские и православные традиции.

Весьма существенное влияние на казачью культуру оказали обстоятельства, связанные с историей казачества, особенно

от беглых крестьян, которые уходили от неволи на Волгу, Дон, Яик в поисках лучшей доли. Их основными промыслами тогда, кроме охоты и рыбной ловли, были военные экспедиции против соседних народов и племен, а также нападение на купеческие, а нередко и государственные караваны. Не случайно, что во многих документах XVI–XVIII вв. вольных казаков нередко называли «ворами», «разбойниками». Известно, что именно казаки составляли ядро в повстанческих крестьянских войсках Болотникова, Разина, Пугачева. Казаки не только не стыдились этой страницы своей истории, но даже гордились ею. «Разбойничьи» песни, сказания и легенды составляют значительную часть казачьего фольклора, причем удачливые атаманы изображены с явным сочувствием. Несмотря на то, что имена Степана Разина и Емельяна Пугачева были официально преданы анафеме, они всегда чтятся казаками, хотя в этом смысле имелись и существенные исключения из правила. Например, уральские казаки очень любили Емельяна Пугачева, а слова «Разина порода» считали ругательством. Это связано было, по-видимому, с тем, что Разин, находясь на Яике, весьма жестоко расправился с атаманами и казаками, не желавшими следовать за ним.

Наконец, в казачьей культуре обращает на себя внимание приверженность к демократическим традициям в самоуправлении, что вполне объяснимо, учитывая историю, например, Уральского казачьего войска.

Многие элементы специфической казачьей культуры вошли довольно прочно в культуру россиян и сохраняются в ней поныне.

Глава VI. Урал и проблемы модернизации России в XIX – начале XX в.

§ 1. Кризис феодально-крепостнической системы на Урале в первой половине XIX в.

Экономика Урала в первой половине XIX в. была представлена горнозаводской и обрабатывающей отраслями промышленности, ремеслами различными видами сельского

хозяйства, торговлей. Как в XVIII, так и в XIX в. социально-экономический облик Урала определяла горнозаводская промышленность. Однако темпы развития этой отрасли в сравнении с XVIII в. резко упали, и вместе с тем стала быстро снижаться доля уральского железа в мировом производстве. Производство чугуна впервые два десятилетия XIX в. долго держалось на уровне около 7,8–7,2 млн. пудов, имея тенденцию к снижению. Только к 1840 г. удалось увеличить производительность заводов до 9,4 млн. пудов, а к середине столетия – до 10,4 млн. пудов чугуна. Если за вторую половину XVIII в. производство чугуна выросло в 5,6 раза, то за первую половину XIX – в 1,3 раза. К середине века Россия по производству черных металлов с 1-го места в мире была оттеснена на 8-е. Причины этих явлений коренились в экстенсивном характере развития горнозаводской промышленности. Рост ее производства до начала XIX в. осуществлялся, главным образом, за счет ввода в действие новых заводов и введения в промышленный оборот природных ресурсов. К началу XIX в. эти возможности уже были максимально использованы. Резко сократилось строительство новых заводов. За половину столетия было основано только 30 заводов (в XVIII в. – более 170), а 20 заводов прекратили свое существование. Выход из кризисного состояния мог быть найден только в интенсификации горнозаводского производства. Путь к ней лежал через технический прогресс и модернизацию использования трудовых ресурсов.

К началу XIX в. со всей очевидностью в горнозаводской промышленности обнаружилось издержки «петровской индустриализации». Заимствованные в начале XVIII в. технологии металлургического производства не получили в последующее время должного развития. К началу XIX в. Урал оказался в хвосте технического прогресса. Европейские страны, и прежде всего Англия, освоили передовые технологии в области металлургии, что и привело к оттеснению Урала с мирового рынка металлов. Промышленный переворот в английской металлургии в конце XVIII в. позволил Англии не только отказаться от импорта русского (уральского) металла, но и совершить гигантский скачок в его производстве. Если в начале XIX в. Англия и Россия

производили примерно одинаковое количество чугуна – по 10 млн. пудов в год, то к концу 50-х гг. Англия выдавала уже в среднем в год 240 млн. пудов, в то время как все российские металлургические заводы только 18 млн. пудов. Доля уральского чугуна составляла 14,8 млн. пудов. В течение всего последующего времени Уралу не удалось даже приблизиться к тому объему производства годовой металлургической продукции, который был характерен для стран буржуазной Европы.

Причины уральского застоя были обусловлены характером социальных отношений в России и специфической организацией уральской металлургии. Это выражалось в наличии крепостнической по содержанию системы использования рабочих кадров, не стимулировавшей развитие металлургии, в преобладании жесткого государственно-бюрократического диктата в области организации производства и реализации продукции, в отсутствии буржуазных форм предпринимательства. Горнозаводское производство в первой половине XIX в. приобретает оригинальную систему организации, получившую название горноокружной системы. Она сформировалась на патриархальной основе и представляла из себя нечто вроде «натурально-поместного» хозяйства, в котором производственный процесс полностью замыкался внутри округа – от добычи сырья до выхода конечного продукта. В результате горнозаводская отрасль представляла систему замкнутых, самодостаточных горноокружных хозяйств со слабыми производственными связями. Значительная часть продукции изготавливалась на заказ государству и отчасти на экспорт. Уральским заводладельцам чужды были понятия «буржуазного предпринимательства», «конкуренции», «борьбы за внутренний рынок». Специфический облик уральских заводчиков, с характерным аристократическим образом жизни, мало содействовал техническому прогрессу заводов. Система крепостного труда также не создавала условий для технической модернизации.

Характерно, что заботы о выходе горнозаводской промышленности из застоя взяло на себя государство. Первые попытки в этом плане следует связывать с разработкой Горного положения (1806 г.) и ликвидацией института приписных

крестьян путем их замены так называемыми неперменными работниками (1807 г.). Однако эти реформы были нацелены лишь на совершенствование патриархально-крепостнической организации горнозаводского производства. По сути, именно они содействовали формированию горноокружной системы и создали условия для превращения горнозаводского Урала в «государство в государстве». Благодаря «Горному положению» и другим специальным мерам (например, введению института горных начальников и главного начальника горных заводов хребта Уральского), горнозаводский Урал приобрел собственную систему управления всеми сторонами жизни региона, независимую от обычной администрации.

Сложившаяся замкнутая система, конечно, нуждалась в оздоровительных инъекциях технологического плана. Это понимали, прежде всего, администраторы производства. Благодаря их усилиям примерно с 40-х гг. XIX в. наблюдается внедрение элементов технических нововведений. Они осуществлялись по линии технического совершенствования доменного (чугуноплавильного) производства, в области технологий выделки железа и модернизации энергетических систем. Заметные результаты в технической перестройке, которую иногда связывают с началом промышленного переворота в горнозаводской уральской промышленности, были достигнуты в области производства железа. Медленно, но неуклонно в этот процесс стало внедряться пудлингование, пришедшее на смену кричному способу производства железа. Именно пудлингование являлось в Англии выражением технической революции в металлургии. К 1861 г. на 1/3 заводов Урала были введены пудлинговые печи, что позволило производить 50% железа этим способом. Динамика среднегодового производства железа выглядела следующим образом: 1800–1810 гг. – 5,5 тыс. пудов, 1831–1840 гг. – 5,8 тыс. пудов, 1841–1850 гг. – 7,3 тыс. пудов, 1858–1860 гг. – 9,8 тыс. пудов. Статистические данные свидетельствуют, что рост производства железа наметился с 40-х гг., но его темпы оставались невысокими. Что касается доменного производства, то уральские заводы до реформенного времени не получали главного технического нововведения – горячего дутья. Энергосистемы уральских заводов

базировались также на старых технологиях. Даже к 1860 г. паровые двигатели составляли лишь 17%. Преобладали водяные колеса.

Техническому прогрессу в горнозаводской промышленности не могла содействовать древесноугольная топливная основа. Отсутствие каменного угля и удорожание древесного угля в связи с сокращением древесных запасов и удорожанием их перевозок являлись объективными причинами, затруднявшими решение проблем технического переустройства промышленности.

Несмотря на общее отставание горнозаводской промышленности от мировых стандартов, в первой половине XIX в. на Урале было сделано немало открытий и оригинальных изобретений. Среди них: создание первой в России гидравлической турбины (И.Е. Сафонов, 1837); постройка первого в России паровоза и первой железной дороги (отец и сын Черепановы, 1834–1835); создание новых сортов булатной и литой стали (П.П. Аносов, 30–40-е гг.); получение оружейной стали и изготовление первых стальных пуль (П.М. Обухов, 1857, 1860).

В первой половине XIX в. только обрабатывающая промышленность начала приобретать устойчивые формы. Наиболее характерными видами являлись винокурение, суконное, полотняное, кожевенное, салотопенное, лесопильное, бумажное производство. Многие из них развивались на уровне крестьянских промыслов. Затяжной рост этих отраслей наблюдается в 40–50-е гг. В это же время на Урале возникает машиностроительное, сернокислотное, инструментальное производство. Новые отрасли формировались в виде мануфактур и фабрик.

Важно отметить, что в отличие от горнозаводской промышленности в обрабатывающих отраслях преобладал наемный труд. За половину столетия суммы, на которое производилась продукция обрабатывающей промышленности, увеличилась более чем в 6 раз. Это свидетельствует о более высоких, чем в горнозаводской промышленности, темпах производства. Обрабатывающая промышленность обеспечивала самые насущные потребности населения. Внутренний рынок реализации ее продукции развивался быстро, особенно на товары новых отраслей.

Именно в них складывались условия для формирования основ капиталистического производства.

Развитие сельского хозяйства в первой половине XIX в. в значительной мере было связано с продолжавшейся аграрной колонизацией Урала. Общий рост численности населения Урала, в составе которого преобладало крестьянство, свидетельствует, что оно изменилось в значительной мере за счет миграций: с 1795 по 1857 г. население Уральских губерний выросло в 2,5 – раза с 1,3 млн. до 3,2 млн. душ мужского пола (данные ревизского учета).

В крестьянской среде 80% составляли государственные крестьяне. Особенно быстрыми темпами происходило заселение Оренбургской губернии. Численность переселенцев за полстолетия составила здесь почти 700 тыс. душ, или 30% от общей численности населения губернии к середине XIX в. Однако в целом южноуральский край оставался малонаселенным по сравнению с другими губерниями.

Земледелие являлось ведущей отраслью в сельском хозяйстве. В ассортименте земледельческих культур преобладали рожь, овес, гречиха, ячмень. В более южных уездах, особенно в Оренбургской губернии, получила распространение пшеница. Степень распаханности земель уральских территорий была относительно высокой лишь в наиболее освоенной Вятской губернии, где она составляла 24%. В Пермской губернии, по данным 1859 г., она равнялась 9,7%, в Оренбургской – 5,6%. Нормы крестьянского землепользования на Урале были выше общероссийских показателей, они колебались от 7,5 до 10 дес. на душу у государственных крестьян. Производимая земледельческая продукция в целом обеспечивала душевое потребление. Общероссийская норма среднедушевого потребления накануне реформы 1861 г. составляла 3,6 четверти зерна и картофеля. В Пермской губернии она равнялась 2,86, в Вятской – 3,58, в Оренбургской – 5,28 четверти.

Агротехнический уровень земледелия был невысоким. Для вспашки земли использовалась в основном соха. Плуг встречался гораздо реже. В наиболее глухих местностях сельскохозяйственный инвентарь изготовлялся даже без применения

металла. В некоторых местностях не использовали тележные колеса – вместо телеги употреблялись «волокуши». Подсека и переделы наряду с трехпольем были нередким явлением. В результате урожайность оставалась низкой – от сам 2,8 до сам 3,5.

Важной сельскохозяйственной отраслью на Урале являлось животноводство. На фоне общероссийских показателей динамики роста поголовья скота средние показатели по обеспеченности скотом в уральских губерниях были выше. За первую половину XIX в. поголовье во всех отраслях животноводства выросло в Вятской губернии в 3 раза, в Пермской – в 2 раза. Особенно быстрыми темпами росло конское поголовье. Урал явился родиной нескольких пород выносливых лошадей – обвинок (в Пермской губернии), вятков (в Вятской губернии). В Оренбургской губернии разводили киргизские и башкирские породы лошадей.

В первой половине XIX в. Урал становится важным российским регионом по производству товарного хлеба. В Пермской и Вятской губерниях к середине столетия в продажу поступало соответственно 23 и 20% зерна от валового сбора (в абсолютном выражении 1,16 и 1,7 млн. четвертей зерна). Значительные хлебные излишки имелись в Оренбургской губернии. По сведениям В.М. Черемшанского, избыток хлеба здесь составлял до 10 млн. пудов. Главными производителями хлеба являлись государственные крестьяне. Накануне реформы 1861 г. в уральских губерниях сложились группы государственных крестьян, купивших себе землю в личную собственность. В Пермской губернии имелись 374 таких собственника, владевших 3227 дес. земли. В Оренбургской 10864 собственника владели 206687 дес. земли. Эти данные отражают новые тенденции в аграрной колонизации края, связанные со стремлением новопоселенцев выйти за пределы общинных традиций.

Положительная динамика развития сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности способствовала развитию торговли. В первой половине XIX в. Уральский регион стал органической частью единого российского товарного рынка. Традиционной для этого времени формой торговли являлись ярмарки. На Урале складывается своя внутренняя система

«ярмарочных кругов», имеющая тесную связь с центром страны, Поволжьем и крупнейшей российской ярмаркой – Макарьевской. Самой значительной на Урале являлась знаменитая Ирбитская ярмарка, занимавшая по своим торговым оборотам второе место после Макарьевской. Она была связующим торговым звеном между Урало-Сибирским регионом и центром страны. Через нее в Россию поступал чай из Китая. На Ирбитскую ярмарку приходилось 80% уральского ярмарочного оборота. Крупными центрами торговли являлись также меновые дворы и таможи Оренбурга и Троицка, обеспечивавшие торговые связи России со Средней Азией. Важное значение для Уральского региона имели Бирская, Бугульминская (Воздвиженская), Бугурусланская (Семеновская), Уфимская ярмарки.

Специфическое развитие Уральского региона породило своеобразие социальной структуры края. Особенности являлись низкий удельный вес разночинцев, дворян, помещичьих и удельных крестьян, представителей городских сословий. С другой стороны, специфику социального облика региона составляли наличие оригинальных сословных групп – горнозаводского населения и казачества, объединенного в двух казачьих войсковых соединениях – Уральском и Оренбургском, а также разнообразие и многочисленность казенных народов.

Горнозаводское население формировалось для обслуживания горных заводов. Его социальные корни были связаны с различными группами крестьянства, насильственно трансформированного в категорию заводских людей. В первой половине XIX в. это молодое сословие испытывало процесс консолидации различных внутрисословных групп. К реформе 1861 г. этот процесс до конца не завершился, но одновременно начался другой – имущественное и социальное разложение этого сословия. Ядро горнозаводского населения составляли мастеровые, выполнявшие основные заводские операции. Они явились основой будущего рабочего класса Урала. Вспомогательные работы возлагались на заводских крестьян, непременных и урочных работников. В среде этого сословия имелись также торгово-предпринимательские слои. Горнозаводское население находилось в крепостной зависимости от горных заводов и их владельцев. Численность горнозаводского населения в начале

дельцев. Численность горнозаводского населения в начале века составляла около 100 тыс. душ мужского пола. К 1861 г. она увеличилась до 330 тыс. душ (10% от всего населения Урала).

Крестьянство Урала к середине XIX в. составляло 64% населения, в то время как по России удельный вес этого сословия равнялся 83%. Общая численность крестьян уральских губерний выросла за полстолетия примерно в 2 раза и составила 4,4 млн. человек. Преобладание государственных крестьян в структуре сословия сказалось на сравнительно быстром процессе его социальной дифференциации. В 50-е годы сформировалась зажиточная верхушка государственной деревни, использовавшая труд батраков. В среде крестьян развивались различные ремесла и промыслы. Характерным явлением становилось возникновение крестьянских предприятий. Например, в 1855 г. в Вятской губернии их насчитывалось 35 – кожевенных, канатных, кирпичных и др. Вместе с тем следует подчеркнуть, что наличие свободных земель в уральских губерниях сдерживало рост отходников, общая численность которых была существенно меньшей по сравнению с центральными губерниями России.

Городское население в Уральском регионе составляло сравнительно небольшой удельный вес – 3,3% от всего населения. В центральной части России этот показатель был равен 9,1%. Специфической чертой Урала являлось наличие крупных горнозаводских центров, не имевших официально статуса городов. Такими населенными пунктами являлись Нижний Тагил, Златоуст, Невьянский, Каслинский и др. заводские поселения. Если учесть жителей всех заводских поселков, то вместе с горожанами их общий удельный вес в составе уральского населения превышал 12%.

Собственно городскими сословиями официально считались купцы и мещане, определявшие экономический облик городов. По 5-й ревизии (1795 г.) в уральских губерниях их насчитывалось 19,8 тыс. душ мужского пола. К 10-й ревизии (1857 г.) их численность составляла уже 57 тыс. душ. К середине XIX в. города стали интенсивнее заселяться негородскими сословиями – крестьянами, дворянами, мастеровыми, духовенством, отставными солдатами и др. Часто они не записывались в

состав городских сословий, но занимались той же деятельностью и приобрели тот же образ жизни, что мещане и купцы.

Наиболее зажиточной прослойкой городов являлись купцы, занимавшиеся крупной торговлей и промышленным предпринимательством. Процесс роста купеческих капиталов становится особенно заметным с 20-х гг. XIX в. Внутри этой социальной группы выделяются купцы 2-й и 1-й гильдии, которые господствуют в городской промышленности. Накануне реформы 1861 г. средний капитал промышленных заведений, принадлежавших купцам, составлял в Пермской и Оренбургской губерниях 4,8 тыс. рублей серебром, в Вятской губернии – 8,6 тыс.

Процессы имущественной дифференциации были особенно характерны для мещанской среды. В отдельных уральских городах наблюдается возникновение довольно больших групп пролетаризирующегося мещанства. В 30–40-е гг. XIX в. таковых в Чердыне было до 70%, Кунгуре – 30%, Екатеринбурге – 40% населения.

Местные народы Урала – башкиры, татары, удмурты, коми и др. к середине XIX в. составляли 21% всего состава уральского населения, или 685 тыс. душ мужского пола. В течение первой половины XIX в. наблюдался рост всех нерусских народов. Особенно быстро увеличивалось татаро-башкирское население: годовой прирост составлял более 2% (в среднем по стране он равнялся 0,8%). В среде местных народов продолжались миграционные процессы, но масштабы перемещений начинали сокращаться. Наиболее интенсивные межэтнические контакты наблюдались на территории Башкирии и в Оренбуржье. В эти районы в основном переселялись народы Поволжья – чувашаи, мордва, марийцы, удмурты.

Удмурты, коми в это время вели земледельческое хозяйство, организованное по типу русского общинного землевладения. Ханты и манси оставались оленеводами, рыболовами, охотниками. Башкиры еще сохраняли полукочевой образ жизни. Но в северо-западных кантонах Башкирии стала проявляться тенденция перехода к оседлому земледелию. Часть из них привлекалась к работам в горнозаводской промышленности. В их среде появились свои рудознатцы.

Утрата Уралом передовых позиций в российской экономике в первой половине XIX в., углубляющийся кризис старой крепостной системы негативно сказались на положении различных слоев населения. Однако бурных потрясений, какие имели место во второй половине XVII в., в регионе не происходило. Характерной чертой выражения недовольства социальных низов на Урале можно считать относительную локальность выступлений, а также тенденцию соединения протеста представителей русского и других народов. Особенно это проявилось в крестьянском движении.

В первой трети XIX в. наиболее крупным и длительным явилось выступление кыштымских мастеровых (1822–1823 гг.), во главе которого встал грамотный мастеровой кузнец Климентий Косолапов, принадлежавший к зажиточной верхушке заводских людей. Он в это время занимался уже торговлей, но администрация запретила эту деятельность, что вызвало у него естественное недовольство. Индивидуальный протест Косолапова слился с массовым недовольством мастеровых завода низкой оплатой труда и нарушениями законов в области обеспечения мастеровых провиантом. Требования соблюдения законов, регулирующих отношения мастеровых и владельцев заводов, стремление решить проблемы «законным» порядком – через обращения с жалобами к «высшему» начальству – характерная черта этого выступления. Сам К. Косолапов хорошо знал законы, касавшиеся положения мастеровых, и считался в рабочей среде лучшим их толкователем. Восставшим удалось на длительное время (более года) установить контроль на территории Кыштымского округа и создать сеть органов самоуправления. Это характеризует высокий уровень организации восставших. Элементы организованности были присущи и другим выступлениям. Подобный «сценарий» сложился на Катавских заводах (1828–1829 гг.), где выступление возглавил служащий И. Тараханов. Практически все волнения 20-х гг. (Сергинские, Ревдинский, Шаятанские, Алапаевский, Сысертский заводы) пришлось подавлять силой военных отрядов.

Выступления мастеровых в 20-е гг. XIX в. охватили не менее 30 уральских заводов. После их подавления горнозаводские

власти пришли к выводу о необходимости совершенствования аппарата управления. Утверждение должности начальника горных заводов хребта Уральского (1826 г.) можно рассматривать как одну из попыток решить проблему предупреждения социальных конфликтов. Другой шаг в этом направлении был сделан в 1834 г., когда Горное ведомство получило военную основу организации управления.

Новый всплеск движения мастеровых пришелся на 40-е гг. Наиболее крупным явилось восстание углежогов Ревдинского завода (1841 г.), закончившееся расстрелом собравшихся на площади людей. В выступлениях этого периода наряду с традиционными требованиями мастеровых усиливаются мотивы правового характера.

В первые десятилетия XIX в. часть крестьянских выступлений также была связана с проблемами организации труда на горных заводах. В это время продолжались волнения приписных крестьян. Они прекратились только в конце 1814 г., когда были реализованы положения закона 1807 г., заменившего приписных крестьян неременными работниками. Движение государственных крестьян приобрело наибольший размах в 30-е гг. Главной причиной многих волнений этого времени стало ужесточение взимания недоимок и увеличение норм сбора «запасного хлеба», предназначавшегося на случай неурожая. Эти действия властей породили устойчивые слухи среди уральских крестьян о переводе их в разряд помещичьих, или удельных, крестьян. Они отказывались повиноваться новым правилам и требовали уничтожить документы, которые, якобы переводили государственных крестьян в собственность некоего «сенатора Медведева».

В первой половине XIX в. и этнические конфликты все более приобретают социальную окраску и сливаются с протестами русского населения. Наиболее крупными в среде местных народов Урала были волнения башкир в Оренбургской губернии в 1835 г. Их основной причиной явилась раздача и распродажа земельного фонда Башкирии, усилившаяся после издания Указа от 10 апреля 1832 г., открывшего широкие возможности продажи и аренды башкирских земель.

Сокращение земли приводило к упадку кочевого скотоводства. Основными участниками этих выступлений стали представители башкирского войска, опасавшиеся, что распад родового землевладения приведет к ликвидации кантонной системы. Последняя, будучи введенной в 1798 г., была ориентирована на кочевые традиции башкир и устанавливала военную службу для них взамен других повинностей. Волнения получали широкий размах. Они заставили Оренбургского губернатора В.А. Перовского организовать карательные экспедиции. В результате сотни участников выступлений погибли или были высланы в Сибирь. Волнения башкирского населения прошли также в Пермской губернии.

Особую страницу в истории социальных движений в крае занимает проникновение в общественную среду освободительных идей, характерных для декабризма. Наиболее крупным явлением в этом ряду было тайное общество, возникшее в Оренбурге в среде военных. С 1821 г. его возглавил П.М. Кудряшов, военный чиновник, вышедший из солдатской семьи. Кудряшов известен также как этнограф, фольклорист, поэт, переводчик. Целью деятельности тайного общества провозглашалось «изменение монархического правления в России». Средством достижения этой цели предполагался военный переворот. Общество было раскрыто после восстания декабристов, в 1826 г. Его активных участников сослали в Сибирь и на Кавказ. П. Кудряшов умер во время следствия.

Попытки создания тайных обществ возникли и в среде так называемой «крепостной интеллигенции». Известно следственное дело о «возмутительном письме» А. Лацманова (1827–1832 гг.), молодого крепостного служителя Верх-Исетского завода, получившего образование в московских пансионах. Письмо содержало мысль о борьбе против крепостного строя и самодержавного правления. Следствием был установлен факт попытки организации общества из служащих завода, а также обнаружено произведение А.Лацманова «Негр, или Возвращенная свобода», где эти же идеи присутствуют через описание каторжного труда уральских горнорабочих.

В 1836 г. было раскрыто тайное «Общество вольности» на Чермозском заводе. Оно возникло из членов слушателей и учителей горной студии, готовившей инженеров-технических специалистов для завода. Организатором общества стал студент П. Поносов. Устав общества призывал приложить общественные усилия к «ниспровержению власти присвоивших ее несправедливо» и к «ускорению свободы».

Вольнолюбивые идеи, характерные для интеллектуальной среды крепостных служащих, часто не выходили за пределы индивидуального мировоззрения отдельных ее представителей. Характерной в этом отношении была история служащего Н. Сабурова, крепостного владелицы Сысертских заводов Колтовской. После беседы со своим крепостным Колтовская в 1826 г. сообщала министру юстиции, что «неблагоденные люди...», подобные декабристам, «распространились и в отдаленном крае...». Это заключение она сделала, познакомившись с сочинениями Сабурова. Крамольные идеи молодого человека о монархах-тиранах, о равенстве всех людей, о крепостном праве как рабстве не оставляли сомнений и у следователей в преступности его мыслей.

Известны также факты участия крепостных интеллигентов в волнениях мастеровых – служащих Уткина и Меньшакова на Невьянском заводе, приказчика К. Крипочкина на Ревдинском заводе, служащего И. Тараканова на Катавских заводах, управляющего Суксунскими заводами Я.К. Кузнецова, поверенного мастерового Е. Дюрягина на Бердовских золотых приисках.

Факты социальных движений на горных заводах и крестьянства, идеи свободы, распространившиеся на горнозаводском Урале, состояние экономики региона явственно отразили необходимость создания новых буржуазных социально-экономических основ развития края.

§ 2. Реформы второй половины XIX в. и модернизация Урала

Кризис феодально-крепостнической системы на Урале способствовал ухудшению положения крестьян и

горнозаводского населения, что привело к росту социальной напряженности к концу 1850-х гг. Только в Оренбургской губернии в 1852–1860 гг. произошло более 50 выступлений крепостных крестьян и крепостных работников горных заводов, а также государственных крестьян и башкир. Крепостные крестьяне в помещичьих имениях выступали против денежных и натуральных повинностей. Государственные крестьяне добивались ликвидации непомерных прямых и косвенных налогов. Горнозаводские крестьяне боролись за уменьшение увеличенных заводладельцами дневных, недельных и годовых «уроков». Башкиры, законтрактованные для работы на различных приисках и промыслах, требовали повышения зарплаты, улучшения условий труда и прекращения притеснений со стороны администрации. Все категории крепостного населения решительно выступали против жестоких телесных наказаний, насилия со стороны приказчиков, управителей и помещиков.

Такое быстрое нарастание волнений горнозаводского населения и крестьян побудило помещиков и горнозаводчиков Урала включиться в подготовку крестьянской реформы и разработку условий освобождения от крепостного права населения горных заводов. В результате в 1858–1860 гг. дворянские комитеты уральских губерний, Уральское горное правление и группа пермских горнозаводчиков (Лазаревы, Голицины, Строгановы и др.) отправили в Петербург свои проекты условий освобождения населения на частных горных заводах.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест и «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», получившие силу закона. Отмена крепостного права и реформа 1861 г. лишала помещиков права распоряжаться личностью крестьян – продавать, дарить, вмешиваться в их семейные дела, крестьяне получали право приобретать на свое имя имущество, заниматься торгово-промышленной деятельностью, вести судебные дела. В то же время крестьяне обязаны были «временно» выполнять прежние барщинные и оброчные повинности в пользу помещика. Размеры и порядок пользования отведенной крестьянам землей, виды и объем крестьянских повинностей определялись особыми соглашениями между

крестьянами и помещиками – уставными грамотами, которые вводились на Урале часто вопреки сопротивлению крестьян.

На основе уставных грамот проходило развертывание земельных угодий, в ходе которой землевладельцы отбирали у крестьян, отрезали в свою пользу наиболее ценные угодья – луга, выгоны, водопои и т.п. Эти «отрезки» только в Оренбургской губернии составили 14,4% всех крестьянских наделных земель. Если в 1858 г. в среднем по Уралу душевой надел составлял 4,8 дес., то к 1878 г. он снизился до 3,3 дес. на наличную душу мужского пола.

Составной частью реформы была выкупная операция. Размер выкупной суммы за крестьянские наделы был достаточно высок. В Оренбургской и Пермской губерниях при оброке в 9 руб. выкуп составлял 150 руб. Выкупные платежи превышали реальную рыночную стоимость полученной крестьянами наделной земли. Так, сумма выкупных платежей с процентами по ссуде составляла по губерниям Урала 23,5 млн.руб., а рыночная стоимость наделной земли по ценам 1854–1858 гг. – 3,8 млн. руб. Фактически крестьяне должны были затратить за полученную по реформе землю в 6 раз дороже ее действительной стоимости.

По реформе 1861 г. уменьшалось наделное землепользование у государственных и удельных крестьян Урала. У удельных крестьян, например, отрезки составляли 21,3% их наделной земли. Средний душевой надел земли у государственных крестьян за 1860-е гг. сократился с 8,6 до 7,4 дес. И тем не менее земельные наделы государственных крестьян значительно превосходили наделы удельных и помещичьих крестьян, выкупные платежи у них были меньше, они получили, по сравнению с удельными и помещичьими крестьянами, гораздо большую экономическую самостоятельность.

Крепостнические отношения на частных (вотчинных и посессионных) и казенных горных заводах и промыслах Урала отменялись в соответствии с «Дополнительными правилами о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов» и «Положением о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства

финансов», изданными царским правительством 19 февраля и 8 марта 1861 г. На основе этих документов горнозаводские люди всех категорий получили личную свободу и освободились от обязательных работ на промыслах и заводах. Горнозаводские крестьяне, разнородные по происхождению и юридическому положению, после отмены крепостного права становились «свободными сельскими обывателями». Горнозаводское население подразделялось на мастеровых и сельских работников.

Поземельные отношения в районах горных заводов и промыслов строились исключительно в интересах казны и заводо-владельцев. Так, все земли вотчинных горнозаводских округов считались собственностью владельцев заводов, а земли посессионных и казенных округов – собственностью казны. Причем за казенными заводами закреплялось монопольное право на горнозаводское производство. Положение от 8 марта 1861 г. запрещало, например, бывшим крепостным «устраивать в заводских селениях такие промышленные заведения, в которых производство основывается главнейше на огненном действии, требующем дров и угля». Населению казенных горных округов нельзя было также устраивать лесопильные мельницы и торговать лесом.

Мастеровым выделялись усадьбы, выгоны по 200 кв. сажен и покосы по одной десятине на душу, что способствовало удержанию квалифицированных работников на заводах. При этом усадьбы, места водопоев и выгоны предоставлялись на вотчинных заводах в пользование за оброк с правом последующего выкупа, а на казенных и посессионных заводах – «безвозмездно в собственность» с выдачей «владенных актов». Сельские работники на вотчинных заводах получали наделы и несли повинность в тех же размерах, что и помещичьи крестьяне данной местности. Что касается системы управления горнозаводским населением, то упразднялись военная полиция и специальные военно-судебные учреждения, а в заводских селениях и деревнях создавались общества мастеровых и сельских работников во главе с выборными сельскими старостами. Фактически сельские старосты, а также волостные старшины становились

низшим звеном по охране порядка Министерства внутренних дел.

В целом реформа 1861 г. на уральских промыслах и горных заводах принесла освобождение от крепостного труда почти 700 тыс. человек горнозаводского населения. В то же время реформа юридически закрепила отчуждение значительной части земель горнозаводского населения, которые прежде находились в его распоряжении. Отрезки составили на казенных заводах более 1/10 земель, на частных заводах – почти 2/3.

В 1860–1870-х гг. на Урале, как и в целом по стране, были проведены и буржуазные политические реформы. 1 января 1864 г. утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которые создавались «для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда...». Выборные губернские и уездные земские собрания становились распорядительными органами земства, которые избирали исполнительные органы – губернские и уездные земские управы. Для выборов в земства создавались три избирательные курии – уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ.

Земства создавались как сословные представительные органы, но, учитывая высокий имущественный ценз для выборов гласных уездных земств от городских курий, в городах Урала целые категории населения фактически были отстранены от выборов в земства – ремесленники, рабочие, мелкая буржуазия, интеллигенция.

В Вятской и Пермской губерниях первые учредительные уездные и губернские земские собрания были проведены в 1867 и 1870 гг. В Уфимской губернии земства были введены в 1875 г., а в Оренбургской губернии они были созданы лишь в 1912 г. В земствах Вятской губернии значительное большинство долгое время сохранялось за представителями купечества и крестьян. Как говорили в то время, Вятское земство по своему составу было «мужицким». Наиболее дворянскими на Урале оказались земские учреждения Уфимской губернии. Они по

числу гласных от крупных землевладельцев превзошли многие земские учреждения Центральной России.

Земства занимались вопросами народного образования, здравоохранения, страхования от пожаров, строительством дорог местного значения и т.п. Особенной активностью и результативностью отличалась деятельность Пермского и Вятского земств, в частности по распространению улучшенных землевладельческих машин и орудий, семян, по развитию сельского хозяйства. Именно в Пермском и Вятском земствах впервые в России были введены должности агрономических смотрителей, а затем созданы отделы, занимавшиеся вопросами улучшенного ведения сельского хозяйства. С этой целью создавались опытные хозяйства, музеи, выставки. Много внимания уральские земские учреждения уделяли развитию местной кустарной промышленности, занимаясь, например, организацией сбыта кустарных изделий, кредитованием промыслов через созданные земствами банки.

В отличие от других регионов земства Урала уделяли особое внимание налаживанию местной статистики. В Вятской губернии впервые в России были проведены местные статистические исследования на средства земства, и здесь же впервые в стране была введена должность земского статистика. Пермское земство одним из первых в России открыло в 1876 г. особое статистическое бюро. В 1875 г. впервые в Вятской губернии были проведены подворные переписи отдельных селений. Однако деятельность земств, в том числе и на Урале, осуществлялась в обстановке всевозможных запретов и ограничений местных чиновников.

В 1860–1870-х гг. стала более активной общественная жизнь, в том числе и органов самоуправления, в городах Урала. В 1863 г. царским правительством был изменен статус «горного города» Екатеринбурга, он был выведен из подчинения главного начальника Уральских горных заводов и передан в гражданское ведомство. В 1870 г. на основании Городового положения в уральских городах стали создаваться всеобщие органы «общественного управления» в виде городских дум, гласные этих дум избирались на четыре года на городских

избирательных собраниях. Пост городского головы обычно оказывался в руках торговцев, домовладельцев и крупных промышленников.

С ноября 1864 г. после утверждения «Судебных уставов» в России начала проводиться наиболее радикальная из буржуазных реформ – судебная. Были введены бессловесные суды (за исключением духовных и военных), установлена гласность судопроизводства, для уголовных дел принят суд с участием присяжных заседателей, учреждена адвокатура (должность присяжного поверенного). В Вятской губернии судебная реформа стала проводиться с 1869 г., в Пермской губернии – с 1870 г., в 1874–1875 гг. были созданы суды присяжных. В Уфимской и Оренбургской губерниях мировые суды организованы по указанию правительства в 1878 г., а суд присяжных введен лишь в 1898 г. Мировые суды в 1889 г. были заменены земскими начальниками.

В 1874 г. Александром II утвержден «Устав о воинской повинности», ставший ключевым звеном в военной реформе. Крепостническая рекрутская система комплектования армии заменялась всеобщей воинской повинностью. Одновременно вся территория страны была разделена на 13 военных округов. Вятская, Пермская, Уфимская губернии, а также Уральское и Оренбургское казачьи войска были включены в состав Казанского военного округа. Ликвидировались военные силы Горного ведомства.

Реформы 60–70-х гг. XIX в., несмотря на всю их непоследовательность и половинчатость, явились крупным шагом по пути превращения России в буржуазную монархию, способствовали капиталистической перестройке хозяйственной жизни страны.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве края способствовало, в частности, постепенному изменению характера землевладения. Если в 1870-е гг. главным собственником земли на Урале была казна, то в дальнейшем доля ее стала уменьшаться, зато увеличилось частное и особенно крестьянское землевладение. Купцы и крестьяне стали активными покупателями земли. Только на Южном Урале (Оренбургская и Уфимская губернии)

с 1877 по 1905 г. частное землевладение крестьян увеличилось в 5 раз, мещан – в 4,5 раза, иностранцев – в 28 раз. Наиболее распространенной формой ликвидации малоземелья стала аренда и покупка земель крестьянами у казны, удельного ведомства и частных владельцев.

К концу XIX в. усилилось имущественное расслоение среди уральских крестьян. У большинства крестьян хозяйство находилось в кризисном состоянии из-за малоземелья (в среднем на 1 двор приходилось по 9 дес. земли на Южном Урале, в то время как для нормального ведения хозяйства нужно было 20–25 дес.), примитивного уровня сельскохозяйственной техники, непосильного податного бремени. В Уфимской губернии безлошадные дворы составляли почти четверть всех крестьянских дворов, а в Оренбургской губернии – более 13%. В то же время в 1880–1890-х гг. возникают крупные предпринимательские хозяйства богатых крестьян, мещан, купцов – хутора, заимки, фермы, владельцы которых чаще всего заводили крупное зерновое или смешанное зерноскотоводческое хозяйство. Например, в хозяйстве братьев Покровских на хуторе Михайловском в Челябинском уезде обрабатывалось до 500 дес. своей и арендованной пашни. Зерно перерабатывалось на своем винокуренном заводе, а на обширных пастбищах содержалось большое количество скота.

Наконец, показателем буржуазного развития сельского хозяйства Урала в пореформенный период явилось усиление торгового характера земледелия и расширение посевных площадей. Так, посевные площади Уфимской губернии за 1880–1905 гг. увеличились с 800 тыс. дес. до 1,5 млн. дес. прежде всего за счет увеличения посевов зерна. В 1898–1900 гг. вывоз зерна на продажу из Уфимской губернии составил 15 млн. пудов по рекам и 12 млн. пудов по железным дорогам. С 1861 по 1887 г. в Оренбургской губернии площадь распаханых земель увеличилась в 4,3 раза.

Наряду с этим, в сельском хозяйстве Урала сохранялись и феодально-крепостнические пережитки, что затрудняло быстрое развитие капитализма в этой сфере. Главными собственниками земли, находившейся в частном владении, были крупнейшие

дворяне-латифундисты и горнозаводчики. Так, крупнейшими землевладельцами-дворянами на Урале была семья Строгановых, которой в шести уездах принадлежало 1611772 дес., В.М.Голицын в шести уездах владел 829609 дес.

Серьезно тормозила развитие сельского хозяйства отработочная система как переходная форма от барщины к капиталистическому земледелию. Малоземельные крестьяне часто арендовали землю у бывших помещиков исполу (за половину урожая) или с обязательством отработать арендную плату в помещичьем хозяйстве. Башкирскому населению также нередко помещиками и арендаторами навязывались кабальные контракты.

Для развития горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период были характерны две противоположные тенденции. С одной стороны, сильное влияние феодально-крепостнических отношений и пережитков на развитие промышленности, что постепенно приводило к падению доли Урала в общероссийском производстве металла; с другой стороны, неуклонное развитие промышленности на капиталистической основе, что обеспечивало быстрый рост горнозаводского производства в регионе.

Наиболее крупными остатками крепостничества были следующие: монополия на горнозаводское дело и недра земли со стороны заводладельцев, громадные земельные латифундии, запрещение открывать «огне действующие» заведения, отработки, дешевизна рабочих рук и др. Вследствие всех этих факторов пореформенный период отмечен медленными темпами технической реконструкции уральских заводов. В регионе преобладала выделка чугуна на древесном топливе при старинном устройстве доменных печей с холодным или слабо нагретым дутьем. Это привело к снижению доли Урала в производстве чугуна и стали и повышению роли южного угольно-металлургического района (Донбасс и Украина). Если в 1880 г. Юг России давал всего 5% чугуна, а Урал – 70%, то к 1900 г. Юг давал 52% чугуна, а Урал – 27%. Один южно-русский завод выплавлял чугуна в среднем в 14 раз больше, чем уральский завод, при этом

производительность труда на южно-русских заводах была в 5 раз выше, чем на Урале.

И все же нельзя преувеличивать влияние крепостнических пережитков на развитие уральской горнозаводской промышленности и ее технико-экономическую отсталость. В пореформенный период, и особенно в последние два десятилетия XIX в., происходят прогрессивные качественные изменения в уральской металлургии. В 1880–1890-е гг. на многих заводах Урала происходят серьезные технические изменения: внедрение высококорпусных плавильных и доменных печей, горячего дутья и цилиндрических воздуходувок с паровыми двигателями; замена кричных горнов и молотов сварочными печами с прокатными станами, паровыми молотами, металлорежущими станками, действующими при помощи водяных турбин или паровых машин; внедрение взрывных работ при добыче руды, подземных и наземных рельсовых путей и паровых шахтных подъемников; развитие машиностроения; замена деревянных заводских сооружений каменными. Характерно, что с 1885 по 1900 г. с 59 до 15 сократилось число доменных печей, имевших холодное дутье. Если в 1885 г. они составляли 58% от всего числа домен, то в 1900 г. — всего 12%. Из числа новых заводов нужно отметить Златоустовский металлургический завод. В мае 1902 г. была задута Ермоловская домна, давшая начало Златоустовскому металлургическому заводу качественных сталей. В дальнейшем на заводе, уже в 1915 г., был пущен мартеновский цех. В основном здесь выплавлялась пушечная и снарядная сталь.

О высоком уровне развития машиностроения на Урале свидетельствовало возросшее к началу XX в. значение механического завода Фомы Ятеса в Екатеринбурге (ныне завод транспортного машиностроения). В начале 1900-х гг. этот завод входил в восьмерку крупнейших заводов России по выпуску турбин. Он также производил паровые машины и котлы, локомотивы, прокатные станы, золотопромывальные драги, металлорежущие станки.

Большим подспорьем для развития промышленности Урала явилось завершение в 1892 г. строительства в Самаро-Златоустовской железной дороги — уральского участка великой

Транссибирской магистрали. 6 ноября 1892 г. в Челябинск пришел первый поезд из Златоуста. После того как Челябинск в дальнейшем был соединен рельсовыми путями с Екатеринбургом и Троицком, он стал крупным железнодорожным узлом, центром хлеботорговли и мукомолья, а по размерам оптовой торговли чаем занимал второе место в России (после Москвы). Не случайно на рубеже XIX–XX вв. Челябинск называли «воротами в Сибирь», «зауральским Чикаго».

Вторая половина XIX в. отмечена процессом капитализации российской экономики, однако крепостнические пережитки, особенно на Урале, в значительной степени тормозили ее развитие и не привели к заметным изменениям в социально-политической обстановке общества, не изменили тяжелое, политически бесправное положение большинства населения государства.

§ 3. *Общественно-политическое и революционное движение на Урале в конце XIX – начале XX в.*

Общественно-политическое движение в России в XIX в. проявлялось в разнообразных формах – в передовой журналистике, литературе, деятельности революционной эмиграции, появлении многочисленных нелегальных кружков и групп и т.д. Все более весомым и значимым в оживлении общественной активности стал голос разночинной интеллигенции.

В отличие от Центральной России уральская интеллигенция рекрутировалась в основном из недворянских слоев, поэтому она материально практически ничем не отличалась от горнозаводских рабочих, постоянно испытывала давление со стороны заводчиков и управляющих. Страдание народа ей были понятны на собственном опыте. Это и вызвало подвижничество передовой уральской разночинной интеллигенции в области просветительства. Одними из первых этой деятельностью занялись преподаватели Пермской гимназии и краевед-самоучка А.Н. Зырянов, проживавший в Шадринском уезде. При поддержке профессоров Казанского и Московского университетов ими были собраны материалы по истории, географии, этнографии,

статистике и экономике Пермской губернии, которые в 1859–1860 гг. были изданы двумя выпусками «Пермского сборника» Д.Д. Смышляевым, купцом, историком и общественным деятелем, наряду с коммерческим делом активно занимавшимся изучением истории Пермского края.

Неоценимую роль в развертывании просветительного движения сыграли публичные библиотеки и народные читальни. 1 февраля 1859 г. в Перми была открыта библиотека-читальня. Вокруг нее сложился кружок интеллигенции, который возглавил организатор библиотеки чиновник особых поручений при губернаторе А.И. Иконников. Кружок объединял до 25 человек, главным образом, учителей средних учебных заведений, а также политических ссыльных.

В этом же году в Вятке учитель семинарии А.А. Красовский основал общественную библиотеку, а при ней кружок местной интеллигенции и учащейся молодежи, где практиковалось чтение произведений Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. Среди них были политический ссыльный, бывший студент Харьковского университета П.С. Ефименко, чиновник губернских учреждений А.Г. Воскресенский, М. Черемухин, учителя духовной семинарии А.Н. Моригеровский, А. Стефановский, учитель уездного духовного училища Тимофеев, врач Понятовский, живописец В.И. Ильин и др.

В 1861 г. общество А.И. Иконникова имело информационные связи с демократами Казани, Петербурга, Москвы, Омска, Самары и других городов, что давало ему возможность получать необходимую литературу. Общество пропагандировало лондонские издания Вольной русской типографии «Голос из России», «Развитие революционных идей в России», «Полярная звезда», «Колокол», занималось легальной просветительской деятельностью: были открыты пять воскресных школ в Перми и столько же на территории губернии. Сподвижники А.И. Иконникова выступили с инициативой создания городского общества по распространению грамотности и полезных сведений, а также учреждения общества трезвости и взаимного вспомоществования.

В начале 1860 г. в Пермской духовной семинарии был создан кружок под руководством учителя А.Н. Моригеровского, являвшегося, по сути, филиалом общества А.И. Иконникова. Он объединял около 20 учащихся и возглавлялся учеником Аркадием Топорниковым. Они устраивали сходки, где читали произведения А.И. Герцена, выпускали нелегальный журнал «Семинарский колокол», позже переименованный в «Семинарский звонок», переписывали составленную А.Н. Моригеровским и П.С. Ефименко прокламацию «Послание старца Кондратия», в которой критиковалось царское самодержавие и проводимая реформа. Листовка призывала противопоставлять деспотической власти разумную волю народа, объединяться в общества и переходить к практическому уничтожению повелителей и начальников.

1860-е гг. были отмечены появлением ряда кружков и обществ передовой интеллигенции в Екатеринбурге, Уфе, Бирске и других городах Урала. Они занимались просветительской деятельностью, вели информационную переписку с подобными объединениями центра России.

Последующие десятилетия XIX в. в истории освободительного движения России шли под знаком идей народничества, родоначальниками которого были А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Народничество отражало стремление определенной части критически мыслящих личностей возглавить борьбу за народные интересы, опираясь на движение самих масс. Во взглядах народников переплетались идеи французских социалистов-утопистов и некоторых радикально настроенных русских мыслителей – М.А. Бакунина, П.А. Лаврова, П.Н. Ткачева, Н.К. Михайловского. Народники ратовали за некую разновидность аграрного социализма, идеализируя крестьянскую общину и в то же время отстаивая тактику индивидуального террора как лучшего метода расшатывания устоев самодержавия и подъема масс на борьбу за свои права.

Одним из первых народнических объединений на Урале (1869 г.) стал созданный в Вятке видным деятелем этого движения Н.А. Чарушиным кружок, имевший неплохую библиотеку с произведениями В.Г. Белинского, А.И. Герцена,

Н.Г. Чернышевского, Ф. Лассаля. В 1820–1873 гг. кружки народнического направления возникли в Екатеринбурге, Невьянске, Оренбурге, Перми, Троицке. Кружковцы Троицка выпускали рукописный журнал, имели нелегальную библиотеку. Первоначально работой кружка руководил П. Подбельский, а впоследствии приехавший в город революционер-народник П.А. Голубев. По его инициативе для политического самообразования молодежи был задуман указатель литературы, в составлении которого приняли участие Н.М. Зобнин, И.С. Овсянин, П.П. Маслов. После ареста П.А. Голубева указатель литературы был завершён Н.М. Зобниным и сразу же попал в разряд запрещённых.

С 1870 по 1875 г. радикальная интеллигенция воздерживалась от непосредственной борьбы против правительственных чиновников, занималась широкой пропагандой своих идей среди крестьянских масс. В 1874 г. началось массовое «хождение в народ», в нём приняли участие тысячи юношей и девушек. Урал рассматривался ими как край, в котором живы традиции крестьянских и казачьих бунтов, где можно рассчитывать на выступление народных масс под знаменем социальной революции.

В 1874 г. одна из групп участников «хождения в народ» в составе М.Ф. Фроленко, И.М. Аносова, Л.Э. Шишко и др. прибыла в Пермскую губернию. Их целью было «сорганизовать боевой отряд» из крестьянских и беглых людей. В 1876 г. группа участников народнической организации «Земля и воля», в которую входили Д.А. Клеменц, А.И. Иванчин-Писарев, А.С. Емельянов, Н.И. Сергеев, приехала в Екатеринбург, где ими был разработан план создания поселений на Кыштымских и Нижнетагильских заводах с целью вовлечения рабочих в общероссийское крестьянское восстание. Учительницы народных школ из Петербурга М.И. Гигирь и Е.И. Мамышева предприняли попытку пропагандистской деятельности среди рабочих Режевского завода и крестьян Екатеринбургского уезда.

«Хождение в народ» не привело к желаемым результатам: не произошло сближение революционной интеллигенции с народом, а крестьяне не понимали и не воспринимали участников движения. Неорганизованное, не имеющее единого центра

руководства, движение было легко и быстро раскрыто полицией. Революционеры вынуждены были пересмотреть свои тактические методы и перейти к более планомерной пропагандистской деятельности. В 1880-е гг. на Урале возникают новые группы, общества и кружки народнического направления. В отличие от предшествующих организаций они расширяют социальную базу своей деятельности, включая уже и рабочую среду.

Большую роль в политической жизни Урала сыграли политические ссыльные, хорошо знавшие революционную литературу, методы проведения агитационной и пропагандистской работы. В Перми группа политических ссыльных объединилась вокруг А.К. Маликова. В кружок входили также В.Г. Короленко, П.М. Волохов, Н.И. Сергеев, В.Н. Панютина. Несколько кружков действовали в Екатеринбурге, на Мотовилихинском заводе.

В 1893 г. в Перми бывшими народолюбцами, разгромленными после убийства Александра II, была предпринята попытка создания партии «Народное право». На следующий год политические ссыльные И.А. Неклепаев, В.И. Маноцков, А.И. Бородзич организовали кружок по программе народолюбцев. Кружковцы приняли активное участие в деятельности Пермского экономического общества, используя его как легальное прикрытие в политической работе, пропаганде идей свержения самодержавия. Однако сил для сплочения оппозиционных слоев в борьбе за политические преобразования у народолюбцев не хватило. В конце 1885 г. кружок народолюбцев был арестован.

Социально-экономическое развитие России привело к пересмотру частью народников своих взглядов. Монополия их влияния на умы радикально настроенной интеллигенции была подорвана проникновением на российскую почву марксизма. Марксистская литература на Урале появилась еще в 70-е гг. XIX в. На рубеже 1880–1890 гг. в регионе начинают возникать первые марксистские кружки, у истоков которых находились, как правило, представители интеллигенции Н.А. Чердынцев, В.С. Кузнецов, Ф.Ф. Сыромолотов, М.М. Шоура, П.В. Балашов, А.А. Беляков и др.

После образования в 1895 г. политической организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединившей социал-демократические кружки и группы Петербурга, подобные союзы стали создаваться по всей территории России, в том числе и на Урале. В 1896 г. на конференции представителей Челябинского, Златоустовского и Екатеринбургского кружков был создан «Уральский рабочий союз». Союз стремился к расширению революционной пропаганды и агитации, организации выступлений рабочих с экономическими и политическими требованиями. Однако претворить в жизнь намеченные планы не удалось, в 1898 г. организация была разгромлена.

Первое десятилетие XX в. стало для Российской империи периодом пробуждения невиданных до этого социально-экономических и политических факторов. Социально-экономическая и политическая система фактически была разбалансирована. Усугубила обстановку в стране русско-японская война, планировавшаяся как «небольшая» и победоносная, но оказавшаяся неудачной. Это, в конечном итоге, привело к тому, что пламя революционного пожара охватило всю Россию.

События 9 января 1905 г. в Петербурге положили начало первой российской революции. Весть о кровавых событиях в столице государства (погибло более 1200 человек, около 5 тыс. получили ранения) сразу же достигла Урала. Первыми на эти события откликнулись рабочие Златоуста, которые еще помнили аналогичный расстрел в своем городе 13 марта 1903 г. (было убито 69 человек и 250 ранено). В январе 1905 г. в стачечном движении в России участвовало 440 тыс. человек (до этого число бастующих не превышало 43 тыс. человек в год), в январе-феврале 1905 г. власти зарегистрировали 126 крестьянских выступлений, в мае-июне их было уже 791.

В этих условиях правительство принимало спешные меры к укреплению своей власти. В 1905 – первой половине 1906 г. из 87 губерний и областей России в 82 было введено военное положение или положение чрезвычайной и усиленной охраны. В двух губерниях Урала (Уфимской и Вятской) установлена усиленная охрана, в Пермской – чрезвычайная охрана. В борьбе

с революцией правительство делало упор на репрессивные меры. Несмотря на принимаемые правительством меры, остановить революционное движение не удалось, стачечное движение разрасталось. Если в январе уральские рабочие провели две забастовки, то в феврале – пять. Наряду с крупными предприятиями, в борьбу вступают рабочие мелких и средних заводов. Благодаря влиянию меньшевиков и эсеров, в выступлениях уральских рабочих в первый период революции наблюдается преобладание экономических требований, которые, как правило, местной администрацией удовлетворялись. Из 80 стачек, состоявшихся в мае–августе, политический характер носили только 14.

В ходе стачечной борьбы рабочие начали формировать органы управления движением. 6 марта 1905 г. на Алапаевском заводе был избран Совет уполномоченных, который по выполняемым функциям стал революционно-демократическим органом власти. В его состав вошли 27 депутатов от рабочих завода, 6 – от рудников, в их числе Е.А. Соловьев (председатель), Г.Г. Ветлугин (секретарь), Г.Д. Беслонов, Я.Н. Говорухин, В.И. Завирихин, А.Я. Тараканов, Л.В. Шадрин и др. Подобные органы управления весной 1905 г. возникают и на других предприятиях: апрель – Совет уполномоченных на Надеждинском заводе; май – товарищеский суд или Совет рабочих депутатов – на Нижнетагильском заводе; июнь – совет старейшин на Мотовилихинском заводе. Рабочие Урала одним из первых в стране создали новые органы управления для защиты своего экономического и политического положения, участия в управлении производством.

Начавшаяся революция породила и мощное аграрное движение в стране. На Урале, где пережитки крепостничества были особенно сильны, интересы крестьян сливались с интересами рабочих. Недовольство крестьян проявлялось в аграрных бунтах, которые нередко заканчивались разрушением помещичьих усадеб или даже убийствами землевладельцев. Только в январе–апреле 1905 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях произошли волнения в 24 волостях. Осенью 1905 г. крестьянское движение поднялось на новую ступень. В Пермской

губернии волнения охватили 44 волости, в Уфимской и Оренбургской – 62. Достаточно высоким уровень борьбы оставался и в 1906 – первой половине 1907 г. Всего в четырех губерниях Урала крестьянские волнения имели место в 1905 г. в 224 волостях, в 1906 г. – в 182, в первой половине 1907 г. – в 51 волости.

Под влиянием революционных событий волнения охватили и часть армии. 19–20 октября 1905 г. произошли волнения нижних чинов в военных госпиталях Челябинска. Солдаты требовали увольнения из армии. Для усмирения их была послана сотня Оренбургского казачьего полка. Но они и две роты местного гарнизона отказались участвовать в подавлении выступления. В 1906 г. в Златоусте вспыхнул бунт в 214-м Мокшанском полку, солдаты которого были недовольны арестом своих товарищей, ведущих революционную агитацию. Однако, несмотря на хождение листовок и революционной литературы среди солдат Златоустовского, Челябинского, Уфимского, Екатеринбургского и Пермского гарнизонов, массовых волнений военнослужащих на Урале не произошло. Большинство казаков, хотя и имевших оппозиционное настроение, в 1905–1907 гг. остались верными правительству, выполняли его приказы по охране общественного порядка и предотвращению и подавлению революционных выступлений.

На арене политической борьбы в революции выступили три политических лагеря – правительственный (черносотенный), либерально-буржуазный и революционно-демократический. Революционные события разворачивались чрезвычайно быстро. В ответ самодержавие организовало по всей стране черные сотни из деклассированных элементов для организации массовых погромов. Черносотенные погромы не миновали и Уральский регион. Они были организованы 19 октября в Екатеринбурге, 22-го – в Перми, 23-го – в Уфе. Наибольшему бесчинству погромщиков подвергся Челябинск. Черносотенцы убивали не только революционеров, но и ни в чем неповинных женщин, стариков, вырезали целые семьи. Для борьбы с ними из числа рабочих стали создаваться боевые дружины, которые возглавили в Екатеринбурге Ф.Ф. Сыромолотов, в Перми А.Ю. Юрш, А.Х. Митрофанов, И.С. Сдавин,

в Челябинске – И. Здобнов, В.С. Гаврилов, С.П. Осокин, в Симе – М.В. Гузаков, в Златоусте – А.В. Скворцов, И.И. Галдин, в Аше – И.Н. Оперин.

Основу либерально-буржуазного лагеря составляли представители торгово-промышленной и финансовой буржуазии, цензовой интеллигенции, служащих государственных и частных предприятий. Революция показала им, что авторитет царской власти падает, поэтому они выступали за утверждение конституционной монархии с двухпалатным народным парламентом (октябристы) и за парламентарную монархию с министерством, ответственным перед народным представительством (кадеты). Уральская буржуазия была напугана размахом революционного движения трудящихся и ставила вопрос о политических свободах, призывая царя пойти на уступки, но небольшие. Главной формой борьбы, по ее мнению, должен стать парламентаризм. Наиболее активно либералы вели предвыборную агитацию, принимали участие в создании профсоюзов. Организация профсоюзов на Урале проходила в острой борьбе между либералами и революционной демократией.

Революционно-демократический лагерь был настроен радикально, стремясь достичь полного изменения существующего строя. Апогея революция достигла в конце 1905 г. Особенно чувствительным для властей было вступление в забастовочное движение транспортников и телеграфистов. Забастовка охватила 120 городов России, сотни фабричных и станционных поселков. Бастовало полтора миллиона человек. В сентябре 1905 г. забастовало около тысячи рабочих железнодорожных мастерских и депо станции Оренбург. В октябре всеобщие стачки начались в Уфе, Челябинске, Златоусте.

В условиях наступившего равновесия сил Николай II 17 октября 1905 г. подписал подготовленный С.Ю. Витте Манифест, который стал крупной политической уступкой царизма революционному движению. В нем нашли отражение основные требования представителей либеральной оппозиции, поскольку правительство надеялось на то, что удовлетворение их интересов позволит отвлечь от участия в революционной

борьбе. Лидеры социалистического движения выступили против Манифеста.

В декабре 1905 г. размах революционного движения еще более возрос. На Урале наибольшего накала вооружения борьба достигла в рабочем пригороде Перми – Мотовилихинском заводе. Во многих местах экономические выступления перерастали в политические и дошли до вооруженных столкновений (Уфа, Челябинск). В декабре бастовало 34,7 тыс. рабочих на 26 предприятиях. Рабочий класс Урала показал себя способным идти на самые решительные меры ради победы революции.

Весной 1906 г., реализуя положения Манифеста 17 октября, впервые в истории России состоялись выборы в I Государственную думу. Большевики и эсеры бойкотировали эти выборы. В результате от Урала в нее было избрано 43 депутата. От уральских губерний большинство избирателей поддержало партию кадетов (19 депутатов). I Государственная дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Она была распущена императором, обвинившим депутатов в разжигании смуты в стране. Началась подготовка к новым выборам. Этот период правительство использовало для достижения стабильности в государстве. Революция шла на спад. За первую половину 1907 г. на Урале произошли 74 забастовки с участием 56 387 человек, ослабело и крестьянское движение.

В изменившихся условиях прошли выборы II Государственной думы, состав которой оказался более враждебным к правительству, чем первой. Это было связано с тем, что в выборах приняли участие левые силы. Среди уральских депутатов социалисты получили 27 мандатов, а кадеты всего 7 мандатов из 43. Всего же из 518 депутатов левые партии получили 222 мандата (43%). II Государственная дума проработала с 20 февраля до 3 июня 1907 г., и царским Указом от 3 июня она была распущена – этот акт ознаменовал собой окончание революции.

Завершение первой российской революции и государственный переворот 3 июня 1907 г. коренным образом изменили положение в стране. Началось наступление на права рабочих, завоеванных ими в 1905-1907 гг.: ликвидировался 8-часовой

рабочий день, понизилась заработная плата, снова стали вводиться сверхурочные работы и штрафы.

После 3 июня репрессии со стороны власти коснулись в первую очередь партийных организаций рабочего класса. Seriously пострадали профсоюзы Урала, многие печатные издания. Правительственные меры привели к спаду рабочего движения в России, на Урале. Но даже в этих сложных условиях уральские рабочие во второй половине 1907 г. провели 34 забастовки, в 1908 г. – 42, 1909 г. – 35. Произошли острые столкновения рабочих с администрацией на многих заводах – Алапаевском, Ижевском, Пожевском и других. Особенно большое значение имела забастовка железнодорожников Челябинска (1 тыс. человек), рабочих железнодорожных мастерских и депо Уфы (2 тыс. человек), Оренбурга (800 человек) и Златоуста (600 человек), продолжавшаяся почти месяц и подавленная только с помощью войск. В 1908–1909 гг. произошли новые экономические и политические выступления. Забастовка рабочих типографии «Голос Приуралья» в Челябинске продолжалась с 5 мая по 1 июня 1908 г. Ее участники наряду с экономическими требованиями выдвинули политические – освобождение из тюрем своих товарищей, арестованных за распространение листовок.

Весной 1908 г. вспыхнула забастовка рабочих Троицкого и Кочкарского золотоносных районов, закончившаяся удовлетворением их требований. В этом же году произошли забастовки в отдельных цехах Алапаевского, Верхнекыштымского заводов. В 1909 г. бастовали рабочие на ткацкой фабрике Макаровых в Екатеринбурге, в типографиях Уфы и Екатеринбурга, на строительстве Карабашского медеплавильного завода и других. Однако количество стачек по сравнению с 1905–1906 гг. сократилось в 4–5 раз.

После поражения революции в стране установился режим, получивший название «третьиюньской монархии». Правительство продолжало проводить реформы, но при этом заметно урезало права общества и ориентировалось на верхушку имущих классов. Главным творцом нового курса стал П.А. Столыпин, который нуждался в Думе и способен был сотрудничать с правительством. Создать такую Думу позволил избирательный

закон 3 июня 1907 года. Изменение избирательного закона отчетливо сказалось на партийном составе III Думы, выборы в которую прошли осенью 1907 года. От Урала в III Думу был избран 31 депутат, в том числе 4 социал-демократа, 4 трудовика, 21 депутат от кадетов, мусульманский союз, прогрессисты, 1 монархист (священник) и 1 октябрист (врач). В целом депутатский корпус уральцев вновь был оппозиционным режиму. III Дума работала с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г. Объединившись в два думских большинства – правооктябристское и октябристско-кадетское, уральцы, с одной стороны, обеспечивали поддержку правительства в его курсе на подавление революции, с другой – имели возможность оказывать на него «воздействие», в связи с проведением курса реформ. Уральские депутаты социал-демократы В.Е. Косоротов, Н.М. Егоров, Е.П. Астраханцев (от рабочих) и В.П. Путятин (от крестьян) выражали интересы своих избирателей. Депутат-большевик В.Е. Косоротов, состоял в III Думе всего шесть месяцев, но за это короткое время сумел показать себя стойким защитником интересов рабочего класса. Широкую известность своими выступлениями в Думе и вне ее получил пермский депутат Н.М. Егоров. Выступления и запросы депутатов по актуальным вопросам текущего момента широко распространялись по России и способствовали разоблачению антинародной политики царизма. Уральские депутаты-большевики тесно сочетали думскую деятельность с внедумской. По словам самих депутатов, «ни одна область не дала столько материалов для нашей фракции, как Урал». На основании этих материалов в Думу был внесен ряд запросов в законопроект о ликвидации посессионного землевладения. Уральские депутаты-либералы А.Ф. Бобянский, И.Л. Мерзляков, И.В. Титов и другие проявили высокую степень активности в отстаивании курса реформ. Стенографические отчеты III Думы зафиксировали их выступления по наиболее важным политическим, экономическим и социальным проблемам, поднятым либеральными фракциями.

В политической области они высказывались за необходимость установления в России конституционно-монархического режима, укрепления авторитета Думы,

расширения ее законодательных прав, выступали за развитие политических свобод, осуждали введение чрезвычайных режимов, военных судов, казней. Разделяя общие требования русского либерализма, уральские депутаты стремились облегчить сложное экономическое и социальное положение горнозаводского края и предлагали решить такие вопросы, как развитие частного предпринимательства, отмена посессий, землеустройство и др.; поддержали все законопроекты, которые внесла кадетская партия. К тому же в выступлениях депутатов-мусульман Ш. Сыртланова, К.Б. Тевкелева выдвигалась задача предоставления мусульманам права на религиозное и национальное самоопределение.

Как же относились к III Государственной думе уральцы, к ее депутатам, от деятельности которых зависело настоящее и будущее страны? В донесениях начальнику Оренбургского жандармского управления от уездов нет одинаковых ответов, но большинство находят ее более работоспособной, чем две предыдущие. За 5 лет работы III Государственная дума утвердила 2197 законопроектов, позволивших сделать шаг в сторону перехода царизма к буржуазной монархии.

Глава VII. Культура и быт населения Урала в дореволюционный период

§ 1. Культура и быт коренных народов Урала и влияние на них русской колонизации

Культура Урала имеет богатую многовековую историю. По данным археологии, ее истоки уходят в эпоху древнекаменного века (палеолита). За сто тысяч лет развития первобытно-общинного строя народы Урала прошли путь от небольших групп охотников и собирателей до крупных этнополитических общностей финно-угорского, индоевропейского и тюркского круга с развитой металлургией, земледелием, скотоводством и своеобразной культурой.

Сохранившиеся памятники позволяют восстановить важнейший элемент культуры – мировоззрение древнего человека и

его эволюцию от тотемизма – представлений о единстве родового коллектива как потомков одного родоначальника – тотема (лось, медведь, птицы) к более сложной картине о трех мирах – нижнем (прошлом), настоящем земном и высшем – космическом. У населения лесного и лесостепного Приуралья эта система представлений сложилась к VI–IX вв., у горнолесного и таежного Зауралья – к X–XII вв. Яркое художественное воплощение получила она в ажурных пластинах арочной формы, изготовленных в технике плоского литья. В изображениях на пластинах нашли отражение и новые социальные отношения, и прежде всего осмысление человека как центральной фигуры бытия земного мира.

К эпохе первобытного общества относится зарождение многих видов искусства – живописи (на скальной и прикладной), архитектуры, деревянной и каменной скульптуры, первых простейших музыкальных инструментов.

Археологические памятники свидетельствуют о значительных достижениях жителей Урала в развитии различных видов прикладного искусства, тесно связанного с хозяйственным бытом и традиционным мировоззрением. К древнейшим временам восходят обработка дерева и бересты, кости и металла, изготовление узорных тканей и вязаных изделий, глиняной посуды и т.д. В традиционных бытовых предметах народов Урала отчетливо прослеживаются этнические особенности как в технике обработки материалов, так и в их украшении. У коми-пермяков и коми-зырян отдавалось предпочтение деревянным изделиям в виде водоплавающей птицы, у удмуртов – изготовлению резного стула из цельного ствола дерева, имевшего многофункциональное назначение. Широкое распространение у коми-зырян и коми-пермяков получила деревянная скульптура в виде идолов. С принятием христианства эти традиции соединились с русским и западноевропейским влиянием в пермской деревянной скульптуре XVII–XIX вв.

Значительное воздействие на последующее развитие культуры и быта жителей края оказало освоение Урала русскими людьми. В течение XII–XVII вв. шло взаимное обогащение культуры коренного населения и русских, среди которых

абсолютное большинство составляли крестьяне. Воздействие русской культуры более всего проявилось при появлении пашенного земледелия в деревянном зодчестве, в распространении русского языка и письменности, а также православия как официальной религии русского государства.

В XVI–XVII вв. на Урале получили развитие традиции летописания и иконописи, создания и переписывания книг, русского песенного и фольклорного искусства, оказавших сильное влияние на фольклор и культуру местных народов.

До начала русской колонизации большинство народов Урала, за исключением коми-зырян, не имели своей письменности. Появление ее у коми-зырян связано с деятельностью христианского миссионера Стефана Пермского во второй половине XIV в. Башкирские и татарские муллы и часть представителей феодальной верхушки были знакомы с арабской грамотой, а с XV–XVI вв. – с грамотой языка тюрки.

С приходом русских людей на Урале появляются первые библиотеки. Одной из крупнейших не только на Урале, но и в России XVI в. была библиотека именитых людей Строгановых. Начало ее собиранию положил Аника Строганов. В его библиотеке находились первенцы московской Анонимной типографии, издания русских первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца. В 1580 г. в Сольвычегодске Строгановы создали собственную книгописную мастерскую, где трудились писцы высочайшего класса – Г. Базыкин, К. Тихой, П. Архипов. С 80-х гг. XVI в. началась деятельность строгановских иконных мастерских. В современной науке в основном утвердилась точка зрения на строгановскую иконопись как на одно из стилистических течений в русской живописи XVI–XVII вв., которое отличалось изяществом и «мелочностью» письма.

В XVI в. на Урале возникает местное летописание. Первыми известными нам летописями были Пермская владычная летопись и Вологодско-Пермский летописный свод. К XVII в. относятся Сибирские летописи (о походе Ермака), Строгановские, Ремезовская (Кунгурская) летопись 1703 г. (о походе Ермака). Летописи стали неперменной составной частью круга чтения уральцев, грамотность которых в XVI–XVII вв. возросла.

особенно среди служилых людей и посадского населения. Дальнейшему распространению грамотности способствовало создание сети горнозаводских школ на казенных и частных предприятиях Урала, возникших по настоянию управляющего уральскими горными заводами В.Н. Татищева. В 1737 г. их насчитывалось десять, с числом обучающихся – более 650 чел. Особое место занимала Екатеринбургская школа, превратившаяся в крупное по тем временам профессиональное учебное заведение, готовившее специалистов не только для уральских заводов, но и для Сибири и Алтая.

До начала колонизации края местные народы накопили многовековой опыт использования природных богатств. Они варили соль, выплавляли металл, осваивали леса и реки. С приходом сюда русских разработка природных ресурсов становится более интенсивной. В 1491 г. в бассейне р. Печоры партия профессиональных рудоискателей Московского государства сделала первое в стране открытие медных руд. К концу XVII в. на Урале было выявлено уже более 50 месторождений полезных ископаемых. Научные экспедиции Российской академии наук 1734 и 1768 гг. положили начало комплексному научному исследованию края, формированию уральских кадров ученых-исследователей.

Урал стал колыбелью геологоразведочных знаний в России. Здесь на протяжении XVII–начала XX в. работали многие выдающиеся ученые-геологи – Г.Г. Шуровской, А.П. Карпинский, В.И. Вернадский и др. С конца XVIII в. появляются исследования уральских ученых-геологов и инженеров – И.Ф. Германа, А.И. Антипова, П.М. Бурнашева.

Русская колонизация оказала влияние на развитие архитектуры хозяйственно-жилых строений. Как и на Русском Севере, основным типом поселения стал приречный, с беспорядочной, свободной застройкой. Дома представляли бревенчатый сруб 6,5 на 6,5 м на высоком подлете, к жилой части которого примыкали сени и клетки. Этот тип построек с определенными особенностями был принят местными жителями – удмуртами, коми-пермяками, марийцами; позднее он был перенесен в Зауралье и Сибирь.

Тип жилища западных башкир носил отпечаток строительных традиций народов Поволжья. В Восточной Башкирии, где господствовал полукочевой, скотоводческий образ жизни, временными жилищами были войлочная кибитка и шалаш.

С проникновением христианства в архитектуру Урала получает развитие церковное строительство. Первоначально оно было представлено деревянным зодчеством. В нем органично соединились традиции московского стиля и элементы местного зодчества (клетский тип церкви). На рубеже XVII–XVIII вв. появляются первые каменные храмы. В их числе монументальный белокаменный ансамбль Соликамска (1678–1691 гг.), Верхотурья (1698–1710 гг.), монастырский ансамбль в с. Долматове (XVIII в.). В последующий период каменное церковное строительство получает широкое распространение. В архитектуре культовых построек своеобразно соединились приемы московского зодчества и традиции местных деревянных форм. Господствующим оставался барочный стиль, характерный особым вниманием декоративного начала перед конструктивным. Наиболее распространенным типом планировочной композиции являлся вытянутый по продольной оси двухэтажный храм «кораблем», который имел различное завершение – большой или малый восьмерик, пятиглавие и т.д. (церковь Иоанна Предтечи в с. Красном Пермской губернии). В декоративные приемы отделки зданий уральские мастера внесли ряд специфических черт, в том числе карнизы, пояса, декоративные детали, выполненные в виде квадратно-ромбического орнамента из фигурного кирпича (жучок). На Урале сложилась самобытная региональная школа барочного зодчества.

Взаимопроникновение культур местных народов и русских людей проявилось и в различных сторонах бытовой жизни. Одежда народов Урала на протяжении XVI–XVII вв. сохраняла ярко выраженные этнические черты. В нарядах русских людей, коми-пермяков прослеживались традиции одежды населения Европейского Севера и центра России, у татар и марийцев – населения Поволжья, у восточных башкир – казахов. С XVIII в. этнические различия в одежде становятся не столь резкими, наблюдается заимствование отдельных элементов, одновременно

преодолевая старые традиции, проникает влияние европейской моды. Особенно эта тенденция получила распространение среди жителей заводских поселков, а позднее – городов. Одежда сельского населения отличалась большей приверженностью к национальным традициям и использованием преимущественно тканей домашнего изготовления – холщевых и суконных.

Питание жителей края состояло в основном из продуктов, производимых здесь же, на Урале. Обычно пища состояла из ржаного хлеба, щей, каши, капусты, свеклы, редьки. Широко употребляли в пищу ягоды, грибы. Мясные блюда готовились редко, в основном по праздникам. Питание зажиточных семей было более разнообразным. Например, казаки употребляли хлеб только пшеничный. Употреблять ржаной хлеб считалось недостойным казака. Этим в значительной мере объясняется более низкая смертность среди казачьего населения и его более высокий прирост.

В первой половине XIX в. на Урале стал распространяться картофель. Первоначально он был встречен настороженно, а старообрядцами даже враждебно, но в последующем, благодаря своей неприхотливости и урожайности, получил широкое признание.

Семейный уклад русского населения Урала отличался небольшим составом семьи (1-2 мужчины-работника в XVII в. и 3-4 – в XVIII в.), состоящим преимущественно из двух поколений. Главой семьи был муж, распорядившийся не только хозяйством, но и судьбами ее членов. Брачный возраст юноши составлял, как правило, 18 лет. Невеста могла быть на 4-5 лет старше, что определялось ее положением в семье как работницы, помощницы в домашних делах. Брак заключался как «добром», т.е. с согласия родителей, так и «убегом». Новая семья признавалась общественным мнением, если невесте расплетали косу. С усилением влияния православной церкви брак становился законным только в случае освящения его церковью. Однако вплоть до середины XIX в. это правило действовало с большим числом исключений.

Небольшая численность семьи была характерна и для казачества. Но здесь чаще встречались большие неразделенные

семьи (преимущественно у старообрядцев). Причем в роли главы таких семей могли выступать и женщины.

Семейный быт башкирского населения определяли законы ислама, согласно которым женщина занимала подчиненное положение в семье и была лишена гражданских прав.

§ 2. Культура Урала XIX – начала XX в.

С возникновением в XVIII в. крупной горнозаводской промышленности связан качественно новый этап в развитии культуры и быта народов края.

Строительство заводов на Урале способствовало развитию горной металлургии. Значительный вклад в ее становление и развитие принадлежит В.Н. Татищеву (1686–1750 гг.), ученому-энциклопедисту, выдающемуся государственному деятелю, управляющему уральскими горными заводами в 20-е и 30-е годы XVIII в. С конца XVIII в. на Урале создается своя школа металлургов. Работы многих ученых и инженеров внесли весомый вклад в развитие теории и истории горного дела в стране и на Урале. В их числе работы В.И. Геннина, И.Ф. Германа, крупных специалистов и организаторов горного дела, А.С. Ярцева, преподавателя Екатеринбургской горной школы, инженера В.В. Грум-Гржимайло, более 20 лет проработавшего на уральских заводах и занявшего в 1907 г. кафедру металлургии Петербургского политехнического института, И.А. Соколова, возглавившего уже в советское время уральскую научную школу металлургов, профессора Уральского политехнического института и многих других.

Потребности горнозаводской промышленности вызывали к жизни развитие технического творчества. Техниками-самоучками и инженерами, работавшими на заводах края, было решено много ценных технологических и конструктивных задач. В области гидротехники наиболее значимыми были изобретения К.Д. Фролова, К.К. Ушкова, В.П. Воеводина – машины для молодой золотодобывающей промышленности, в теплотехнике – Л.И. Ползунова, уроженца Урала, Е.Г. Кузнецова, Л.Ф. Собакина, в механике – Казанцева и Истомина.

построивших в 1804 г. под руководством выдающегося инженера П.Г. Соболевского первый в России паровоз и первую железную дорогу, которая вошла в действие в 1834 г., на три года раньше Царскосельской.

В области металлургии выдающихся достижений добился уральский инженер П.П. Аносов, посвятивший 30 лет своей деятельности (1817–1847 гг.) Златоустовскому заводу. С его именем связано открытие тайны производства булатной стали и нового способа получения литой стали. П.П. Аносов впервые применил микроскоп для исследования металлов, опередив на 33 года английского ученого Сорби. Он положил начало микроанализу металлов, основы современной металлографии.

Последователем П.П. Аносова стал другой талантливый металлург Златоустовского завода П.М. Обухов. Он нашел способ массового производства литой стали высокого качества, а в 1860 г. изготовил первые стальные пушки. Нижнесалдинский металлург К.П. Поленов стал изобретателем прокатки стальных рельсов и нового метода бессемерования чугуна, получившего широкое распространение под названием «русского бессемерования».

Промышленное освоение края содействовало развитию других отраслей научных знаний – географии, биологии, сельского хозяйства, а также исторических знаний, медицины и пр. Наиболее широко эта работа развернулась со второй половины XVIII в. В ряде городов Урала возникли научные общества – географические, любителей естествознания и т.д. Уральские ученые и практики, группировавшиеся вокруг них, вносили свою лепту в дело изучения края, в развитие различных отраслей научных знаний и их популяризацию. В числе наиболее известных можно назвать математика М.М. Первушина, докторов медицины А.А. Мстиславского, П.В. Рудановского, основоположника сельскохозяйственной науки на Урале В.Н. Варгина, историков-краеведов А.А. Дмитриева, Д.Д. Смышляева, Н.К. Чупина, ботаников О.Е. Клера, П.В. Сюзева, лесовода Ф.А. Тепалоухова.

Поскольку ни в одной губернии Урала не было научных институтов или исследовательских лабораторий Академии наук,

а первое высшее учебное заведение открылось только в 1916 г., научные общества сыграли большую роль в создании комплексного подхода к изучению природы, хозяйства, истории и культуры Урала.

Индустриальный профиль Урала, требовавший квалифицированных специалистов, определил специфику системы образования в крае. Уже в XVIII в. на Урале появляется уникальная для своего времени сеть школ на казенных и частных заводах, в которой обучались в основном дети мастеровых, рабочих людей и приписных крестьян. Школы давали основы не только общей грамотности, но и практические знания и навыки работы на заводе.

Школьная реформа конца XVIII в., направленная на создание единой общероссийской системы народного образования, имела весьма неутешительный общий итог. Значительно заметней были результаты образовательной реформы начала XIX в. и особенно 60–70-х годов XIX в. Включив Урал в единое общероссийское образовательное пространство, они содействовали дальнейшему развитию и совершенствованию системы образования: формированию сети начальных школ для нерусских народов, развитию среднего образования, в том числе женского; новое направление получила и система горнотехнического образования. Важное значение имело расширение общественной и частной инициативы в деле школьного строительства. В итоге за период с 1865 по 1898 г. число народных училищ всех типов и видов возросло в четыре раза. Наиболее впечатляющие успехи были достигнуты в Оренбургской губернии, в границах которой находились земли Оренбургского казачьего войска. С 1871 г. здесь были приняты меры к введению обязательного обучения всех мальчиков 8–9 лет и ликвидации неграмотности казаков 18–20 лет. На содержание школ станичные общества расходовали от 10 до 25% общественных сумм. К началу XX в. 4/5 всех войсковых жителей старше 8 лет умели читать и писать.

Преимущественно за счет средств общественных организаций и частных лиц развивалось на Урале среднее специальное образование. Создание высших учебных заведений началось только в начале XX в. Осенью 1916 г. в Перми было открыто

отделение Петроградского университета, преобразованное в мае 1917 г. в самостоятельный, первый на Урале университет.

В целом к началу XX в. на Урале сложилась система начального и среднего образования. Профессиональная школа приблизилась к потребностям края. Уровень грамотности поднялся с 2-3% в 60-е годы XIX в. до 22,4% по переписи 1897 г. и более 30% к 1917 г. В то же время развитие народного образования отставало от потребностей населения региона. Как и в России, на Урале сохранялась сословная система школ, обучением была охвачена лишь треть детей школьного возраста. Основная их масса училась не более двух лет. Ограничены были возможности нерусских народностей. Профессиональная подготовка учителей оставалась на низком уровне.

Оригинальное развитие получила на Урале художественная культура. Ее специфика была обусловлена природными богатствами края, промышленным характером его развития, относительной удаленностью от центра России и замедленным проникновением модных идей и направлений. В архитектуре Урала барочный стиль, господствовавший в течение XVIII в., постепенно уступает место классицизму. Самый яркий и емкий период его развития охватывает вторую четверть XIX в. Ведущим центром становится Екатеринбург со связанными с ним экономически и географически городами-заводами. Работы талантливых архитекторов М.П. Малахова (дворцово-усадебный комплекс Расторгуева-Харитоновна), И.И. Свизева (ротонда в городском саду, Пермь), А.П. Чеботарева (главная контора в Нижнем Тагиле), Ф.А. Тележникова (Троицкий собор в Златоусте) и других по своим художественным достоинствам стоят в одном ряду с лучшими произведениями архитектуры русского классицизма.

Середина XIX в. явилась, как и в стране в целом, кризисом классицизма, временем поиска новых рациональных архитектурных форм. В центре внимания оказались поиски национального стиля как во внешней форме, так и во внутренних структурах. Большое распространение получил электический метод – использование форм и элементов различных стилей (дом Севастьянова в Екатеринбурге, архитектор Падучев; здание

городской управы в Уфе, архитектор Ревнер). Броскость, необычайность, а подчас вычурность облика зданий представлялись заказчикам – нарождающейся буржуазии – весьма престижными. Заметным явлением стало укрепление масштабов, стремление к композициям, раскрывающим значение построек, появление элементов нового стиля модерн (особняки Грибушина в Перми, Высоцкого в Челябинске, магазин Яушевых в Челябинске). Однако число построек в новом стиле было невелико, и в начале XX в. господствующим оставался принцип эклектики. Следует отметить также, что жилые дома с каким-то определенным архитектурным обликом составляли небольшое поле вокруг административного центра города, уступая дальше место убогой, деревянной, а в городах Южного Урала – мазанковой застройке.

Промышленный профиль Урала predetermined возникновение специфической промышленной архитектуры. Ее развитие на протяжении полутора с лишним веков явилось своего рода школой архитектурного мастерства в общегосударственном масштабе. Уже к середине XIX в. большинство заводов Урала представляли собой монументальные комплексы зданий из кирпича и металла с типичной объемно-планировочной и архитектурно-художественной застройкой.

В XVIII – первой половине XIX в. они имели большое градостроительное значение, так как каждый из них сопровождался строительством поселения. Последующее увеличение мощности заводов, введение системы железнодорожной сети обусловили планировочное преобразование не только самих заводов, но и городов в сторону усложнения их пространственной организации. Наряду с заводами и его промышленными сооружениями, в планировочных схемах городов возрастает значение торговых помещений, а в первом десятилетии XX в. – роль зданий культурно-просветительного и зрелищного назначений – театров, народных домов, а также учебных заведений. Однако число построек в новом стиле было невелико, господствующим оставался принцип эклектики.

Развитие архитектуры способствовало развитию на Урале камнерезного искусства, получившего широкое

распространение с 30-х гг. XVIII в. и достигшего своего расцвета в первой половине XIX в. В творчестве выдающихся уральских камнерезов И. Сусорова, С. Ваганова, Л. Колмогорова и других прослеживается эволюция форм и различных приемов обработки камня от гранения мелких предметов преимущественно из твердых пород (топаза, сердолика, горного хрусталя) к обработке мрамора, изделия из которого господствовали вплоть до конца XVIII в., до изготовления крупных предметов и деталей из красочных пород яшмы, малахита, лазурита способом «русской мозаики» к созданию рельефов и круглой скульптуры; лучшие из этих произведений хранятся в Эрмитаже и других музеях страны и мира.

Особое развитие получило на Урале чугунное художественное литье, исторические традиции которого уходят в первобытное общество. Чугун являлся не только важным строительным материалом, но и пластическим, блестяще использованным русскими архитекторами. Формы и практическое назначение уральского литья были многообразны. В первой половине XIX в. большого подъема достигло парковое литье – решетки, скамейки, вазы, монументально-декоративная скульптура, вершиной которой можно назвать работы уральских мастеров над конными группами выдающегося русского скульптора П.К. Клодта, а также камерное чугунное литье, расцвет которого во второй половине XIX в. связан с Каслинским и Кусинским заводами. Слава уральского художественного литья стала всемирной. Столь блестящий взлет был достигнут благодаря природным богатствам края и высокому таланту художников-профессионалов М.Д. Канаева, Н.Р. Баха и народных скульпторов-самородков В.Ф. Торокина, Д.И. Широкова, К.Д. Тарасова и других.

В XVIII в. в период бурного расцвета уральской промышленности появляется новая для края форма искусств – роспись металлических изделий, достигшая вершины своего подъема в первой половине XIX в. Центрами ее развития были Невьянск и Нижний Тагил, где изготавливались и расписывались металлические шкатулки, сундучки и т.д. Большого мастерства достигла роспись подносов.

Урал стал продолжателем замечательных традиций тульских оружейных мастеров. С созданием в 1814 г. Златоустовской фабрики оружия возник новый центр по изготовлению художественных образцов. Формирование оригинальных принципов его художественного оформления связано с именами выдающихся граверов И.Н. Бушуева, И.П. Бояршинова, В.И. Южакова.

Новой ветвью уральского искусства явилось развитие в начале XIX в. бронзолитейного производства, преимущественно на Верхисетском и Нижнетагильском заводах. Стилистически оно было связано с декоративными формами высокого классицизма 20–30-х гг. XIX в. Художественная и прикладная бронза хоть и не достигла такого размаха и уровня, как гравюра на стали, камнерезное искусство, но все же стала существенной частью культуры Урала.

Развитие металлургической промышленности на Урале вызвало появление горнозаводской графики. Во второй половине XVIII в. из нее постепенно выделился пейзаж как самостоятельный жанр графического искусства. Пейзаж оставался ведущим жанром изобразительного искусства Урала XIX – начала XX в. Наибольшее признание получили работы художников П.П. Верещагина, А.К. Денисова-Уральского, Л.Н. Жукова, А.И. Корзухина. Не все они постоянно жили на Урале, но тема всегда сохранялась в их произведениях. Творчество уральских художников развивалось в русле реалистического искусства, которое знаменовало переход от простого воспроизводства действительности к ее социальному анализу. Достаточно ярко этот переход отразился в полотнах В.П. Худоярова («Рыболов»), Л.В. Попова («Где же истина?», «Ходоки на новые места», «Тревога»), в политической графике Л.В. Туржанского, А.Н. Пармонова.

Характерным явлением второй половины XIX – начала XX в. становится популяризация живописи и приобщение к ней широких масс. Создаются общества любителей изящных искусств, организуются художественные выставки, где экспонируются полотна художников-академистов, передвижников и местных ваятелей.

Неотъемлемой частью культуры Урала являлась музыкальная культура. Проявление ее многогранно и глубоко своеобразно. Это народное творчество (преимущественно песенное), музыкальная жизнь города (любительское музицирование, концерты профессионалов, спектакли), система музыкального образования, просвещения, эстетическое воспитание широких масс средствами музыки, которая стала складываться во второй половине XIX в.

Народная песня, имевшая давние традиции, была своеобразной летописью истории народов края, отразившей их верования, труд, особенности культуры и быта. Являясь составной частью народного фольклора, она издавна привлекала внимание исследователей. Изучением и сбором богатого уральского фольклора занимались В.Н. Татищев, А.С. Пушкин, В.И. Даль. К числу наиболее значимых фольклорных изданий, вышедших на Урале, следует отнести сборники Кирши Данилова «Древние российские стихотворения» (вторая половина XVIII в.), П.А. Вологодина «Песни пермяков» (1887 г.), Л.Е. Воеводина «45 старинных песен в заводах Пермской губернии» (начало XX в.), А.И. Мякутина «Песни оренбургских казаков» (1904 г.).

Богатые народно-певческие традиции создали предпосылки для развития хорового певческого искусства на Урале. Особый размах получило оно во второй половине XIX в. и связано с именами А.Д. Городцова, С.В. Гилева.

Оживлению концертной деятельности в крае способствовало создание во второй половине XIX – начале XX в. музыкальных кружков и обществ, а также первых профессиональных музыкальных театров в Екатеринбурге и Перми, оказывали положительное влияние на нее и музыкальные контакты с Москвой и Петербургом. В репертуаре творческих коллективов основным направлением деятельности стала пропаганда произведений классиков мирового музыкального искусства – М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского, П.И. Чайковского, В.А. Моцарта, И.С. Баха.

Заметных успехов во второй половине XIX – начале XX в. добилось драматическое искусство Урала, развивавшееся в рамках реалистической ориентации. В театральном репертуаре

водевили и комедии все более вытеснялись «семейной драмой». Успехом публики пользовались «Гроза», «Бешеные деньги» А.Н. Островского, «Дядя Ваня» А.П. Чехова, «Дачники» А.М. Горького.

В конце XVIII – начале XIX в. на Урале складывается местное книгоиздание, возникают первые типографии в Вятке (1776 г.), Перми (1792 г.), Уфе (1801 г.), Екатеринбурге (1803 г.) и Оренбурге (1827 г.). Первые шаги делает провинциальная печать. В 1838 г. стали выходить «Губернские ведомости» – официальный орган губернской администрации. В 90-е гг. XIX в. на Урале выходило более 30 легальных периодических изданий, а в начале XX в. – более 70-ти, в их числе земские, церковные и иные официальные и частные. Выпуск «Уральского горного обозрения» (1897–1906 гг.) положил начало развитию специализированной газетной периодики в крае.

На страницах уральских газет часто помещались художественные произведения местных поэтов и прозаиков – С.А. Ильина, Н. Вилесова, А. Надинского (Воеводина), Е.С. Гадмер, Ф.Ф. Филимонова и др.

Массовой формой литературы XIX – начала XX в. становятся стихи. Наиболее заметными были произведения П. Шмакова, Н. Черешнева (Н. Новиков), В. Нос (В. Юрезанский). Активно заявило о себе новое направление – пролетарская поэзия. Яркими ее представителями на Урале были Ф.Ф. Сыромолотов (1877–1949 гг.), П.И. Заикин-Уральский (1877–1920 гг.).

В развитии литературы Урала XIX – начала XX в. отчетливо проявились реалистические тенденции. Все более характерным жанром становился социальный роман. Произведения ряда уральских авторов получили широкое признание в стране. Среди них романы и повести Ф.М. Решетникова (1838–1927 гг.), А.А. Кирпищиковой (1841–1871 гг.), публиковавшиеся на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки». Ф.М. Решетников признан первооткрывателем темы рабочего класса в русской литературе.

Яркой страницей в истории культуры Урала стало творчество писателя Д.Н. Мамина (1852–1912 гг.), публиковавшегося под псевдонимом Д. Сибиряк. Все его крупные произведения

связаны с уральской тематикой. В «Уральских рассказах», романах «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», «Хлеб» и других создан колоритный образ края, его особый быт, культура, своеобразные жизненные типажи. Мамин-Сибиряк показал громадные духовные возможности, таящиеся в народе, способном своим трудом покорять суровую природу.

В начале 1900-х гг. тема простого человека, труженика получила развитие в творчестве прозаиков А.Г. Туркина (1870–1919 гг.), И.Ф. Колотовкина (1878–1922 гг.), А.С. Сигова (А. Погорелов) (1860–1920 гг.) и ряда других. Всех этих писателей объединяли общая демократическая позиция, внимание к народной жизни, нуждам и стремлениям трудящихся, интерес к личности и глубокая разработка психологических портретов героев.

В конце XIX – начале XX в. развивается демократическое направление в литературе нерусских народов Урала: в творчестве М. Гафури (1880–1934 гг.), признанном родоначальнике реализма в башкирской литературе, Ш. Бабича, А. Тагирова, Д. Юлтыя, С. Кудаша. В удмуртской литературе выделялись произведения М. Жогина, Д.И. Корепанова (Кедр Митрей).

Развитию науки и культуры, приобщению к их достижениям широких народных масс содействовала активизация общественно-политических партий – правых (Русское собрание, Союз русского народа и др.); либеральных (Союз 17 октября, кадетов), леворадикальных (эсеров и социал-демократов), активно проявивших себя в годы первой русской революции. В последующий период, вплоть до февраля 1917 г., их деятельность была менее заметной.

На протяжении XIX – начала XX в. народами Урала был накоплен солидный научно-исследовательский потенциал, способствующий уже в советский период превращению края в один из ведущих научных регионов страны. Сформировалась богатая художественная культура. Развиваясь в рамках общероссийской культуры, она в то же время имела ряд специфических черт, обусловленных особенностями природного, географического, социально-экономического и исторического развития края.

Глава VIII. Урал в период социалистического эксперимента (1917–1940 гг.)

§ 1. Урал в период революции 1917 года и гражданской войны

25 октября 1917 г. вооруженное восстание под руководством большевиков победило в Петрограде. II Всероссийский съезд Советов постановил, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Весть о победе революции в столице быстро распространилась по всей стране. В большинстве промышленных центров Урала советская власть устанавливалась в первые дни после победы революции в Петрограде. С 26 октября по 5 ноября власть в руки Советов перешла в Екатеринбурге, Уфе, Алапаевске, Мотовилихе, Лысьве, Каслях, Невьянске, Надеждинске, Кунгуре, Симе, Усть-Катаве, Ижевске. В большинстве мест новая власть устанавливалась мирным путем. В 93 городах и крупных заводских поселках (64% общего числа Советов) она утвердилась в октябре–ноябре. В ряде мест – Перми, Кунгуре, Шадринске, Уфе – этот процесс проходил в острой борьбе. В сложной обстановке устанавливалась власть Советов в Троицке, Челябинске, Златоусте, Оренбурге.

В Челябинске новая власть укрепилась после того, как 20 декабря прибыл посланный В.И. Лениным отряд революционных матросов под командованием мичмана П.С. Павлова, получивший название Северного летучего отряда. Серьезную опасность для советской власти на Урале представлял мятеж, организованный атаманом А.И. Дутовым. В ноябре его отряды захватили Оренбург и двинулись на север к Троицку и Челябинску. На борьбу против Дутова были направлены крупные силы красногвардейцев. Под руководством И.М. Малышева и Н.Г. Толмачева в Екатеринбурге был сформирован 1-й Уральский отряд, выехавший в феврале 1918 г. на дутовский фронт. В ходе ожесточенных боев с дутовацами и благодаря большой разъяснительной работе большевиков среди казачества к марту 1918 г. мятеж был подавлен.

После установления советской власти перед рабочим классом России встали новые задачи – упрочить власть и начать переустройство общества на социалистических началах. Советы под руководством большевиков отстраняли комиссаров и других представителей Временного правительства, направляли в учреждения своих комиссаров. Повсеместно была реорганизована народная милиция, основным костяком которой стали рабочие. Для борьбы с контрреволюцией и саботажем были создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Органы ВЧК вели борьбу со спекулянтами, изымали оружие у контрреволюционеров, раскрывали антисоветские заговоры.

Для создания единого аппарата управления в областном, губернских и уездных центрах и на местах требовалось осуществить слияние советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов. Большевики Урала разъясняли крестьянам на сельских сходах и крестьянских съездах, что важнейшим условием осуществления декретов Советской власти является союз трудового крестьянства с рабочим классом. Разъяснительная работа среди крестьян сделала возможной перемену в их настроениях, они стали отходить от эсеров и выступали за объединение с Советами рабочих и солдатских депутатов.

В конце января 1918 г. состоялся Уральский областной съезд Советов крестьянских депутатов, который по предложению большевиков высказался за объединение с проходившим тогда же областным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Был сформирован новый состав исполкома с отделами (комиссариатами) – военным, юстиции, труда, снабжения, производства, транспорта, сельского хозяйства, финансов, просвещения. В Екатеринбурге первым председателем исполкома Совета был избран П.М. Быков, военный отдел возглавил Я.М. Юровский, отдел по борьбе с контрреволюцией – П.Д. Хохряков. Существенную роль в создании советского государственного аппарата сыграли решения III областного съезда советов Урала, на котором преобладали большевики (из 147 делегатов 119 были членами РСДРП(б)). Съезд принял решения по

всем вопросам упрочения советской власти и социально-экономических преобразований на Урале.

В январе–марте 1918 г. по всему Уралу прошли объединенные уездные съезды Советов, в результате чего были созданы уездные советские органы управления. Были ликвидированы старые судебные учреждения. Их заменил выборный суд. К лету 1918 г. в четырех уральских губерниях было образовано 437 народных судов. Наряду с этими судами, создавались революционные трибуналы. Для защиты Советской республики создавались вооруженные силы. Базой формирования Красной Армии стали красногвардейские отряды. К маю 1918 г. в Красную Армию вступило 20 тыс. трудящихся Урала, был создан Уральский военный округ, располагавший большими запасами оружия и боеприпасов.

В это же время, январе–марте 1918 г., все функции местного самоуправления перешли к Советам, тем самым были ликвидированы земства и городские думы, враждебно настроенные к советской власти.

Большое внимание советская власть уделяла организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной работе. 14 ноября 1917 года был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) «О рабочем контроле». Рабочий контроль, как мера борьбы с разрухой и голодом, стал явочным порядком вводиться еще до октября. Победа революции не только коренным образом изменила условия рабочего контроля, но и придала ему новое содержание. Он стал выполнять распорядительную функцию и явился для рабочего класса школой управления промышленностью, подготовкой к национализации решающих средств производства. Органы рабочего контроля создавались при горных округах, на отдельных предприятиях и даже в цехах. Владельцы промышленных предприятий, где был установлен рабочий контроль, прекратили их финансирование. Тогда рабочие арестовали крупнейших заводчиков и фабрикантов и обратились с предложением о скорейшей национализации предприятий. Областные организации поддерживали инициативу рабочих. В декабре 1917 г. декретами СНК были национализированы предприятия крупных горных округов Урала – Богословского,

Симского, Сергинско-Уфалейского, Кыштымского и Невьянского, в январе 1918 – Нижнетагильского, Луньевского и Верхисетского горных округов. К июлю 1918 г. 180 заводов, фабрик, рудников, золотоплатиновые прииски, весь железнодорожный и речной транспорт, леса, частные банки стали общенародным достоянием.

Национализация промышленности потребовала создания новых органов управления в центре и на местах. Органом центральной власти, руководившим промышленностью, явился Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), созданный по декрету Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) в декабре 1917 г. На местах в качестве экономических органов Советов создавались областные и губернские Советы народного хозяйства.

В начале января 1918 г. был образован Уральский областной совет народного хозяйства, в составе которого были комиссариаты (отделы) – производства, труда, финансов, снабжения, транспорта и др. Перед органами управления производством стояли сложные задачи. Нужно было остановить разрушение промышленности, вывести уральские заводы из финансового кризиса, начать перевод предприятий на производство мирной продукции, улучшить продовольственное снабжение рабочих, повысить производительность труда. С целью повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины Уральский областной совет профсоюзов утвердил в начале мая Положение о трудовой дисциплине. На его основе при активном участии самих рабочих на всех предприятиях были разработаны правила внутреннего распорядка. К управлению производством привлекались и старые специалисты.

Большую помощь Уралу оказывало советское правительство. Учитывая тяжелое финансовое положение уральских заводов, СНК 23 декабря 1917 г. принял постановление о финансировании Уральского региона, по которому для нужд уральской промышленности были переведены крупные денежные средства. Изыскивались финансовые средства на местах. Советы депутатов облагали налогами местную буржуазию. Например, Миньярский Совет обложил местных купцов единовременным

налогом в сумме 25 тыс. рублей, Лысьвенский Совет – в сумме 170 тыс. рублей. Средства направлялись на заготовку топлива для заводов и покупку продовольствия для рабочих.

В мае 1918 г. на II съезде представителей национализированных заводов Урала были подведены итоги работы предприятий за 5 месяцев и намечены практические мероприятия по дальнейшему улучшению и совершенствованию руководства производством. На этом съезде был поставлен вопрос о создании Урало-Кузнецкого комбината – соединения железных руд Урала с коксующимся углем Кузнецкого бассейна. Эта идея была поддержана В.И. Лениным. Уральские организации приняли активное участие в начатой ВСНХ разработкой плана создания Урало-Кузнецкого комбината.

Советской власти с первых дней своего существования пришлось столкнуться с тяжелым продовольственным кризисом. Продовольственное положение на Урале было крайне острым. Запасы хлеба в сельскохозяйственных районах Урала (Ирбитском, Шадринском, Мензелинском, Белебеевском, Стерлитамакском, Челябинском уездах и др.) имелись, но вывезти их в рабочие районы было трудно.

Кулаки, представители сельской буржуазии, не желая продавать хлеб по твердым ценам, прятали его. Для вывоза хлеба не хватало транспорта, дело продовольственного снабжения дезорганизовывали мешочники. Особенно большой наплыв их был в Челябинский уезд. Старые продовольственные органы – губернские и уездные продовольственные управы не справлялись с работой либо саботировали ее. Поэтому областной и губернские Советы взяли продовольственное обеспечение в свои руки и провели через местные Советы учет всех продовольственных запасов. Чтобы приостановить неорганизованный вывоз продовольствия из хлебных районов Урала, на железнодорожные станции и пристани направлялись красногвардейские отряды, которые задерживали мешочников и реквизируют муку по твердым ценам. Уральские рабочие оказывали посильную помощь Петрограду и Москве, где продовольственная проблема была гораздо острее. Из южных районов Урала в Москву и Петроград систематически направлялись эшелоны с хлебом.

Так, только 27 февраля из Кургана через Екатеринбург прошли четыре поезда – 100 вагонов муки и 20 вагонов овса – в Москву. Уфимские железнодорожники отказывались от получения январского пайка муки, и она была отправлена под охраной специальным поездом в Петроград.

Борьба с продовольственным кризисом была связана с аграрными преобразованиями на Урале. Основой аграрной политики советской власти стал декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде Советов.

Крестьянство Урала получило более 3 млн. гектаров земли, изъятой у помещиков, горнозаводчиков, казны, церкви. Оно было освобождено от налогов за пользование землей, от долгов помещикам и казне. Аграрные преобразования осуществлялись в условиях острой классовой борьбы. Большую помощь и поддержку в осуществлении декрета о земле трудовому крестьянству Урала оказывал рабочий класс. Перераспределение земель привело к значительным изменениям в классовой структуре уральской деревни. Деревня становилась более середняцкой.

В ходе осуществления аграрных преобразований в первые месяцы существования советской власти создавались предпосылки для социалистического переустройства сельского хозяйства. Советская власть повсеместно оказывала помощь бедноте деньгами, семенами, скотом, инвентарем и т.п. К лету 1918 г. на Урале возникло около 70 первых коммун и артелей. Летом и осенью на Урале, как и по всей стране, начинается создание комитетов деревенской бедноты, ставших одним из рычагов проведения продовольственной диктатуры. Борьба с голодом в стране стала центральной задачей, без решения которой завоевания революции были поставлены под угрозу. Советское правительство было вынуждено установить продовольственную диктатуру. Декретом ВЦИК 9 мая 1918 г. Наркому продовольствия предоставлялись чрезвычайные полномочия в борьбе с деревенской буржуазией, укрывавшей хлебные запасы. Вводились твердые цены на продукты сельского хозяйства и промышленности. Была объявлена война спекулянтам хлебом, у зажиточных крестьян изымались продовольственные излишки. Между беднейшими и зажиточными крестьянами разгоралась

ожесточенная и непримиримая борьба. В августе–ноябре 1918 г. комбеды возникают во всех волостях Урала, не занятых белыми.

Таким образом, революционные события и первые социалистические преобразования на Урале шли по такому же пути, как и в центре страны. Но не пришло еще время полностью использовать возможности мирного и созидательного труда, так как начала разворачиваться полномасштабная гражданская война и иностранная интервенция.

Обострение внутренних противоречий в результате октябрьских событий обусловило раскол общества России. Выделились две противоборствующие стороны – радикальная советская и ее противники. Первая объединяла часть рабочих, деревенскую бедноту, сторонников Советов на окраинах. Ей противостояло большинство других слоев населения, не признававших необходимость «социалистического эксперимента». Отдельные схватки переросли в крупномасштабную гражданскую войну. К тому же ослабленная Россия оказалась в кольце соперничества ведущих участников первой мировой войны. Захват территории России сопровождался ликвидацией советской власти, восстановлением прежних порядков, разграблением материальных ценностей.

Оккупируя окраины, иностранные интервенты использовали в качестве главной ударной силы Чехословацкий корпус. В мае–июне 1918 г. белочехи и созданные белогвардейские отряды захватили Пензу, Самару, Челябинск, Омск, Ново-Николаевск, Красноярск. При поддержке Антанты (военно-политический союз Англии, Франции и России) возникли Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, Временное правительство в Челябинске, Временное Сибирское правительство в Омске.

На Урале гражданская война и интервенция началась с мятежа чехословаков в Челябинске. В то время Челябинск был важным железнодорожным узлом, через который шли потоки сибирского хлеба. В связи с мобилизацией на дутовский фронт в городе почти не оставалось советских войск. Здесь сосредоточилось свыше 12 тыс. солдат и офицеров Чехословацкого корпуса. В ночь с 26 на 27 мая 1918 г. группа чехов в составе трех

полков, двух отдельных батальонов, ударной роты при поддержке двух бронепоездов подняли мятеж. Вслед за ними в город вошли казаки Челябинской станицы. Со 2 июня в городе начались массовые аресты и расправы. Совет был распущен, его руководители Е.Л. Васенко, Д.В. Колющенко, М.А. Болейко, В.И. Могильников, П.Н. Тряскин, Ш.И. Гозносский зверски убиты.

После захвата Челябинска белогвардейцы повели наступление в трех направлениях – на север по линии Кыштым – Екатеринбург, на запад – к Златоусту и на восток – в сторону Кургана и Омска. По замыслу интервентов предполагалось сомкнуться и с Поволжской линией в районе Златоуста, а затем через Урал и Поволжье объединить чехословаков с силами северной и южной контрреволюции.

Первоочередным мероприятием в организации отпора восставшим чехословакам была оборона Урала и Сибири. Об этом телеграфировал 29 мая 1918 г. председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, а также сообщалось в обращении Совета Народных Комиссаров к трудящимся, опубликованном за подписью В.И. Ленина.

29 мая 1918 г. в Екатеринбурге был образован революционный штаб Уральской области, организовавший мобилизацию населения во всех округах по регулярному образцу. Численность регулярных войск составляла менее 30 процентов. В ведении Уральского военного округа находилось 5 незаконченных формированием стрелковых полков, которые поспешно отправлялись на фронт.

Под давлением превосходящих сил белочехов советские войска вынуждены были оставить в июне Златоуст, Курган, Троицк, Шадринск, в июле – Долматово, Уфу, Тюмень. Чехословацкая группировка объединилась с Сибирской.

В сложных критических условиях советское государство отказывается от принципа добровольности формирования армии и переходит к введению всеобщей воинской повинности. Этот шаг дает положительные результаты. Только в Вятской губернии за вторую половину 1918 г. в Красную Армию вступило по призывам и мобилизации 77 747 человек. Но строительство

армии на Урале осложнялось непрерывными тяжелыми оборонительными боями. Регулярные части формировались за счет реорганизации и укрепления добровольческих отрядов. Вводился воинский всеобуч. В ходе военных действий все большую роль играли кадровые офицеры старой армии. На Урале это были С.А. Анучин, И.С. Павлицев, И.Д. Каширин, Н.Д. Каширин, П.М. Майгур, К.П. Артемьев, Н.Г.Осипов. Всего, по сведениям мобилизационного управления Всероссийского Главного штаба, в Уральском военном округе было призвано в армию до 15 февраля 1919 г. 1012 бывших офицеров и 6133 унтер-офицера.

Положение советского государства летом 1918 г. оставалось тяжелым. Страна находилась в кольце фронтов гражданской войны, три четверти ее территории было захвачено белыми.

В планах Чехословацкого корпуса и белогвардейцев особое место занимал Екатеринбург. Не только потому, что здесь находились партийные, советские органы края, штабы Северо-Урало-Сибирского фронта и Уральского военного округа. Немаловажное значение имело и нахождение в Екатеринбурге под арестом последнего российского монарха Николая II. Опасаясь использования его имени для объединения контрреволюции, оценивая сложившуюся ситуацию вокруг города, Уральский областной Совет постановил расстрелять Николая Романова. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. приговор был приведен в исполнение. Вместе с царем расстреляли всех членов его семьи, включая детей, а также слуг. Президиум ВЦИК и Совет Народных Комиссаров признали действия Уральского областного Совета правильными. Как представляется теперь, эта кровавая, жестокая акция не вызывалась особой необходимостью.

Неспокойно было во многих городах Урала. В мятежах участвовали среднее крестьянство, рабочие. К тому же в армии сохранялись элементы партизанщины. Все это обусловило неудачи на Восточном фронте. Белочехи захватили Казань, Симбирск, Камышлов, а 25 июля и Екатеринбург. Командующий армией Р.И. Берзин призвал усилить борьбу красноармейцев с интервенцией. Незадолго до падения Екатеринбурга все советские учреждения переехали в Пермь.

Оценивая ситуацию, В.И. Ленин писал 1 августа: «...судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань – Урал – Самара. Все зависит от этого». Ценой больших жертв Красная Армия переломила ход боев на Восточном фронте. Осенью 1918 г. началось контрнаступление, завершившееся в предгорьях Урала. В сентябре–октябре освободили Казань, Симбирск, Самару, а затем двинулись на Восток по направлению к Уфе, Оренбургу и Уральску.

На линии Пермь – Вятка – Котлас белогвардейское командование пыталось организовать наступление на Пермь по кратчайшему пути через Кунгур. Но этим планам помешали соединения В.К. Блюхера, пробивавшиеся с боями с Южного Урала к Кунгуру.

После захвата белыми Челябинска, Златоуста, Уфы советские войска, сражавшиеся с дутовцами, были отрезаны от главных сил Красной Армии и действовали почти в полном окружении. В связи с угрозой падения Оренбурга началось отступление его защитников к Актюбинску, Уфе. Последними из-под Оренбурга выходили сводный отряд В.К. Блюхера и Южный красногвардейский отряд Н.Д. Каширина. К середине июля они вышли к Белорецку, где к ним присоединились и другие отряды.

Соединению присвоили название сводный Уральский отряд, главнокомандующим которого был Н.Д. Каширин, а после его ранения – В.К. Блюхер. Численность отряда составляла около 10,5 тыс. человек.

В течение двух с половиной месяцев (18 июля – 12 сентября) этот партизанский отряд с боями прошел 1500 км, выдержал 20 ожесточенных сражений, преодолевая горные хребты, леса, реки, болота на северо-западе, восточнее Стерлитамака, Уфы, Бирска и Кунгура. Его действия вызвали панику среди интервентов и белогвардейцев. Генеральный консул США в Иркутске Гаррис телеграфировал государственному секретарю: «...положение на Волжском фронте критическое. Новые трудности возникают из-за каширинских большевистских войск, состоящих приблизительно из 6000 пехоты и 3000 кавалерии с 30 пулеметами. Эти войска хорошо организованы и способны прекрасно маневрировать. У нас нет надежных войск против них».

Отряд В.К. Блюхера соединился с регулярными советскими войсками, перешедшими к активным военным действиям, и прикрыли подступы к Перми со стороны Кунгура и Красноуфимска. Белогвардейская сторона не смогла добиться решающего успеха. В боях под Екатеринбургом, Егоршино, Кунгуром, на Тагильском, Кушвинском, Лысьвенском, Осинском направлениях интервенты и белогвардейцы израсходовали часть резервов, предназначенных для захвата Перми. Активное сопротивление уральцев способствовало успешной ликвидации контрреволюционных мятежей в Поволжье и Прикамье.

Одновременно с интервенцией на юге России страны Антанты стремились консолидировать силы восточной контрреволюции, установить военную диктатуру адмирала А.В. Колчака. Это им удалось, когда при активной поддержке американской, английской и французской миссий кадеты и монархисты совершили государственный переворот. А.В. Колчак был провозглашен «верховным правителем России» и верховным главнокомандующим всеми белогвардейскими войсками. В ноябре А.В. Колчак начал наступление широким фронтом с целью захвата Перми, соединения с войсками интервентов и белогвардейцев Северного фронта для общего наступления на Москву. 25 ноября Пермь пала. Замыслы Колчака становились весьма реальны.

В результате весеннего наступления 1919 г. колчаковцев почти весь Урал оказался под властью белогвардейцев. Но перелом наступил довольно быстро. Сказалась слабость антисоветского движения, амбиции ряда лидеров, претендовавших на руководство всем движением. Усилился раскол среди эсеров, меньшевиков. Экономическая политика диктатора вызывала недовольство крестьян, мелкобуржуазных слоев. В тылу расширялось партизанское движение, в оккупированных землях активизировалось подполье. Падал боевой и моральный дух белой армии. Из нее выходили национальные части (так как народности Урала не получили право наций на самоопределение), казаки (среди них усиливалось имущественное неравенство).

С 28 апреля по 20 июня 1919 г. началось контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте, которое охватило

весь Урал и Сибирь. В результате в мае освобождены Белебей, Бугуруслан, Бугульма, в июне – Уфа, Сарапул, Ижевск, Воткинск, Глазов, Красноуфимск, в июле – Пермь, Оренбург.

В ходе общего наступления Восточного фронта советские войска менее чем за два месяца продвинулись на 350–400 км и вышли к предгорьям Урала. Потери противника составили 25 тыс. человек, в том числе 200 офицеров, захвачено 560 винтовок, 65 пулеметов. Потери советских войск – 16 тыс. убитых и раненых. Прочно овладев стратегической инициативой, Красная Армия развернула наступление с целью освобождения Урала и Сибири.

После выхода советских войск к предгорьям Урала 4 июля конная группа под командованием Н.Д. Томина вышла в тылы колчаковцев и освободила Верхний Тагил, Невьянский и др. заводы Северного Урала. Затем группа двинулась в направлении Камышлов – Шадринск – Курган.

Крупная победа была достигнута на правом фланге Восточного фронта. 5–11 июля 25 стрелковая дивизия и особая бригада под командованием В.И. Чапаева перешли в наступление и соединились с защитниками Уральска. В начале июля перешла в наступление и Оренбургская группа советских войск. Она освободила Илецкий городок. В августе войска Туркестанского фронта под командованием М.В. Фрунзе освободили Оренбург.

Тяжелые бои развернулись на подступах к Челябинску. В городе и на угольных коях 24 июля началось восстание. Восставшие, руководимые подпольной организацией, устроили крушение бронепоезда на выходных стрелках и заклинили главный путь, одновременно разобрали железнодорожное полотно близ разъезда Шершни, что поставило в безвыходное положение команду другого бронепоезда. Часть команды сбежала, остальные сдались. Создались пробки. Пути закрылись. Началась паника, массовое бегство солдат и офицеров.

Активностью отличались рабочие Верхнейвинска, Невьянска, Нижнего Уфалея и других заводов Урала. В восстаниях и партизанских отрядах летом 1919 г. на Урале и в Зауралье приняло участие не менее 15 тыс. рабочих, крестьян и солдат.

К концу июня 1919 г. войска Пятой армии под командованием М. Тухачевского вышли к реке Уфе и предгорьям Урала. При поддержке других частей и соединений были освобождены Белорецк, Златоуст, Катав-Ивановский, Аша-Балашовский, Усть-Катавский и др. заводы.

После освобождения Перми, Кунгура, Златоуста, Екатеринбурга, Уральска войска Восточного фронта под командованием М.В. Фрунзе продолжили наступление и освободили Троицк и Челябинск.

В ходе боев за Челябинск Красная Армия разгромила последние стратегические резервы Колчака. После взятия Троицка белогвардейский фронт оказался рассеченным на две группировки, одна из которых отступала в Сибирь, а другая – в Туркестан. Освобождение Южного Урала было завершено. Развивая наступление вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, войска Пятой армии 16 августа 1919 г. вступили в Курган, завершив освобождение Урала.

Последствия гражданской войны на Урале сказались на его экономике. Около 70% всех предприятий было выведено из строя. Общие потери промышленности региона составили 539 млн. руб. золотом. Колчаковцы эвакуировали почти всех инженеров, техников, мастеров, значительную часть квалифицированных рабочих.

Глубокий кризис охватил всю экономику Урала. Экономическая политика Советского государства во всех направлениях приобретала черты вынужденности, чрезвычайности. Она получила название «военного коммунизма». На Урале, как и по всей стране, вводилась трудовая повинность. В условиях тотального дефицита продуктов питания, топлива, сырья, рабочих рук спасала лишь жесткая централизация управления, планирования.

В конце марта – начале апреля 1920 г. IX съезд РКП(б) определил в своих решениях необходимость разработки и неуклонного проведения единого хозяйственного плана. Его основой должна была стать электрификация страны. На съезде был принят план по электрификации России (ГОЭЛРО). Предполагалось построить 27 основных районных электрических станций

суммарной мощностью 1 млн. 750 тыс. киловатт, что в десять раз превышало уровень 1913 г. Большое внимание в плане ГОЭЛРО отводилось электрификации и развитию Урала.

Общая потребность для уральской промышленности и крестьянско-бытовых потребностей определялась в 600 тыс. киловатт. Ее предполагалось покрыть за счет модернизации и увеличения мощностей действующих электростанций и постройки ряда новых, в том числе нескольких крупных, в первую очередь Кизеловской электростанции мощностью 40 тыс. киловатт, тогда уже строящейся, Егоршинской и Челябинской.

§ 2. Теория и практика социалистического строительства на Урале в 20–30-е гг.

Катаклизмы начала XX в. привели к экономической и политической дестабилизации российского общества. По сравнению с осенью 1917 г. население страны к началу 1920-х гг. уменьшилось на 10 млн. 882 тыс. человек, народное хозяйство было отброшено на уровень XIX в. В тяжелейшем положении находилась и экономика Урала: общий объем промышленной продукции составлял всего 12 процентов по отношению к довоенному уровню. Ущерб, нанесенный уральской промышленности, составил 539 млн. рублей золотом.

В критическом положении находилась деревня: на территории РСФСР полевые площади сократились с 90 млн. десятин в 1910 г. до 50 млн. в 1921 г. (более 40%). На Урале этот показатель был еще выше: Пермская губерния – 75%, Челябинская – почти в 2 раза; в 2,5 раза в регионе сократилось поголовье крупного рогатого скота.

После окончания гражданской войны произошло ухудшение социально-политической обстановки. В новых мирных условиях крестьянство не видело больше смысла терпеть продразверстку, дававшую до 80% пополнения государственной казны, и воспринимало ее как произвол властей. Недовольство крестьян и казаков вылилось в массовые вооруженные восстания против политики советской власти в деревне. Они охватили Воронежскую, Тамбовскую, Тюменскую губернии, регионы Дона,

Кубани, Сибири и Урала. На юге Челябинской губернии действовали отряды полковника Мировицкого, сотника Макарова, подьесаула Звезда. Весной 1921 г. в Троицком и Верхнеуральском уездах полковник Старжевский сформировал отряд, именовавший себя 1-й народной армией, численностью до 1,5 тыс. человек при 12 пулеметах. Мощные антисоветские выступления крестьян прокатились по Курганскому и Куртамышскому уездам Челябинской губернии, Осинскому и Чердынскому уездам Пермской губернии. Повстанцы прервали железнодорожное движение на участках Омск–Тюмень, Петропавловск–Курган. Численность участников движения в районах Урала и Сибири достигла 30 тыс. человек.

Усугубило тяжелое положение страны засуха и свирепый голод. Валовый сбор зерновых в 1921 г. составил около 28 млн. т, в то время как в довоенный период Россия производила 72 млн. т. На Урале сбор зерновых составил всего 56 млн. пудов против 257 млн. пудов в 1916 г. Резкое уменьшение сбора зерна привело к сокращению продуктов питания, повсеместно в районах, охваченных бедствием, началось употребление суррогатов, которых насчитывалось до 60 наименований. Люди ели мох, озерную тину, лебеду, делали муку из камыша и т.д. В ряде мест доходило до трупоедства и каннибализма. В Верхнеуральском уезде Челябинской губернии, особо пострадавшем в 1921 г., было зарегистрировано 99 таких случаев. Начал свирепствовать голод.

Точных статистических данных о числе голодавших в России нет – они колеблются от 23 до 42 млн. человек. На Урале число голодавших превысило 4 млн. человек, по разным губерниям их насчитывалось от 51,5% в Уфимской губернии до 75,3% в Оренбургской губернии от общего числа жителей.

Борьба с голодом стала главной задачей деятельности государственных, партийных, общественных организаций и потребовала неординарных и экстренных мер. Почти 15 месяцев осуществлялась эта работа. Вслед за созданием в июле 1921 г. Центральной комиссии помощи голодающим во главе с М.И. Калининым на местах создаются губернские и уездные комиссии. В Челябинской губернии подобная комиссия была

создана 25 июля 1921 г. под председательством Ершова, в ее состав вошли И. Каширин, Кобышева, Модылевич, Морозова.

Масштабы бедствия определялись государственными органами. Территория признавалась голодающей, если доказывалось, что урожай на ней составлял менее 6 пудов зерновых на душу населения (обычная норма потребления того времени равнялась 15–16 пудам на человека). Для выяснения размеров голода и организации борьбы с ним на Урал прибыла особоуполномоченная комиссия во главе с В.П. Ногиным. Челябинская губерния сначала была признана частично голодающей, так как в ее составе два уезда (Челябинский и Курганский) были признаны благополучными, но в конце 1921 г. территорию всей губернии признали голодающей, так как продовольственный дефицит в ней составил 3277,7 тыс. пудов зерна.

В сентябре–октябре 1921 г. была проведена Всероссийская неделя помощи голодающим. Благополучные территории брали шефство над бедствующими районами. В стране развернулась кампания под лозунгом «Десять сытых кормят одного голодного». Активно поддержало это движение население Сибири. Там было организовано 17 продовольственных поездов, доставивших для рабочих уральских заводов около 1 млн. пудов зерна. Помимо продуктов питания сюда направлялись и денежные пожертвования. Только в Челябинскую губернию с июля 1921 г. по сентябрь 1922 г. было направлено свыше 106 млн. рублей (курс 1922 г.). Трагические годы дали массу примеров бескорыстия и человеколюбия россиян: рабочие и служащие станции Челябинск в фонд губернского Помгола отправили 312 пудов муки, жители Курганского и Куртамышского уездов передали 5% с натурального пайка и 3% с денежных вознаграждений всех рабочих и служащих, профсоюзы Златоуста перечислили 26 млн. рублей. Пожертвования, собранные в бедствующих территориях, как правило, распределялись на месте, а из благополучных через организации Помгола переводились в нуждающиеся районы.

Существенной поддержкой советского государства в борьбе с голодом стала деятельность многочисленных организаций за рубежом, которые возникли во второй половине 1921 г.

Из-за рубежа в страну поступали продовольствие, посылки с подарками, денежные средства. Первоначально помощь шла в районы Поволжья, к весне 1922 г. она достигла и Урала. 30 регионов России принимали у себя гуманитарную помощь. В Башкирии и Челябинской губернии Американская Администрация Помощи (АРА) создала 1135 питательных пунктов, Международный рабочий комитет помощи голодающим направил сюда 160 вагонов с продовольствием и одеждой. Общий объем зарубежной помощи составил 35,5 млн. пудов продовольствия, более 10,6 млн. человек, в том числе более 2,1 млн. на Урале, питались в открытых иностранцами столовых.

Усилия народа, общественных и государственных организаций, помощь из-за рубежа дали возможность ослабить голод в стране, а хороший урожай 1922 г. положил ему конец. К тому же начала давать свои первые результаты и введенная в стране новая экономическая политика.

Новая экономическая политика (НЭП) была введена в государстве X съездом РКП(б) в марте 1921 г. и предполагала осуществление ряда мер по либерализации экономической деятельности. Среди них следует отметить: 1) замену продразверстки продналогом; 2) введение свободной торговли; 3) денационализацию (приватизацию) мелкой и средней промышленности; 4) перевод государственной промышленности на рыночные основы; 5) воссоздание банковской системы; 6) проведение денежной реформы; 7) снятие запрета на аренду земли и наем рабочей силы на селе; 8) допущение иностранного капитала и создание смешанных предприятий.

О необходимости смешанной экономики и определенной демократизации общества еще в 1918 г. говорили меньшевики и эсеры. Большевики же первоначально рассматривали НЭП как тактический ход, временное отступление, вызванное неблагоприятным соотношением сил. Но с осени 1921 г. они стали склоняться к пониманию его как одного из возможных путей строительства социализма.

Переход к НЭПу привел к подъему производительных сил, складыванию рыночных отношений. Основным звеном в системе переходных мер к НЭПу было оживление сельского

хозяйства. Продналог вместе со свободой в реализации излишков явился стимулом, который обеспечил быстрый экономический рост мелкотоварного крестьянского хозяйства. Однако на Урале действие нэповских стимулов происходило с запозданием. Основными причинами замедленного действия системы мер НЭПа явились тяжелые последствия гражданской войны, неурожай и голод 1921 г., ошибки в работе профорганов и др. Несмотря на это, темпы восстановления сельского хозяйства были быстрыми. Уже в 1924 г. товарные излишки хлеба на Урале составили 15,2 млн. пудов. Определенные сдвиги наметились в промышленном производстве. Переход к НЭПу внес изменения в систему управления и вызвал перестройку всей хозяйственной деятельности. Национализированные предприятия были объединены в тресты, которые начали создаваться с лета 1921 г. В 1921–1922 гг. на Урале было образовано 6 трестов в металлургической промышленности, 5 – в горнодобывающей, по одному тресту имелось в химической и лесобумажной промышленности. Тресты имели свои основные и оборотные средства и вели работу на началах коммерческого расчета.

Для защиты государственной промышленности от конъюнктуры рынка были созданы синдикаты, объединяющие сбыт продукции трестов и заботившиеся об обеспечении их сырьем. Первым в стране в мае 1922 г. возник синдикат Уралмет. Он объединил Екатеринбургский, Средне-Уральский, Богословский, Пермский, Южно-Уральский и Калатинский горнозаводские тресты. Эти преобразования привели к кризису. И только директивное вмешательство государства позволило цены на промышленные изделия на Урале уменьшить в 2 раза. Однако практика принудительного снижения цен не могла их стабилизировать.

К осени 1923 г. экономика вошла в полосу кризиса, связанную с резким расхождением между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары (так называемые «ножницы» цен). В Челябинском округе, например, пуд (16 кг) пшеницы на рынке стоил 58 коп., а аршин ситца (71,12 см) – 63 коп. «Ножницы» возникли вследствие различия в темпах восстановления сельского хозяйства и промышленности. Большое

значение для укрепления хозяйственного положения сыграла денежная реформа 1924 г., в результате которой была введена устойчивая валюта – червонец, обеспеченный золотом.

Середина 20-х гг. была отмечена экспериментом в создании нового административно-территориального деления страны. В виде первоначального опыта новое районирование было решено провести в одном промышленном и в одном сельскохозяйственном регионе. В качестве промышленного края был взят Урал. 3 ноября 1923 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Уральской области. В ее состав вошли Екатеринбургская, Пермская, Челябинская и Тюменская губернии. Население области составило 6 млн. 380 тыс. человек. 82% жителей области проживало в сельской местности, 12% – в городах. Основную массу населения составляли русские, татары, коми-пермяки, башкиры.

На территории области было образовано 15 округов – Верхнекамский, Екатеринбургский (с 1924 г. Свердловский), Златоустовский, Ирбитский, Ишимский, Кунгурский, Курганский, Пермский, Сарапульский, Тобольский, Тагильский, Троицкий, Тюменский, Челябинский, Шадринский. Округа делилась на районы, а районы на сельсоветы. Уральский опыт перехода на новое административно-территориальное деление был использован при районировании в других регионах страны.

Такое административно-территориальное деление сохранялось до начала 30-х годов. В 1930 г. округа были упразднены, а в 1934 г. перестала существовать и Уральская область, которая была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую с центром в городе Тюмени. В 1938 г. из состава Свердловской области была выделена Пермская область. В 1943 г. была образована Курганская область.

Конец 20-х гг. в жизни народного хозяйства страны отмечен переходом к пятилетним планам развития. Уже первая пятилетка показала значительное повышение роли Урала, где началось широкое развитие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, а также химической промышленности и электроэнергетики. За сравнительно небольшой период – с 1929 по 1932 г. – промышленности Урала произошли

большие изменения. Здесь в годы первых пятилеток возникла вторая угольно-металлургическая база страны. За достаточно короткие сроки, по мировым меркам, были созданы флагманы отечественной индустрии – Уралмашзавод, Челябинский тракторный, Магнитогорский металлургический, Красноуральский медеплавильный заводы, Уралвагонзавод и др.

10 марта 1929 г. к подножью горы Магнитной пришли первые партии строительных рабочих, летом 1930 г. состоялась закладка первой доменной печи и одновременно начал строиться город Магнитогорск. Через три года четыре доменные печи комбината выплавляли за год больше чугуна, чем старые металлургические заводы с их 73-мя домнами. В июне 1933 г. на комбинате вступила в строй первая мартеновская печь и была получена первая магнитогорская сталь. Важным событием в жизни Урала явился пуск Челябинского завода ферросплавов, построенный в исключительно короткий срок – за два неполных года. Пуск этого завода способствовал освобождению страны от иностранных ферросплавов.

Быстрыми темпами на Урале развивалось машиностроение. 1933 г. ознаменован рождением таких гигантов, как Уральский завод тяжелого машиностроения (Уралмашзавод) и Челябинский тракторный завод (ЧТЗ). Их строительство приняло всенародный характер. 1 июня 1933 г. состоялся пуск ЧТЗ, перед участниками митинга прошли первые 13 отечественных гусеничных тракторов.

В годы первых пятилеток на Урале были образованы 12 специализированных центров промышленного производства: Свердловский – тяжелое машиностроение, Челябинский – металлургия и сельхозмашиностроение, Магнитогорский – металлургия и коксохимия, Златоустовский – черная металлургия и металлообработка и т.д.

Форсированная индустриализация вызвала рост численности населения региона. Демографические процессы здесь развивались бурно. За первую пятилетку число жителей уральских городов увеличилось в 2 раза, тогда как в среднем по стране в 1,5 раза. Такая тенденция продолжалась до середины 30-х годов, что привело к значительному увеличению доли городского

населения: в 1939 г. удельный вес горожан составил 40,9 процента – больше общесоюзного показателя (32,8 процента).

Процесс урбанизации шел по нескольким направлениям. Во-первых, за счет жителей села, во-вторых, за счет привлечения дополнительной рабочей силы из других регионов, в том числе использования труда спецпереселенцев и заключенных из Гулага. Из 1357,9 тыс. рабочих в начале 1932 г. сосланные сюда составляли 171 тыс., или 13,4 процента. На территории Уральской области было размещено более 30 лагерей заключенных. На Магнитострое в это время трудились 18 тыс. спецпереселенцев и более 20 тыс. заключенных.

Создание второй угольно-металлургической базы на востоке страны способствовало изменению социально-классового состава населения региона. К 1932 г. удельный вес рабочих и служащих среди городского населения увеличился до 84,1% по сравнению с 57,5% в начале 1927 г. В 1939 г. рабочие и служащие составляли 54,3% населения Урала, крестьяне и кооперированные кустари – 43,4%, крестьяне-единоличники и некооперированные кустари – 2,3%.

В конце восстановительного периода, при бурном развитии промышленности аграрный сектор продолжал преобладать в экономике Урала, его валовая продукция составляла почти две трети общего объема производства. Однако достичь довоенного показателя ему не удалось. Несмотря на общую тенденцию осреднячивания крестьянства, в условиях НЭПа в крестьянских хозяйствах региона продолжается процесс дифференциации: резко сокращается число бедняков, возрастает численность батрацких, середняцких и кулацких слоев. Так, по сравнению с 1925 г. в 1927 г. в процентном отношении количество бедняков сократилось с 24,3 до 21; число представителей других социальных групп крестьянства увеличилось соответственно: кулаки – с 3,4 до 4, батраки – с 4,3 до 4,7, середняки – с 69,9 до 70,7 процента.

В связи с продолжавшимся отставанием развития сельского хозяйства от темпов роста промышленности назрела необходимость переустройства этой отрасли, вылившаяся в массовое колхозное движение и связанное с ним раскулачивание.

Перестройка жизни села на рельсы сплошной коллективизации проводилась с нарушением принципов добровольности, при административном запугивании и других насильственных методов воздействия на крестьян. На 20 января 1930 г. в Троицком округе Уральской области было объединено 45% хозяйств, в Челябинском – 42. К 20 марта эти данные изменились: по Троицкому округу – 71,7%, по Челябинскому – 71,2. Таковы были темпы.

Основным из средств ускорения коллективизации стало раскулачивание. Партийные и государственные органы устанавливали планы этой работы, определяли порядок конфискации имущества у кулаков, называли минимум теплых вещей и продовольствия, предметов домашнего обихода, которые они могли взять с собой. В число высланных попадали не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т.е. середняки и беднота. Например, из 12 районов Троицкого округа предполагалось в первую очередь выслать 750 человек, а во вторую – еще 1500, отнесенных ко второй категории. Насильственные меры, лежавшие в основе преобразований села, вызывали недовольство крестьян, порождали восстания. К середине 30-х гг. положение в аграрном секторе стабилизировалось. В 1935 г. в стране отменяется карточная система. К 1937 г. 93 процента крестьянских хозяйств были объединены в колхозы.

Важнейшей составной частью социалистического строительства являлись коренные преобразования в области культуры и духовной жизни общества. Среди первоочередных задач в этой области были ликвидация неграмотности, создание новой интеллигенции и необходимой материальной базы. В соответствии с Декретом «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (1919 г.) на Урале повсеместно создавались пункты по ликвидации неграмотности. Обучение в них проводилось три месяца, в течение которых учащиеся получали минимальные навыки чтения, письма, счета. Летом 1920 г. в регионе были созданы губернские, уездные и волостные чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности, очень внимательно выявлявшие безграмотных, в городах даже составлялись их поуличные списки. Так, в Златоусте в 1921 г. на улице

Большая Славянская проживали 192 неграмотных, 33 малограмотных, 283 грамотных, на Большой Заячьей эти показатели были 12, 2, 13, на Малой Кирпичной соответственно 55, 6, 27 и т.д.

Уклонявшихся от обучения лиц могли привлечь к судебному преследованию, многие из них на учебу вызывались повестками: «Гражданке Грошениной Ольге, проживающей по ул. Коммуны г. Челябинска в д. 35, кв.19. На основе Декрета СНК от 26 декабря 1919 г. и обязательного постановления Окрисполкома Вы призваны к обязательному обучению и должны явиться к 6 час. вечера в школу № 10, находящуюся по ул. Цвиллинга, д.30, и посещать ее аккуратно все время до окончания курса, за неявку виновные привлекаются к ответственности. Предокрчекаграм Г. Вайцеховский».

Непонимание у населения вызывала и излишняя политизация обучения, выражавшаяся в открытии школ политграмоты. Наряду с ликвидацией неграмотности, в послевоенный период велась работа по восстановлению и развитию сети общеобразовательных школ. К концу 1920 г. в Челябинской губернии действовали 614 школ I ступени и 34 – II ступени. Однако после бурных событий начала 20-х гг. здесь школ I ступени осталось всего 92, II ступени – 10. За стенами школ оказались свыше 80 тыс. детей. Согласно официальной статистике в Челябинской губернии в 1923 г. насчитывалось 422 592 безграмотных.

Несмотря на сложности восстановительного периода, внимание со стороны государства к вопросам просвещения не ослабевало. Осенью 1923 г. было организовано всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН), которое на свои средства содержало тысячи пунктов и школ по ликвидации неграмотности, где обучались сотни тысяч людей. На Урале к концу 1925 г. оно обучало 56 588 человек, из которых 44 245 проживали в сельской местности. К середине 20-х гг. в стране сложилась и система школьного образования. Она пришла на смену существовавшей до 1917 г. и состояла из начальной 4-летней школы (школа I ступени), семилетней школы в городах, школы крестьянской молодежи (ШКМ), школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) на базе начальной школы и школы II ступени (5–9 классы). В отличие от дореволюционной

школы новая система была построена на более жесткой государственной основе, более политизирована. Введенный в стране всеобщий начальный обуче- ние позволил охватить начальным обучением примерно 70 процентов детей, но покончить с неграмотностью населения не удалось. По уровню грамотности СССР к концу 20-х гг. занимал 19 место в Европе.

Наряду с общеобразовательной школой, на Урале шел процесс становления высшего и среднего специального образования. Первые вузы здесь появились в 1916–1917 гг. – Пермский университет и Екатеринбургский горный институт. В 1920 г. в Екатеринбурге учреждается Уральский университет в составе горного, политехнического, медицинского, сельскохозяйственного, педагогического институтов, института общественных наук и рабочего факультета. До начала 30-х гг. сеть вузов оставалась неизменной.

В связи с возросшей потребностью в специалистах в различных областях народного хозяйства, связанной с его модернизацией, в 30-е гг. наблюдается резкое увеличение учебных заведений среднего и высшего звена. На Урале открывается ряд новых институтов: в Челябинске – педагогический, в Магнитогорске – металлургический, в Свердловске – юридический, институт журналистики и т.д. К исходу 30-х гг. в Пермской, Свердловской и Челябинской областях функционировали 26 высших и 150 средних специальных учебных заведений.

Развитие советского общества в 20–30-е гг. достаточно сложное и неоднородное явление. Таковым оно прослеживается и на региональном уровне. С одной стороны, новая власть одержала победу в гражданской войне, отбила натиск иностранных интервентов – тем самым показала свою жизнеспособность и прочность. С другой стороны, после окончания войны Урал оказался в новой, порой кровавой, пучине кризиса и бедствий.

НЭП позволил преодолеть этот кризис. Но плюрализм экономический не был поддержан плюрализмом политическим, именно в 20–30-е гг. происходит формирование тоталитарной системы власти, основой которой становится монополия РКП(б) – ВКП(б) на власть, ибо все важнейшие вопросы в центре и на местах решались партийными органами. Партийная

власть постепенно объединилась с властью государственного аппарата. Руководящий орган партии – ее ЦК стал неподконтролен ни государственным (РКИ), ни партийным (ЦКК) органам контроля. Но и партия, в конечном счете, была отстранена от власти, так как власть фактически оказалась в руках привилегированных чиновников, бюрократов.

20–30-е гг. были периодом сильнейших социальных потрясений в обществе, повлекших отторжение от общественной жизни миллионов советских людей. Формы этого отторжения были самые разнообразные – от лишения гражданских прав, собственности, потери рабочего места до насильственных переселений, тюрем, лагерей и смертной казни. На 1 января 1939 г. в СССР численность заключенных и трудпереселенцев составляла 2 361 528 человек. Гулаговский молох поглотил тысячи уральцев – от простых тружеников до руководителей региона. Среди репрессированных были И.Д. Кабаков, К.В. Рындин, возглавлявшие партийные организации Свердловской и Челябинской областей; К.П. Ловин, А.Д. Брускин, И.Я. Нестеровский – первые директора ЧТЗ. О масштабах репрессий на Урале нет точных данных. И тем не менее известно, что в Свердловской области, например, в 1936 г. было арестовано 2428 человек, в 1937 – 28 724, в 1938 – 17 016. Считается, что с ноября 1938 г. массовые репрессии были прекращены и в 1939 г. было арестовано лишь 392 чел.

Однако было бы неверным оценивать данный период только негативно. В это время государство, в том числе и Уральский регион, добилось ощутимых результатов в экономическом и культурном развитии. В стране ощущался трудовой энтузиазм и довольно жизненный оптимистический тонус. Люди верили в будущее.

Глава IX. Вклад уральцев в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне

§ 1. Начало Великой Отечественной войны. Перестройка экономики Урала на военный лад

Вероломное нападение фашистской Германии нарушило мирный созидательный труд советских людей. Над страной нависла смертельная опасность. Уже в первые месяца войны были потеряны жизненно важные экономические районы страны. С июня по ноябрь 1941 г. валовая продукция промышленности СССР сократилась более чем в 2 раза.

В этой обстановке перед руководством страны встала задача быстро и решительно мобилизовать все ресурсы и создать военное хозяйство. Значительная роль в решении этих задач принадлежала Уральскому региону, включавшему в себя в 1941–1945 гг. Молотовскую (ныне Пермскую), Свердловскую, Челябинскую, Чкаловскую (ныне Оренбургскую), Курганскую (образованную в 1943 г.) области, автономные республики Башкирию и Удмуртию. К началу войны Урал являлся одной из баз тяжелой индустрии, прежде всего машиностроения и металлургической промышленности. В годы Великой Отечественной войны роль Урала в экономике страны еще более возросла. Урал вынужден был взять на себя главную тяжесть снабжения Вооруженных Сил СССР. В регион перемещались самые крупные заводы: из 1523 промышленных предприятий СССР эвакуированы почти половина. Прием и размещение их началось с середины июля 1941 г.. В Челябинской области было принято около 200 предприятий, в Свердловской – 212, в Пермской – 124, в Чкаловской – 70, в Башкирии – 86 и в Удмуртии – 20. На Урале размещались наиболее крупные и важные оборонные заводы, в том числе Ленинградский Кировский, Ижорский, Харьковский танковые заводы, артиллерийские предприятия из Москвы, Киева, Брянска, оружейные заводы из Тулы и Подольска, ряд заводов авиационных моторов. В Магнитогорск прибыло оборудование флагманов металлургии Центра и Украины. Многие

заводы героическими усилиями рабочих, инженерно-технических работников и местного населения восстанавливались на новом месте в течение 3–4 недель, а через 3–4 месяца превосходили по производству продукции довоенный уровень. К весне 1942 г. основная часть эвакуированных предприятий была восстановлена на новых местах и давала продукцию.

Уральцы мужественно переносили вся тяготы сурового военного времени и старались как можно скорее выдать боевую технику. Так, на Челябинском тракторном заводе в течение трех недель было смонтировано и установлено 5800 металлорежущих станков, 230 электропечей, большое количество другого эвакуированного оборудования. С октября 1941 г. по июнь 1942 г. здесь выросли 17 новых цехов. Строительные и монтажные работы, выпуск деталей машин и сборка танков развертывались одновременно. В недостроенных цехах, не имевших еще крыши, в условиях уральской зимы изготавливались боевые машины. В сборочном цехе разводили костры, грелись возле них, но ни на час не прекращали работу. В ноябре 1941 г. тяжелые танки с маркой Кировского завода начали поступать на фронт и приняли участие в разгроме противника под Москвой.

Через 33 дня на заводе с конвейера сошел первый танк Т-34, а через 1,5 месяца нелегкая задача по производству этого танка была решена коллективом Уралмаша.

Подавляющая часть оборудования, эвакуированного на Урал, разместилась на площадях местных заводов и фабрик. Часть прибывших заводов заняла помещения институтов, учреждений, магазинов, складов и т.п. В Башкирии под производственные площади эвакуированных предприятий были переданы здания педагогического и сельскохозяйственного институтов Уфы. В Челябинске один оборонный завод был размещен в здании театра оперы и балета, а оборудование Тульского патронного завода решено разместить на площадях педагогического института. Институт был вынужден освободить свое здание для завода и переехать в помещение двух школ города. Осуществить это предстояло по-военному быстро – в течение двух суток. Мероприятие было намечено на ночь с 5 на 6 августа. Конечно, не в целях конспирации, а всего лишь для того, чтобы этот переезд

создал как меньше неудобств для горожан. Ведь институт расположен в центральной, оживленной части города, а перевезти предстояло много тонн инвентаря, учебных пособий и т.п. Руководство переброской имущества пединститута было возложено на директора института В. Старцева.

Поздним вечером 5 августа 1941 г. к пединституту начали стягиваться все выделенные автомашины с необходимым запасом горючего для работы в течение 8 часов и с грузчиками – по два на машину; 60 лошадей с коновозчиками, которым предстояло работать до 5 часов следующего утра. В последнюю очередь должны были приступить к работе три грузовых трамвая, чтобы доставить имущество к школе № 6 и школе глухонемых. Всего в течение ночи предстояло перевезти около 200 тонн груза. Уже через несколько дней станки, установленные в учебных аудиториях института, должны были начать выпуск первых партий боеприпасов. И так по всей территории края.

Одновременно быстрыми темпами возводились новые производственные помещения. На строительстве промышленных предприятий в 1941–1945 гг. были сосредоточены опытные коллективы как уральских строительных организаций, так и организаций, эвакуированных на Урал в первые месяцы войны, наркомстроя и ряда наркоматов. Талантливые организаторы, видные инженеры, многие из которых имели большой опыт, возглавляли строительные организации Урала: Н.А. Дыгай – Главуралстрой, В.Э. Дымшиц – Магнитострой, А.Н. Комаровский и В.А. Сапрыкин – строительство Челябинского металлургического завода, А.В. Тищенко и Н.С. Фоминцев – строительство объектов Чусовского металлургического завода, Б.Н. Никольский и А.К. Поляковский – Челябинской ТЭЦ, М.А. Прихожан – строительство Миасского автомобильного завода и другие. Всей работой строителей на Чебаркульском заводе авиапоковок руководил С.З. Гинзбург – народный комиссар строительства.

В период войны на Урале вступило в строй 10 доменных, 28 мартеновских и 9 электроплавильных печей, 2 бессемеровских мартена, 9 прокатных станков, 11 коксовых батарей, более 100 шахт и угольных разрезов. Всего построено свыше

500 больших и средних предприятий. Среди них кузнечно-прессовый и трубопрокатный заводы в Челябинске, Орско-Халиловский турбомоторный и Южноуральский машиностроительный заводы, Уральский завод тяжелого химического машиностроения и др. Основные производственные фонды крупной промышленности Урала за это время выросли почти в 2,5 раза.

За годы войны объем капитальных вложений в народное хозяйство края составил 16,3 млрд. рублей, или 87,6% всех ассигнований на развитие экономики восточных районов. В 1942 г. на его долю приходилось 65,3% чугуна, 58,2% проката, 50,6% кокса, 89,3% железной и 40,4% марганцевой руды, 21,7% угля, 100% алюминия и 31% электроэнергии. После оккупации врагом Украины Урал стал основным поставщиком металла для народного хозяйства. Повысилась его роль как главного поставщика специальных марок сталей для боевой техники.

Начиная с 1942 года и до конца войны, на территории края производилось больше половины всех выплавлявшихся в стране черных металлов, причем во много раз выросла доля качественной металлургии. Так, в конце войны выплавка легированного металла на Магнитогорском металлургическом комбинате составляла 83%, что в 7 раз больше, чем в довоенный период.

Выполняя заказы оборонной промышленности, за годы войны Магнитогорский металлургический комбинат освоил 100 новых марок стали. Это были хромистые, хроммолибденовые, кремнистые, автоматные, ствольные, шарикоподшипниковые, снарядброневые. Златоустовцы освоили клапанную, нержавеющую, быстророрежущую и другие необходимые марки стали. Выплавка легированных сталей в мартеновских печах с основным подом была быстро налажена и на других уральских металлургических заводах. Металлурги Верхисетского, Златоустовского, Ижевского и Серовского заводов наладили массовое производство многих сложных марок стали. Коллектив Серовского завода стал единственным изготовителем калибровочной стали, необходимой для изготовления танков, самолетов, артиллерийских орудий и снарядов.

Наряду с выплавкой броневой стали, металлурги впервые в мировой практике освоили прокат броневых листов на

обычном блюминге. Это новшество предложил заместитель главного механика Магнитогорского металлургического комбината Н.А. Рыженко.

В годы войны Урал превратился в настоящую кузницу оружия, «опорный край державы», он давал 40% всей военной продукции страны, производил 70% всех танков, в том числе средних – 60%, тяжелых – 100%. Только Кировский завод за время войны освоил серийное производство 13 типов танков и 6 типов танковых моторов. За военные годы он произвел в общей сложности 18 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, 48,5 тысячи танковых дизельных двигателей, 85 тысяч комплектов топливной аппаратуры. 35 тысяч танков Т-34 дал фронту завод имени Коминтерна, созданный в начале войны на базе эвакуированного оборудования.

Высокое качество продукции металлургов и танкостроителей Урала было проверено на фронте. Уральские танки по своим боевым данным и по прочности брони оказались лучшими в мире. Это вынуждены были признать и представители высшего командования вермахта. Гейнц Гудериан уже в ноябре 1941 г. предложил ведущим конструкторам, промышленникам и офицерам управления вооружения Германии выпускать такие же танки, как Т-34. Но это предложение не нашло у конструкторов никакой поддержки. Они заявили, что не готовы в кратчайшие сроки выпускать детали танка подобного типа. Кроме того, Г. Гудериан отмечал, что «...наша легированная сталь, качество которой снижалось из-за нехватки необходимого сырья, также уступала легированной стали русских». За годы войны танк Т-34 постоянно модернизировался. В результате увеличилась его маневренность, упростилось управление, 76-миллиметровая пушка была заменена более мощной 85-миллиметровая. Качественный и количественный рост продукции танковой промышленности позволил Верховному командованию в течение 1943 г. создать 9 танковых и механизированных корпусов, к лету этого года в составе Советской Армии уже имелось 5 танковых армий.

Урал стал родиной самоходной артиллерии и в годы войны являлся основным поставщиком этого грозного оружия. В конце ноября 1942 г. в конструкторском бюро Кировского

завода (ЧТЗ) началась разработка конструкции тяжелой самоходной артиллерийской установки (САУ), вооруженной мощной 152-миллиметровой пушкой-гаубицей МЛ-20С.

Группа разработчиков установок САУ-152 была удостоена Государственной премии СССР, в их числе танкостроители Ж. Котин, С. Махонин, Л. Троянов и создатели артиллерийской системы С. Гуренко и Ф. Петров. В течение 1943–1945 гг. разработано 29 образцов самоходных артиллерийских установок. В мае 1943 г. на Уралмаше была создана вторая модификация САУ на базе танка Т-34 с мощной 85-миллиметровой пушкой. К серийному производству и на вооружение установка была принята в августе 1943 г. Действуя непосредственно в боевых порядках танков, САУ обеспечивали непрерывную огневую поддержку наших войск, поражая броню всех типов танков противника.

Интенсивно развивалась на Урале и авиационная промышленность. Большой вклад в укрепление оборонной мощи страны внес Пермский моторостроительный завод. За 1941–1944 гг. выпуск моторов вырос почти в 3 раза. Двигателями завода оснащались истребители Ла-7, Ла-5, ЛаГГ-3, пикирующие бомбардировщики Пе-2 и Ту-2, бомбардировщики Пе-8 дальней авиации.

Широкое развитие на Урале получило трубное производство, которое обеспечивало выпуск знаменитых реактивных снарядов «катюша», орудий, минометов, стрелкового оружия, самолетов, танков и артиллерийских снарядов. В годы войны были введены новые мощности по производству труб в Первоуральске и Каменск-Уральском. Особое внимание уделялось строительству Челябинского трубопрокатного завода, потому что с пуском его мощностей резко увеличивался выпуск труб. Удельный вес Урала в их общесоюзном производстве с 7,8% в 1940 г. вырос до 76,2% в конце войны. Заводы края производили весь сортамент труб, необходимый оборонной промышленности.

В годы войны быстрыми темпами развивалось машиностроение и металлообработка. В крае был создан ряд новых отраслей индустрии – танкостроение, автомобильная

промышленность, производство мотоциклов, шарикоподшипников, насосов и компрессоров, электротехническая промышленность, станкостроение, производство твердых сплавов, промышленность по обработке цветных металлов. Объем цветного проката на Урале превзошел довоенный уровень его производства на всей территории страны.

Важной отраслью оборонного производства Урала была артиллерийская промышленность. Ряд крупных предприятий, ранее производящих мирную продукцию, совместно с эвакуированными заводами Центра и Украины составили комбинат по изготовлению минометов, в том числе гвардейских. На всех заводах было налажено массовое поточное производство, позволяющее увеличить выпуск орудий. Только три завода края поставили фронту 130 тыс. орудий, в основном крупного калибра. Уральские оружейники изготовили около 70% полевых орудий крупного калибра.

Основную роль в производстве стрелкового оружия стала играть Удмуртия – заводы Ижевска. Уже в январе 1942 г. Ижевск мог вооружить в сутки одну стрелковую и одну авиационную дивизию. Всего оружейники дали для фронта 11 145 тыс. винтовок и карабинов, 7130 авиапушек, 213 440 пулеметов, 131 310 противотанковых ружей, 961 500 пистолетов. За время войны изготовили и отправили на фронт столько оружия, сколько не было выпущено за 70 предшествующих лет.

Воткинский машиностроительный завод в годы войны произвел 52 тыс. пушек различных систем, что составило более 11% всех произведенных пушек в стране.

Важную роль в укреплении военно-промышленного потенциала Урала в годы Великой Отечественной войны сыграла энергетика. Скоростными методами были сооружены Челябинская и Соликамская ТЭЦ, расширены Кизеловская ГРЭС и другие электростанции. В угольных бассейнах Урала введено в строй 69 шахт и 9 разрезов.

Следует отметить, однако, что индустриальный подъем, имевший место на Урале в годы войны, был обеспечен жесткими командно-административными методами, сочетающимися с трудовым подъемом населения.

Труженики тыла с первых дней войны выдвинули лозунг «В труде, как в бою. Фронту нужно – значит, сделаем». С самого начала Великой Отечественной войны на предприятиях Урала широкое развитие получило движение двухсотников. Магнитогорцы первыми организовали стахановские вахты «Все для фронта!» В июле 1941 г. на ряде предприятий и строек появились трехсотники, тысячники, многостаночное обслуживание, совмещение специальностей, соревнование по профессиям, почасовое соревнование и движение комсомольско-молодежных бригад, борющихся за звание фронтовых.

Всей стране были известны инициативы А. Сорокового (сталевар-скоростник Кушвинского завода), Д. Босого (фрезеровщик Нижнетагильского завода), Е. Агаркова (электросварщик Кировского завода), В. Гусева и А. Пашниной (сборщики танков Кировского завода), позволившие высвободить тысячи рабочих и давать в фонд обороны миллионы рублей сверхплановой продукции.

Профессора многих технических вузов страны принимали участие в проектировании новых цехов, строительных площадок, в монтаже агрегатов и в других ответственных работах. Научные работники Магнитогорского горно-металлургического института и специалисты из Ленинграда провели исследования по созданию новой технологии производства броневой стали, повышению производительности прокатных станов. Более 400 уральских заводов и строек получали помощь от работников Уральского индустриального института. За годы войны ученые Уральского политехнического института внедрили около 700 научных разработок на предприятиях оборонной промышленности.

Особое значение для развертывания военного производства имела работа, выполненная Институтом электросварки во главе с академиком Е. Патном. Эвакуированный на Урал, Институт создал аппарат скоростной сварки и помог организовать автоматическую сварку танковых корпусов, что повысило производительность труда в 8 раз по сравнению со сваркой ручной. В отладке нового технологического процесса принимал непосредственное участие и сам Е.О. Патон. Если в конце

1941 г. на заводах страны имелись всего три установки автоматической сварки, в 1942 г. их стало 40, через год число удвоилось, то в 1944 г. уже 133 установки действовали на 52 заводах. Следует заметить, что в промышленности Германии до конца войны не было автоматической сварки танковой брони, в США она появилась только в 1944 г.

Потеря страной в начале войны 47% посевных площадей заставила советское государство принять меры для продовольственного снабжения армии и населения, обеспечения сырьем промышленности.

В тяжелейших условиях оказались труженики уральской деревни. Они вынуждены были решать поставленные задачи в условиях резкого сокращения материально-технической базы и значительного уменьшения численности населения. За годы войны машинно-тракторный парк колхозов и совхозов сократился на 15,7%. Почти каждый пятый исправный гусеничный трактор был отправлен в действующую армию.

В период военных действий произошел отток населения из сельской местности почти на 25% с массовыми мобилизациями на фронт, с перераспределением населения для работы в промышленности, на транспорте и в строительстве. Особенно эта тенденция проявилась среди трудоспособного мужского населения, уменьшившегося на 76,9%.

Резко усилилось государственное регулирование сельскохозяйственным производством. Осуществлялось жесткое планирование, грубое вмешательство партийных и советских органов в производственные процессы, прямые репрессии против жителей сельской местности. Чтобы компенсировать нехватку рабочей силы, власти энергично использовали патриотический подъем тружеников сельского хозяйства. Ведущую роль в развитии аграрного сектора играли женщины, которые трудились во всех отраслях, часто выполняя традиционно мужские обязанности.

Самоотверженно трудились женщины-трактористки. Т. Наумова из Свердловской области план пахоты перевыполнила в 2,7 раза. Успешно трудились свердловские трактористки – Е. Щеткина, Ф. Якимова, М. Суворова и другие,

пермские – М. Неволлина, Е. Байдина, М. Полежаева, А. Десяткова и челябинки Дони́на, Колесникова и Т. Максимова. В Курганской области своим умением и энтузиазмом в труде прославилась трактористка Е. Родионова, возглавившая женскую тракторную бригаду. В 1944–1945 гг. она подняла 1000 га целины. Позднее ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Широко использовалось привлечение труда молодежи и подростков, учащихся вузов и школ региона. В 1945 г. только в Свердловской области действовало более 1,5 тыс. молодежных звеньев. После окончания учебного года все школьники выходили на работу в поле.

Школьники младших классов активно участвовали в сборе колосков. Только в Свердловской и Оренбургской областях из собранных колосков намолотили 171 тыс. центнеров зерна. Это было очень важно, так как резко снизилась урожайность зерновых, составив в Челябинской области 2,9 ц с га, в Курганской – 2,4 и в Оренбургской области – 1,9. Труженики села стремились из своих личных запасов довоенных лет пополнить государственные закрома. Так, несколько передовых колхозов Туринского района Свердловской области сдали в фонд государства личные запасы зерна, которые можно было вывезти на 377 машинах, каждая вместимостью полторы тонны.

Самоотверженность, энтузиазм тружеников сельского хозяйства Урала дали возможность внести значительный вклад в обеспечение продовольствием горожан и военнослужащих. За период войны 1941–1945 гг. колхозы и совхозы Урала сдали государству свыше 12 млн. тонн хлеба, более 1,5 млн. тонн молока, 1 млн. тонн картофеля, 736 тыс. тонн овощей. Однако объем сельскохозяйственной продукции в целом сократился на Урале по сравнению с довоенным на 18,5%. В результате колхозы и совхозы Урала, работавшие на износ, подошли к концу войны ослабленными, с разрушенными производительными силами.

§ 2. Подвиги уральцев на фронтах Великой Отечественной войны

Велик и незабываем подвиг уральцев на фронтах Великой Отечественной войны. На Урале было сформировано более 500 воинских частей и соединений. Среди них 3 корпуса, 78 дивизий, большое количество отдельных бригад, полков, батальонов, дивизионов и рот. Прежде всего, это были танковые части, из них 96-я танковая колонна им. Челябинского комсомола. Несколько подобных колонн было сформировано в Свердловской, Оренбургской и других областях края. За счет средств, собранных тружениками села, танкостроители Урала неоднократно выполняли боевые заказы на изготовление танков для формирования колонн «Челябинские колхозники», «Колхозники Удмуртии», имени В. Чкалова, «Колхозники Башкирии», «Свердловские колхозники». В годы войны население края принимало активное участие в сборе средств на подводные лодки и катера, авиационные эскадрильи и т.д. Самым крупным свершением уральцев было создание в 1943 г. добровольческого танкового корпуса.

На фронт с Урала ушло, по неполным данным, около 2 млн. человек, из них более 600 тысяч не вернулись домой.

Боевые качества уральских воинов отмечали многие полководцы. В своих мемуарах они считали, что «лучших воинов, чем сибиряк и уралец, бесспорно, мало в мире».

Одним из немногих оставшихся в живых защитников Брестской крепости был рядовой челябинец Иван Таранец. Как и все участники обороны, он не знал ни сна, ни отдыха в жарких схватках с захватчиками. Не одни сутки они отстаивали крепость под Бугом, тогда когда фронт ушел далеко на восток. Иван Таранец и его товарищи поклялись: «Умереть, но не сдаваться».

Много примеров героизма продемонстрировали уральцы и на других участках фронта. Всему миру стал известен подвиг, совершенный в начале войны Николаем Гастелло. В составе его экипажа был 19-летний штурман лейтенант Анатолий Бурденюк, выпускник Челябинского училища штурманов. Старшего

лейтенанта из Перми Ивана Золина назвали братом Гастелло. В сентябре 1941 г. он направил свою горящую машину на мост через Днепр, чтобы преградить танкам противника путь на восток. Ивану Золину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ноябре 1941 г. Игорь Сосновский из Кунгура совершил подвиг, вошедший в историю Великой Отечественной войны, как и подвиг Александра Матросова из Уфы. Через три года, но уже на польской земле, подобный подвиг совершил Г. Кунавин из Каменск-Уральского и был удостоен звания Героя Советского Союза.

Урал послал на фронт 363-ю, 371-ю и 379-ю стрелковые дивизии. За время битвы под Москвой с 8 декабря 1941 г. по 21 января 1942 г. 379-я стрелковая дивизия, состоявшая из пермяков, прошла с боями 170 километров, освободила 32 населенных пункта и уничтожила свыше семи тысяч солдат и офицеров противника. Командарм Д.Д. Лелюшенко по достоинству оценил боеспособность уральских стрелковых дивизий. Победы стоили уральцам и большой крови. В боях под Москвой только полки стрелковой дивизии из Перми потеряли убитыми и ранеными более 80% личного состава. Героизм уральцев признавал даже противник: немецкий солдат Гельмут Берг писал в письме родным: «Перед нами опять появились уральские черти. Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям: они сумасшедшие, упорные и сражаются даже тогда, когда тяжело ранены».

В ходе тяжелых боев контрнаступления под Москвой воины уральского соединения – 82-й мотострелковой дивизии – уничтожили около 12 тыс. солдат и офицеров противника, 150 танков, 176 автомашин, 171 миномет, 77 орудий различного калибра. Они освободили 96 населенных пунктов, среди них Дорохово, Можайск и Бородино.

В боях за Сталиниград отличились уральские пехотники, минометчики, артиллеристы, связисты, кавалеристы, танкисты, летчики – представители всех родов войск. Имя уральского снайпера В. Зайцева стало известно всей стране. По сей день на северо-западном склоне Мамаева кургана стоит памятник – танк Т-34 с надписью «Челябинские колхозники» – первый памятник

исского Сталинграда. Экипаж машины, механиком-водителем которого был уралец старшина Н. Макурин, первым в числе наступивших соединился с частями 62-й армии, оборонявшей город, в результате чего была расчленена вражеская группировка.

На Орловско-Курской дуге получил свое боевое крещение Уральский добровольческий танковый корпус. В его составе действовали Свердловская, Челябинская, Пермская танковые бригады, мотострелковая бригада и другие вспомогательные части, сформированные из посланцев трех областей Урала.

Первую страницу в боевую летопись этого легендарного сражения вписала Пермская танковая бригада. Вскоре пермяков поддержала Свердловская танковая и 30-я мотострелковая бригады. 31 июля в бой была введена Челябинская танковая бригада. За 21 день тяжелых и кровопролитных боев на Орловском плацдарме уральцы-добровольцы углубились в оборону противника на 150 километров, освободив 120 населенных пунктов. В этом сражении они уничтожили 9000 солдат и офицеров противника, 56 танков, 176 орудий, 180 минометов, 22 самолета и много другой военной техники. Массовый героизм советских солдат, в том числе и добровольцев-танкистов Урала, заставил задуматься и противника. Курт Грюншид, взятый в плен, заявил: «В Орел я ехал с мыслью сделать эту последнюю победу – и домой. Но я увидел, как горели «тигры» и «фердинанды», как мы бежали с позиций, на которых... сидели почти два года, и понял: все кончено, поток не запрудишь комком глины».

Мужество и отвагу проявили уральцы у стен Ленинграда. Поистине легендарный подвиг свершил Александр Спиринов. В январе 1944 г. танковая рота, которой командовал А. Спиринов, третий день пробивала брешь в обороне противника под Ленинградом. Враг оказывал отчаянное сопротивление. Танкисты упорно наседали: только за день они уничтожили два танка «тигр», 33 орудия, 12 минометов и до 700 солдат и офицеров противника. Машина командира роты была подбита. Гитлеровцы попытались захватить офицера в плен. А. Спиринов отстреливался до последнего патрона. Когда бойцы роты пришли на

помощь своему командиру, тот лежал мертвым с автоматом в руках, и вокруг него лежало шестьдесят солдат противника. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза.

В битве за Ленинград участвовала 377-я стрелковая дивизия, сформированная в Челябинской области. За время первых боев дивизия освободила 20 населенных пунктов и уничтожила более 2000 солдат и офицеров противника.

В начале октября 1943 г. в боях за Днепр отличилась рота младшего лейтенанта, выпускника Челябинского педагогического института, учителя русского языка и литературы Андрея Невзгодова. Отражая контратаки превосходящих сил противника, рота оказалась в окружении. Трое суток, отрезанные от основных сил дивизии, воины мужественно сражались, не отступив ни на шаг от своего рубежа. Противник многократно бросал в контратаки новые силы, но А. Невзгодов, умело расставив огневые средства и бойцов, успешно отражал натиск противника. Солдаты, воодушевленные мужеством командира, вели бой и выдерживали все – голод, усталость, ежеминутную смертельную опасность. А когда силы врага были измотаны, стремительной контратакой прорвали кольцо окружения и соединились со всей частью. В ходе ожесточенных боев бойцы роты уничтожили 11 огневых точек, бронемашину, 3 автомашины и 80 солдат и офицеров противника.

В феврале 1944 г. за стойкость и мужество, личную храбрость и умелое руководство ротой младшему лейтенанту А. Невзгодову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Высокими правительственными наградами отмечено участие уральских танкистов в летней операции 1944 г. по освобождению города Львова. За время боев танкисты уничтожили и захватили 95 танков, 184 орудия, 27 бронетранспортеров, более 300 автомашин и около 18 тысяч солдат и офицеров противника. За освобождение Львова Пермская и Челябинская танковые бригады были награждены орденами Красного Знамени, мотострелковая бригада, минометный полк и отдельный батальон связи – орденами Богдана Хмельницкого, отдельный мотоциклетный и саперный батальон – орденами Красной Звезды. Уральский добровольческий танковый корпус в целом, а также

Свердловская танковая бригада и зенитно-артиллерийский полк стали именоваться Львовскими. За эти бои добровольцы-уральцы были награждены 4892 орденами и медалями. Командир Челябинской танковой бригады полковник М. Фомичев, майор А. Ишмухаметов, старший лейтенант Д. Потапов, лейтенант П. Кулешов и старшина Ф. Сурков были удостоены звания Героя Советского Союза.

В ходе Висло-Одерской операции добровольцы Уральско-Львовского танкового корпуса уничтожили и захватили около 160 танков, 76 самоходных установок, 178 орудий, 236 бронетранспортеров, более 2000 автомашин, уничтожили около 15 400 солдат и офицеров противника. Многие танкисты получили высокие награды, а 23 воина корпуса удостоены звания Героя Советского Союза. Однако корпус понес и большие потери: среди них командир корпуса гвардии полковник Нил Чупров, командир Свердловской танковой бригады гвардии полковник Николай Жуков, помощник начальника политотдела Пермской танковой бригады гвардии капитан Лев Шатров, начальник штаба минометного полка гвардии майор Владимир Крюков и другие.

На заключительном этапе войны – в Берлинской и Пражской боевых операциях – активное участие приняли многие формирования Урала. Для подготовки к штурму цитадели фашизма Берлина уральцам с 30 марта 1945 г. был предоставлен 15-дневный отдых. За эти дни корпус получил пополнение.

Берлинская операция, по словам маршала И. Конева, была самой сложной за всю вторую мировую войну. На Берлинском направлении немецкое командование сосредоточило мощную группировку войск (около миллиона человек), до 1500 танков и штурмовых орудий и 3300 самолетов. Это была глубокоэшелонированная оборона. Вокруг столицы рейха был создан специальный оборонительный район из трех обводов и девяти оборонительных секторов в самом городе. Общая глубина обороны немцев здесь достигла 100 километров.

Уральский добровольческий танковый корпус получил задание – форсировать реку Шпрее, овладеть городом Калау, а затем повернуть на север и войти в Берлин с юго-западной

стороны. Командующий фронтом И. Конев дал указание танкистам не вступать в бои с гитлеровцами за опорные пункты, беречь технику. Нужно было «дойти с запасом неизрасходованных сил к выполнению конечной цели».

На подходе к Берлину уральские танкисты освободили тысячи заключенных и военнопленных. Среди них был и бывший премьер-министр Франции Эдуар Эррио с супругой.

За Берлинскую операцию и бои за освобождение Праги многие уральцы-танкисты были удостоены высоких правительственных наград, а командир Челябинской танковой бригады полковник М.Г. Фомичев награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Все формирования Урала за годы войны покрыли себя неувядаемой славой. Детище и гордость – 63-й добровольческий танковый корпус получил наименование 10-го гвардейского Уральско-Львовского Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова добровольческого танкового корпуса. Частям и соединениям, входившим в его состав, вручено 49 боевых орденов. В корпусе выросло 38 Героев Советского Союза.

В Свердловске, Челябинске и Перми установлены целые ансамбли-памятники воинам Уральского добровольческого танкового корпуса.

В тылу врага уральцы, действовавшие в партизанских отрядах и подпольных организациях, показали примеры мужества и несгибаемой воли к победе над оккупантами. Имена Героев Советского Союза партизана-разведчика Николая Кузнецова, командира партизанского отряда Михаила Наумова и многих других уроженцев Урала стали поистине легендарными.

Родина высоко оценила героизм уральцев-фронтовиков. Трудно назвать точную цифру уральцев, удостоенных боевых наград за свой вклад в дело победы. Историк-исследователь, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза генерал Иван Александрович Кондауров отмечает в своей монографии: «Орденами и медалями Советского Союза награждены сотни тысяч уральцев. Среди них десятки кавалеров ордена Славы всех степеней и более тысячи Героев Советского Союза, а девять из них стали дважды Героями Советского Союза».

Полководец А.В. Суворов писал, что война не закончена до тех пор, пока не захоронен последний солдат. Четыре миллиона советских солдат до сих пор лежат на месте последнего боя. Среди них и наши земляки-уральцы 1217-го стрелкового полка из 367-й стрелковой дивизии, сформированной в Челябинской области. В феврале 1942 г. полк был окружен в Карелии и бойцы, отстаивая каждую пядь земли, дрались до последнего вздоха. В советской литературе об этой трагедии почти не упоминалось.

И только в 1989 г. выпускник исторического факультета Челябинского педагогического института Иван Абрахин с группой школьников и студентов начал поиск пропавшего 1217-го полка. За 1989–1990 гг. ими обнаружены и похоронены в братской могиле останки примерно 100 человек. В 1992 г. на месте захоронения установлен скромный памятный знак, привезенный из Челябинска, – мраморная плита, на которой выбиты слова: «Солдатам Отечества, павшим в боях за Родину на Карельском фронте в 1941–1944 годах».

§ 3. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны

Неотъемлемой частью военной перестройки стали изменения культурной деятельности советского государства, организационных форм, направления и содержания творческой деятельности. Советская наука в этот период еще больше укрепила связи с производством. В августе 1941 г. на базе Академии наук СССР, президиум которой с 1941 по 1943 г. находился в Свердловске, была создана комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. В ее работе участвовали около 60 научных учреждений и промышленных предприятий, более 800 специалистов различных отраслей науки, техники и производства. Осуществление связи науки с производством способствовало открытию в Челябинске Дома ученых, в Магнитогорске – комитета ученых помощи фронту, в Свердловске – Дома техники и других объединений.

Наряду с академической наукой, весомую лепту в выполнение заказов фронта внесли коллективы вузов. Перед войной на Урале работало 47 вузов, в годы военного лихолетья, за счет эвакуированных в регион, их количество возросло до 55. Так в Челябинске были размещены Киевский медицинский и Сталинградский механический институты, в Кыштыме – Ленинградский пединститут им. Герцена, в Кургане – Полтавский сельскохозяйственный институт и т.д.

Если в восточных районах страны наблюдалось увеличение числа учебных заведений в связи с географическим перераспределением, то в целом по стране их количество за первый период войны сократилось вдвое: вузов – с 817 до 460, средних специальных учебных заведений – с 3695 до 1677.

В суровые годы войны вузовские коллективы внесли немалый вклад в дело обороны страны. Многие студенты и преподаватели ушли на производство и в армию. Более 500 человек из Челябинского государственного педагогического института влились в ряды защитников Родины. Среди них А.Т. Кирсанов, Ю.Г. Гайдуков, М.Н. Мельников, Т.Н. Кубраков. В рядах Красной Армии находились около 6 тыс. студентов и сотрудников уральских вузов.

Оставшиеся в стенах вузов преподаватели и студенты оказывали многообразную помощь укреплению связи фронта и тыла. Большую работу в интересах промышленного производства проделал коллектив крупнейшего в регионе Уральского индустриального института им. Кирова, ученые которого за военное время выполнили около 700 научных исследований. Совместными усилиями ученых кафедры обработки металлов давлением Магнитогорского горно-металлургического института и специалистов Магнитогорского металлургического комбината впервые в мировой практике была на обыкновенном блюминге прокатана танковая броня. Значительную научно-исследовательскую работу вели сельскохозяйственные вузы Урала – Троицкий ветеринарный институт, Башкирский, Пермский и Челябинский сельскохозяйственные институты, ученые которых не только плодотворно трудились по своему назначению, но и выполняли задания оборонных предприятий. Значительным был вклад

ренных-медиков. В госпиталях и клиниках Урала разрабатывались эффективные способы заживления ран, восстановления раненых, получения новых лекарственных препаратов.

Несмотря на трудности военного времени, вузы Урала выполняли основную свою задачу – продолжали готовить высококвалифицированные кадры. За 1941–1945 гг. они выпустили более 20 тыс. специалистов. Среди них: врачей – 7 тыс., учителей – 5 тыс., инженеров – 3 тыс. и т.д.

Крайне осложнилось положение и общеобразовательной школы: многие школьные здания были переданы военным и медицинским организациям для размещения эвакуированных, часть учителей ушла на фронт и на промышленные предприятия, произошло сокращение контингента учащихся. В Башкирии отсев школьников достиг 22,3 процента, в Челябинской области – более 33 процентов.

В этих условиях важнейшей задачей органов народного образования, как и в первые годы советской власти, стала забота по налаживанию всеобуча. И следует отметить, что на Урале были достигнуты определенные успехи. В Челябинской области к 1945 г. всеобуч в школах достиг 96 процентов, а в Челябинске, Магнитогорске и Златоусте – 100 процентов.

Военное время внесло свои коррективы в работу общеобразовательной школы. Оно заставило пересмотреть учебные планы и программы: временно отменили преподавание пения, рисования, черчения; вместо них были введены часы по военной и физической подготовке. В большинстве школ Урала военно-физкультурная подготовка проводилась по 110-часовой программе всеобуча. Большую роль в воспитании детей начали играть встречи с воинами Красной Армии, героями тыла. Школьники готовили подарки для бойцов и вели переписку с фронтовиками.

В годы войны государство стремилось поддерживать развитие народного образования. Размеры ассигнований возрастали с каждым годом. В РСФСР на нужды народного просвещения в 1944 г. было выделено 9164 млн. руб., что на 55% больше, чем в 1943 г.; расходы на содержание вузов и техникумов за этот

период возросли с 597 млн. руб. до 1107 млн. На строительство школ в 1944 г. было ассигновано 116 млн. руб.

За самоотверженный труд многие работники школы были награждены правительственными наградами: челябинским учителям М.А. Баженовой, И.Т. Дудкину, Е.С. Жуковой, В.Я. Лебедевой, Е.М. Лукьяновой, Е.А. Москвиной, О.Н. Поляковой. П.И. Шестачко присвоено звание заслуженного учителя РСФСР.

Все свои силы защите Родины отдавали различные слои советской интеллигенции. Душой Свердловской писательской организации был П.П. Бажов, создавший в годы войны сборники сказов «Ключ-камень», «Уральские сказы о немцах». В 1944 г. П.П. Бажову была присуждена Сталинская премия, а в связи с 65-летием (1944 г.) он был награжден орденом Ленина. Поновому, гневно, звучали книги стихов Л. Татьяничевой, К. Мурзиды, Е. Хоринской. Развитию литературы и литературоведения способствовала проведенная в 1943 г. в Перми научная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе».

Достойную лепту в дело победы над врагом внесли уральские художники, многие из них ушли на фронт. Из 32 членов Челябинского областного союза художников в ноябре 1941 г. осталось 17, энергично включившихся в работу по оформлению военкоматов, призывных пунктов, клубов, промышленных предприятий.

Широкое развитие в годы Великой Отечественной войны получили плакаты, сатирические рисунки, карикатуры. По примеру москвичей был налажен выпуск «Окон ТАСС», которые выставлялись около центрального почтамта и на ЧТЗ, с 1942 г. на страницах газеты «Челябинский рабочий» начали выходить «Окна сатиры». За годы войны было выпущено 105 «Окон ТАСС»; 24 типографских плаката тиражом 155 тыс. экземпляров. Творчество челябинских художников М.И. Ткачева, Д.Ф. Фехнера, А.П. Сабурова, С.С. Анохина пользовалось успехом у южноуральцев.

В годы войны на Урале прошло несколько художественных выставок, наиболее значительная из них – «Урал – кузница оружия» – была организована в Свердловске в 1944 г. с

демонстрацией различных жанров творчества художников Москвы, Ленинграда, Перми, Свердловска и Челябинска.

Примечательным фактом культурной жизни военных лет было художественное самодеятельное творчество народа. Главной особенностью в перестройке культурно-просветительной работы явилось ее перенесение в цеха заводов, в бригады, на призывные пункты, в госпитали. Коллективы художественной самодеятельности активно включались в военно-шефскую работу, удельный вес которой возрос до 30–40 процентов. За первые 7 месяцев войны в частях, сформированных на территории Челябинской области, было дано 1710 концертов, в 1942 г. только художественная самодеятельность Челябинска провела свыше 500 шефских концертов для красноармейцев.

Военно-шефская работа получила широкий размах и среди профессиональных коллективов, число которых на Южном Урале пополнилось за счет эвакуированных театров и других творческих коллективов. В 1943 г. в Челябинской области работало 7 театров, 2 музыкальных училища, 2 музыкальные школы, областная филармония. За 10 месяцев работы в Челябинске Малый театр дал 51 шефский спектакль и более 500 концертов. К участию в этих концертах и спектаклях привлекались лучшие творческие силы – народные артисты СССР А. Яблочкина, П. Садовский, В. Пашенная, заслуженные артисты СССР И. Суяков, Е. Турчанинова, Е. Гоголева, И. Ильинский и др. С июня 1941 г. по март 1942 г. профессиональными артистами проведено 1250 шефских концертов и спектаклей.

Помимо большой военно-шефской работы прославленные творческие коллективы много внимания уделяли работе на сценических площадках, создаваемых непосредственно на промышленных предприятиях. Перед металлургами Магнитки выступали хор им. М. Пятницкого, хор А. Свешникова, Московский театр сатиры, Вахтанговский театр, танцевальный коллектив под управлением И. Моисеева. Частым гостем танцевальный коллектив под управлением И. Моисеева был и у трудящихся Кировского завода, а сам руководитель шефствовал над заводским самодеятельным танцевальным коллективом.

К 1943 г. сеть культурно-просветительных учреждений в Челябинской области была почти полностью восстановлена и достигла довоенного уровня: здесь действовали 1154 избы-читальни, 50 районных домов культуры и 303 библиотеки.

С 1942 г. возобновились традиционные смотры художественной самодеятельности, которая ярко выражала духовный облик борющегося народа, его героический оптимизм, неистощимую талантливость. Участники самодеятельности, несмотря на тяжелейшие и напряженнейшие условия тылового труда, находили в себе силы и желание заниматься искусством. В смотрах демонстрировали свое творчество хоровые и хореографические коллективы, духовые, струнные и джазовый оркестры, драмкружки, ансамбли песни и пляски, солисты различных жанров. В 1943–1944 гг. был проведен смотр народных талантов русского села. Активное участие в нем приняли труженики Сосновского, Нагайбакского, Нязепетровского, Еткульского, Агаповского районов.

Своеобразным итогом всероссийских смотров художественной самодеятельности города и села явился смотр самодеятельных хоров и вокалистов, проведенный в декабре 1944 – сентябре 1945 г. На заключительном этапе его в Москве честь представлять самодеятельное искусство Южного Урала добились коллективы Магнитогорского металлургического комбината, Златоустовского завода им. Ленина и Кировского завода.

Победа в войне продемонстрировала не только экономическую и военную мощь нашего государства, но и духовную силу общества. Художественное творчество явилось могучей силой, помогавшей переносить трудности военного времени и воодушевлявшей народ на борьбу до полной победы.

Глава X. Роль Урала в геополитическом противоборстве двух мировых систем в послевоенный период (1946–1985 гг.)

§1. Возрастание роли Урала в геополитическом противоборстве двух систем после второй мировой войны. Проблемы и противоречия экономического развития региона

После окончания второй мировой войны мир оказался биполярным, двухполюсным. Страны-победители, составлявшие антигитлеровский альянс, вступили на путь противостояния друг другу, которое возглавили две сверхдержавы – СССР и США. Стартовые позиции этих стран были различны. СССР в ходе войны, по неполным данным, потерял 18% населения страны, треть своего национального богатства, но имел огромный международный авторитет. США после войны контролировали 49% золотого запаса капиталистического мира, на их долю приходилось 46% мирового промышленного производства, они обладали атомной монополией.

Вторая половина 1940-х гг. явилась временем охлаждения отношений между ними, а затем втягивания их в так называемую «холодную войну». Главная причина этого противостояния заключалась в том, что межгосударственные отношения были настолько идеологизированы, что все другое отступало на второй план. Конкретным предметом для противоречий во взаимоотношениях бывших союзников были прежде всего различия в подходах к послевоенному устройству стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Противостояние потребовало от советского государства огромного напряжения сил и финансовых затрат на восстановление народного хозяйства и создания оружия, противостоящего американскому, прежде всего атомного. В реализации этой задачи значительная роль была отведена Уралу, который в годы Великой Отечественной войны превратился в кузницу победы над фашизмом.

В послевоенные годы важнейшим делом советской науки стало создание атомного оружия. Оно приобрело актуальность в связи с принятием США в 1949 г. плана «Дропшот», предусматривавшего ядерные бомбардировки крупнейших промышленных центров Советского Союза. Изыскания в этой области велись в стране еще в предвоенные годы. Однако война затормозила работы по созданию атомной бомбы в СССР, они были возобновлены только с февраля 1943 г. 20 августа 1945 г. постановлением Госкомитета обороны был образован специальный комитет (председатель Л.П. Берия), а технический совет возглавил крупный организатор военной экономики Б.Л. Ванников. В него вошли академики А.И. Алиханов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, В.Г. Хлопин, Ю.Б. Харитон, члены-корреспонденты АН СССР И. Вознесенский и И. Кикин. Комитет наделялся чрезвычайными полномочиями.

Огромную роль в создании атомной промышленности СССР сыграл Урал, обладавший колоссальными природными ресурсами и квалифицированными кадрами инженерно-технических работников. Немаловажным было то, что Урал достаточно удаленный от Москвы регион. На случай радиационных аварий и других непредвиденных обстоятельств лесные массивы позволяли сохранять секретность строящихся объектов. В то же время регион был удобен для управления и оперативной связи с центром. По-видимому, эти и другие мотивы лежали в основе решения строительства первых предприятий по производству урана и плутония для атомных бомб на Урале.

Завод по производству высокообогащенного урана на основе метода диффузии решили построить в поселке Верхненейвинском Свердловской области. В инженерном отношении это самое сложное предприятие атомной промышленности. Выдающая роль в осуществлении задуманного проекта принадлежит В.А. Малышеву. В 1953 г. он станет руководителем Комиссии по испытанию первой водородной бомбы, первым министром среднего машиностроения.

Многие из проблем уранового проекта еще находились в стадии обсуждения, когда летом 1945 г. начался поиск места для строительства первого промышленного атомного реактора.

Требовалась площадка, удаленная от крупных городов и оживленных транспортных магистралей, имеющая крупные водоемы. Она была найдена между городами Кыштымом и Касли. Понятие «экология» вряд ли было известно руководителям проекта. Однако именно разумный экологический подход – расположение каскада озер и розы ветров – позволил начать строительство площадки под Кыштымом.

Весной 1945 г. трудно было в полной мере представить весь объем предстоящих работ. Поэтому сроки пуска атомного производства больше определялись нетерпением Сталина получить оружие, адекватное по мощи американскому атомному оружию. На строительную программу отводилось всего два года. Трудности организационного периода легли на плечи начальника Челябинского металлургстроя генерал-майора Я.Д. Раппорта. Первая группа строителей во главе с Д.К. Семичастным выехала на место будущей стройки 9 ноября 1945 г. В качестве рабочей силы использовать военнопленных и заключенных запрещали, так как объект являлся секретным. Было решено формировать военно-строительные батальоны. В них набирали тех, у кого не закончился четырехлетний срок службы в армии. Кроме этого, на строительство направляли тех, кто освобожден из военного плена (срок пребывания в плену не засчитывался в срок службы в армии), а также репатриированных юношей, у которых наступил срок службы в армии.

В июне 1947 г. Министерству путей сообщения предписано обеспечить бесперебойное продвижение эшелонов с грузами для стройки. Скорость следования составов должна была составлять 400 км в сутки. Оборудование для данного объекта поставляли 200 предприятий страны.

19 июня 1948 г. в 12 часов 45 минут состоялся промышленный пуск первого в Евразии атомного реактора. Комбинат «Маяк» стал первым атомным центром страны. Именно здесь были накоплены первые килограммы плутония-239. В этом же году пущен завод «Электрохимприбор» в Нижней Туре (Свердловск-45). С 1949 г. начал работу Уральский электрохимический комбинат в Верхневинске (Свердловск-40).

Испытание первой атомной бомбы было осуществлено на Семипалатинском полигоне в Казахстане 29 августа 1949 г. около шести часов утра. Заряд получил название РДС-1, по начальным буквам слов «Россия делает сама».

В 1952 г. началось строительство второго атомного центра на Урале в Златоусте-20. В 1955 г. на Урале создается дублер Арзамаса-16 – Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (Челябинск-70). Расположенный недалеко от г. Касли, он должен был на случай войны взять на себя функции головной организации. Какая-то информация о новом ядерном центре в СССР проникла на Запад. Центральное разведывательное управление США 1 мая 1960 г. направило в предполагаемый район его размещения самолет-разведчик У-2, пилотируемый Ф. Пауэрсом. На высоте 22 км ракетной системой противовоздушной обороны Челябинска-70 самолет-шпион был сбит. Следующим американцем, увидевшим Челябинск-70, был госсекретарь США Д. Бейкер. Но это были уже времена перестройки.

Параллельно развитию производства атомного оружия с середины 50-х гг. на Урале происходит становление ракетной промышленности. Разворачивается производство стратегических ракет с ядерными боеголовками подводного базирования. Выдающуюся роль в их создании сыграло конструкторское бюро академика В.П. Макеева. Чуть позже ракеты среднего радиуса действия стали выпускаться на Воткинском машиностроительном заводе в Удмуртии. Крупные производственные предприятия ракетной техники развертывались и в других местах Урала. В Миассе и в Аше началась работа над созданием техники для космических кораблей.

К концу 50-х гг. на Урале окончательно сформировался законченный цикл производства ядерного оружия – от разработки его конструкций до сборки боеприпасов. На пяти предприятиях трудились коллективы, насчитывающие 60 тыс. человек. Урал стал той опорной базой атомной промышленности СССР, которая позволила выстоять в тяжелейшем противостоянии с США и добиться впоследствии паритета ядерных сил.

В 40–50-е гг. мало кто из ученых имел четкое представление о вреде радиоактивности. Поэтому в эти годы уральцев постигли атомные беды. В течение 1949–1951 гг. в реку Теча сбрасывались радиохимические отходы. Речка берет свое начало в озере Иртяш и впадает в реку Исеть. Та несет свои воды в реку Тобол и последний – в Обь. На берегу Течи находилось 38 сельских населенных пунктов общей численностью 28 тыс. человек. Среди них районный центр Бродокалмак с 5 тыс. жителей. Истинный масштаб радиоактивного загрязнения реки был определен лишь в 1951 г. в ходе специальной экспедиции Института биофизики при Министерстве здравоохранения СССР. Но только в 1956 г., а затем и в 1963, на реке Теча построены плотины, полностью изолировавшие верхние участки реки от нижних. С 1955 по 1960 г. было переселено в чистые районы 7,5 тыс. человек из 19 населенных пунктов.

Неменьшие проблемы возникли с озером Карачай, которое использовалось как хранилище радиоактивных технологических отходов, что позволило прекратить сбросы в реку Теча. В результате озеро увеличилось в два раза. В 1967 г. в нем резко упал уровень воды. Высыхание донных отложений создало опасную экологическую ситуацию. С 1986 г. по настоящее время ведутся работы по засыпке водоема.

29 сентября 1957 г. произошла одна из самых серьезных аварий на химкомбинате «Маяк», почти за 30 лет до Чернобыля. Челябинску-40 повезло: радиоактивный след ушел в другую сторону, он был подхвачен сильным юго-западным ветром и разнесен по лесам и полям Челябинской, Свердловской и Тюменской областей. Другая авария произошла в 1967 г. Предпринятые до начала 90-х гг. меры по ослаблению радиоактивного загрязнения региона не соответствовали реальному экономическому ущербу, не охватывали всего пострадавшего от радиации населения. Первая государственная программа по радиационной реабилитации Уральского региона, рассчитанная до 1995 г., была принята только в июне 1993 г. Но в условиях экономического кризиса она не могла до конца решить всех проблем. В итоге смертность населения в загрязненных районах продолжает оставаться в 1,27 раза выше, чем в среднем по трем областям.

Мощный военно-промышленный комплекс Урала является не единственной особенностью развития народного хозяйства края. После Великой Отечественной войны здесь резко повысился удельный вес машиностроения и металлообработки, возросло значение металлургической и химической промышленности. На ряде предприятий был внедрен поточный метод производства. Конструкторские бюро машиностроительных предприятий овладели методом скоростного конструирования изделий. Число работников промышленности удвоилось. Однако в первые послевоенные годы народное хозяйство края встретилось со многими трудностями. Эвакуированные на Урал рабочие, инженеры и техники начали возвращаться в родные места, что привело к отливу трудовых ресурсов. Кроме этого, для помощи освобожденным районам посылались и коренные уральцы. По сравнению с военным временем для освоения новых видов продукции требовалось больше станочников-универсалов, а не операционников. Новые производственные связи между предприятиями налаживались трудно и медленно. Сельское хозяйство находилось в упадке.

Перевод некоторых предприятий на выпуск мирной продукции начался еще в 1944–1945 гг. На Уралмашзаводе зимой 1944–45 гг. была проведена техническая конференция, наметившая программу перевода предприятия на мирные рельсы. Для подготовки к этому необходимо было в течение двух месяцев переместить 5 тыс. металлорежущих станков, ликвидировать ряд цехов, перевести из цеха в цех 10 тыс. рабочих. Три квартала завод не выполнял план. Тем не менее в конце года был выпущен тысячный трактор. В январе 1947 г. директор ЧТЗ И.М. Зальцман направил И.В.Сталину письмо с просьбой оказать помощь в поставке нового оборудования, выделить средства на улучшение бытовых и жилищных условий рабочих. Вскоре из Москвы пришло известие об оказании широкой помощи заводу.

Крупнейшие заводы Пермской области в 1946 г. выпустили 185 видов новой продукции, Челябинской – более 150, Свердловской – более 200. Уральцы на предприятиях внедряли новые технологии, механизацию и автоматизацию. Автоматика

стала применяться на металлургических предприятиях и у энергетиков. К концу четвертой пятилетки на электростанциях системы Уралэнерго были автоматизированы котлы. Послевоенная перестройка уральской промышленности успешно завершилась к концу 1946 г., в то время как по стране в целом – к концу 1947 г.

К 1950 г. производство чугуна на Урале увеличилось по сравнению 1940 г. в 2,6 раза, стали – в 2,7 раза, проката – в 2,8, выработка электроэнергии – почти в 3 раза. Доля Урала в выработке чугуна выросла с 19 до 38%, в выплавке стали – с 21 до 39%, в производстве проката – с 21 до 37%.

В послевоенный период продолжалось капитальное строительство. В Свердловской области была пущена аглофабрика на Серовском металлургическом заводе. В Курганской области построен завод сельскохозяйственного машиностроения, в Оренбургской продолжалось строительство Орско-Халиловского металлургического комбината, в Бугуруслане строились предприятия для обслуживания нефтяной промышленности. В Челябинской области построено 89 промышленных объектов. На Челябинском трубопрокатном заводе установлен и пущен на полную производственную мощность крупнейший в Европе стан по выпуску сварных труб различного диаметра.

Развитие транспорта отставало от потребностей хозяйства края, хотя перевозка грузов возросла в два раза. Станочный парк важнейших заводов был сильно изношен, морально устарел. Не получили необходимого оборудования угольная и лесная промышленность. Отставание энергетики сдерживало развитие других отраслей, несмотря на то, что были построены Широковская ГЭС на р. Сосьве Пермской области, ТЭЦ на Березникновском магниевом заводе. Не случайно только в Оренбургской области к концу четвертой пятилетки пользовались электроэнергией только 11% колхозов. Но электроэнергии вырабатывалось так мало, что она обеспечивала лишь освещение домов колхозников. И только одна треть из этих колхозов могла позволить использование электроэнергии на производственные цели.

Сельское хозяйство после засухи 1946 и 1948 гг. представляло жалкую картину. Оно не могло играть роль донора. Труд

колхозников оплачивался низко. Нормы поставок продуктов с приусадебных участков были слишком велики. Многие деревенские жители стали избегать работу в колхозах. Так, в Оренбургской области в пятой части всех колхозов нечем было оплатить трудодни. В 50% колхозов распределили на трудодни по 300 граммов хлеба. В Челябинской области в 1946 г. более 14,6 тыс. трудоспособных колхозников не выработали ни одного трудодня, а около 14,5 тыс. человек выработали меньше обязательного минимума. Для организации хлебозаготовок в области и в районы посылались уполномоченные различных рангов. К.Е. Ворошилов с А.А. Андреевым выезжали в Оренбургскую область. Для выполнения плана «любой ценой» нередко изымался семенной фонд. Немало партийных, советских работников и председателей колхозов в то время понесли взыскания, были сняты с занимаемых постов, отданы под суд за попытку оставить часть зерна для нужд колхоза. Только в Оренбургской области в 1946 г. за время хлебозаготовок было осуждено на срок от 1 до 5 лет 104 председателя колхоза, а на 183 было наложено партийное взыскание.

В сельском хозяйстве остро встала проблема руководящих кадров. Лишь 15% председателей колхозов имели высшее и среднее специальное образование.

Все это приводило к миграции сельского населения в города. Начиная с 1950 г., государство попыталось решить негативные процессы кадровой политики за счет укрупнения колхозов. На Урале было объединено 60% хозяйств. Интенсивно шел процесс объединения колхозов в Башкирии, Курганской и Свердловской областях. Мнения колхозников при этом не спрашивали. И, как во время коллективизации, в деревнях стали забивать скот, растаскивать колхозное имущество.

Кризисные явления в экономике страны побудили ее новое руководство после смерти Сталина осуществить ряд реформ. Наиболее глубокие реформы осуществлялись со второй половины 50-х до конца 60-х гг. На Урале, как и по стране, они прошли два этапа: 1-й – с осени 1953 по осень 1964 г., 2-й – с сентября 1965 до конца 1968 г. После чего началось осуществление контрреформ. Политические и управленческие преобразования в

эти годы связаны с именем Н.С. Хрущева, экономические – с А.Н. Косыгиным. Все экономические реформы начинались с аграрного сектора, как наиболее отсталого. Постепенность реформ, в конечном итоге, должна была привести к возникновению нового механизма хозяйствования, разнообразию форм собственности, адаптации хозяйственного организма страны к вставшей научно-технической революции.

Первый этап реформ был начат постановлением сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, положившего начало экономическим стимулам в сельском хозяйстве. Затем последовали постановления по развитию промышленности. Были изданы постановления по стимулированию внедрения механизации и автоматизации в производство, реформированию системы управления. Реформа проходила в условиях критики сталинизма и под лозунгом возврата к «ленинским принципам руководства». В 1957 г. отказались от отраслевого принципа управления (через министерства) и перешли к территориальному через Советы народного хозяйства (СНХ). На территории Уральского региона созданы Пермский, Челябинский, Свердловский, Оренбургский, Курганский, Тюменский, Удмуртский и Башкирский совнархозы. Жизнь показала, что это нарушило экономические связи внутри региона. Поэтому в 1962 г. проводится укрупнение совнархозов. Создано было четыре совнархоза – Западноуральский (Пермская область и Удмуртская АССР), Среднеуральский (Свердловская и Тюменская области), Южноуральский (Курганская, Оренбургская и Челябинская области) и Башкирский. В 1963 г. Башкирия была переведена из Уральского в Поволжский экономический район. (В 1982 г. она будет вновь возвращена в Уральский экономический район.) В 1961 г. восстанавливается ликвидированный в 30-е годы Уральский совет по координации и планированию работы – Уралплан.

Второй этап реформы начался решением сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о возврате к отраслевому принципу управления. В то же время получило дальнейшее развитие использование нового хозяйственного механизма на отдельных предприятиях. В 1967 г. на Урале развернулся массовый переход промышленных предприятий на новые условия

самофинансирования, рентабельности и получения прибыли. Однако июльским (1967 г.) постановлением Совета Министров СССР началось свертывание экономических реформ. Завершилось оно в конце 1968 – начале 1969 г. упразднением Уралплана. Планирование развития производительных сил Уральского экономического района (УЭР) было передано сектору Центрального экономического научно-исследовательского института и сектору при Госплане РСФСР. В рамках же единой экономической реформы за 15 лет были получены неплохие результаты.

В середине 50-х гг. сельскому хозяйству была оказана помощь в виде сокращения налогового обложения, повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, сокращения обязательных поставок. Снижались поставки продовольствия с приусадебных участков крестьянских хозяйств, а с 1958 г. они были отменены полностью.

В 50-е гг. страна, не имея возможности интенсифицировать зерновое хозяйство, вынуждена была осваивать целинные и залежные земли. Оренбуржье, Курганская, Тюменская, Челябинская области и Башкирия стали активно осваиваться новоселами. В Оренбургской области на таких землях было организовано 11 новых крупных совхозов и 13 совхозов на базе слабых колхозов и машинно-тракторных станций (МТС). В Челябинской области за это время освоено 724 тыс. гектаров земли, в Курганской области – 602 тыс. гектаров. Всего за 1954–1960 гг. освоено 2,9 млн. га целинных и залежных земель. В результате Оренбургская область стала продавать государству хлеба в два с половиной раза больше. Орденами Ленина за успехи в увеличении производства зерна были награждены Оренбургская и Челябинская области. Города помогли колхозам и совхозам техникой, кадрами рабочих, строительством жилых поселков и производственных помещений.

Целинные совхозы создавались не только на необжитых местах, но и на базе старых. Одним из них был Брединский совхоз, в котором повторил подвиг Маресьева Иосиф Иванович Ковалев, удостоенный звания Героя Социалистического Труда за освоение целины. Еще в 1943 г. он добился разрешения сесть на

трактор. Бригадир пытался ему отказать: «Что у тебя в справке написано? Ходить нельзя, стоять нельзя. Ты работал на колесном тракторе, а у нас их теперь нет, все гусеничные. С-60 не знаешь. А их мы по-прежнему заводим ломиком. Как ты сумеешь это сделать?» Солдат, опираясь на костыли, достал из кабины трактора ломик, поднялся на гусеницы, стал на колени. Вскочил ломик в отверстие маховика, всем корпусом наклонился вперед и сильно рванул на себя ломик. Мотор загудел. «Ну и силен же ты, брат», — сказал бригадир. С тех пор Ковалев стал работать на тракторе. Когда началось освоение целины, Ковалев сначала назначили помощником бригадира, чтобы обучал молодежь. Осенью 1955 г. он вновь добивается, чтобы ему разрешили сесть за трактор. В качестве сменщика он взял к себе сына, закончившего семилетку и курсы трактористов.

В некоторых совхозах на целине первый сев был неудачным. На полях пшеницу посеяли в сухую, в недостаточно обработанную почву. После весеннего сева все с нетерпением ждали дождей. Но лето 1955 г. оказалось знойным. Однако на отдельных массивах урожай собрали по 14–15 центнеров с гектара. И это обнадежило. В том же году в совхозах посадили кукурузу. Первый опыт ее возделывания удался. Собрали по 300 центнеров с гектара зеленой массы. Убирать целинный хлеб помогали горожане — рабочие, служащие и студенты учебных заведений. Не остались в стороне от оказания такой помощи и студенты Челябинского государственного педагогического института. Бригада комсомольцев-добровольцев, работая в колхозе им. Буденного Увельского района, выполняла ежедневно 2–2,5 нормы.

Постепенно улучшалось положение дел и в животноводстве. Колхозы и совхозы Урала удвоили продажу государству продовольственных продуктов.

К середине 60-х годов почти все колхозы и совхозы Урала были электрифицированы. Совхозы по производству сельскохозяйственной продукции обогнали колхозы. И это не случайно. Они получали поддержку государства. Колхозы вынуждены были собственными силами справляться с трудностями, создаваемыми государством и экстремальными климатическими условиями. С 1958 г. колхозы должны были выкупить технику

реорганизованных машино-тракторных станций, не имея средств на ее ремонт, строительство мастерских и гаражей. В 1958 г. в стране началось новое наступление на приусадебные участки колхозников и «мясная лихорадка», организованные по инициативе Н.С. Хрущева. Чтобы догнать и перегнать США по мясу и молоку, не имея на то ни экологических, ни технических возможностей, сельчан обязали сдавать за долговые расписки мясо. В деревни выехали заготовители. Только в 1959 г. на крестьянских подворьях Урала количество скота уменьшилось более чем на 1,1 млн. голов. В Курганской и Оренбургской областях было обобществлено от 71 до 75% крупного рогатого скота. Бурное «хрущевское» десятилетие принесло как успехи, так и неудачи сельскому хозяйству.

К 1970 г. на Урале завершена электрификация совхозов и в основном колхозов. Села Свердловской, Пермской и Челябинской областей получали электроэнергию централизованно. Несколько медленнее этот процесс осуществлялся в Оренбургской области и в Удмуртской АССР.

Урожайность зерновых в тех и других формах хозяйств к началу 70-х годов выросла до 16 центнеров с гектара. Этому способствовали научные изыскания уральца Т.С. Мальцева, открывшего новую эпоху в обработке земли в степных районах в области безотвального земледелия, которое позволяло сохранить влагу в почве и обеспечить плодородие не только многолетних, но и однолетних растений.

Несмотря на возросшие ассигнования денежных средств сельскому хозяйству края, они не соответствовали потребностям отрасли. К началу 70-х гг. нагрузка на каждый комбайн оставалась высокой, что затрудняло уборку зерновых культур в сжатые сроки. Взятый на механизацию животноводческого производства, специализацию хозяйств, их концентрацию курс показал свое преимущество. Именно такие хозяйства оказались рентабельными. К 1968 г. в хозяйствах Челябинской области все поголовье коров и 96% свиней были обеспечены механизированным водоснабжением. Четвертая часть поголовья коров и около половины поголовья свиней – механизированной раздачей кормов. Внедрение механизации на фермах позволило перевести

на двухсменную работу 20% животноводов области. Аналогичной была картина и в Курганской области. Соответствующие показатели были значительно выше в Свердловской области.

В середине 60-х гг. на Урале впервые были созданы областные тресты всесоюзного объединения «Птицепром». Строительство крупных птицефабрик на 100–200 тыс. голов, оснащенных современным оборудованием, позволило значительно увеличить производство мяса птицы, яиц. Появились свиноводческие, молочные, овощеводческие и другие комплексы. В Челябинской области 32 пригородных совхоза получили овоще-молочное направление, 4 – птицеводческое, 4 – свиноводческое, 6 – овощеводческое, – 35 зерновое и 14 специализировались на скорме скота.

Определенный успех реформы имелся и в промышленности. С помощью экономической реформы была предпринята попытка стимулировать работу рентабельных предприятий льготными кредитами, предоставлением самостоятельности в использовании части прибыли предприятия и др. А с 1965 г. все предприятия были переведены на хозрасчет, основными показателями которого стали прибыль, рентабельность и самоокупаемость. Варьирование системой управления – от отраслевого к региональному – на какое-то время активизировало инициативу на местах.

Уральские машиностроители энергично взялись за комплексную механизацию и автоматизацию производства. Были разработаны планы, рассчитанные на ряд лет. Созданы новые виды машин и оборудования. На международной выставке в Брюсселе в 1958 г. советский павильон представлял продукцию и уральских машиностроителей. Бензопила «Дружба» Пермского завода и проходческий комбайн, выпущенный копейчанами, удостоены золотых медалей. Западная Германия на выставке купила лицензию на автогрейдер Д-395, выпущенный челябинским заводом им. Коллющенко. Всех поразил шагающий экскаватор-гигант, представленный на выставке Уралмашем. Через девять лет, уже в Монреале, завод продемонстрирует впервые в мире уникальную буровую установку, предназначенную для бурения скважин на глубину 15 километров. Она в будущем

даст ученым возможность исследовать внутриземные процессы с температурой 190 градусов.

Для осуществления грандиозных задач необходимо было решить топливно-энергетическую проблему. Продолжала развиваться угольная промышленность. Но к 1964 г. она исчерпала свои резервы и стала нерентабельной. Нарастивались мощности старых электростанций, строились новые. К 1958 г. была создана единая высоковольтная линия ЛЭП-500 Москва – Челябинск протяженностью 1700 км. Тем самым Уральская энергосистема вошла составной частью в единую энергосистему европейской части страны. По размерам производства электроэнергии Урал занял первое место среди промышленных районов страны. Одна только Челябинская область по выработке электроэнергии на душу населения опережала такие страны, как Англия, ФРГ, Франция. В 1963 г. был пущен первый блок Белоярской атомной станции – первой атомной станции на Урале. Особое внимание было уделено освоению новых производственных мощностей, развитию химической промышленности, жилищного строительства, увеличению потребления электроэнергии на бытовые нужды. Этим задачам служило и освоение газовой индустрии.

Перевод Уральского региона на природный газ начался с 1963 г. Первая очередь газопровода Бухара – Урал на два месяца раньше намеченного срока подошла к Челябинску и Магнитогорску, а вторая, в 1964 г., – к Свердловску. Стальные нити пересекли пустыни Каракум и Кызылкум, реку Амударью, каменистое плато, пески, подвижные барханы и 420 рек и речек, каналов и соленых озер. Не было на трассе участка, где бы ни работали студенты. Всего было направлено на стройку 7000 студентов, в том числе многочисленные студенческие строительные отряды из Челябинска. В 1965 г. в летние каникулы студенты-историки педагогического института участвовали в прокладке второй ветки газопровода.

Скоростное строительство стало возможным и благодаря ударному труду трубопрокатчиков Челябинского завода. В конце 1962 г. зарубежные фирмы из ФРГ отказали нашей стране в поставке труб большого диаметра. И тогда челябинские

строители и трубопрокатчики в сильные морозы, не считаясь со временем, осуществили пуск стана на 25 дней раньше срока. В марте 1963 г. стан 1020 дал первые трубы большого диаметра. На первых трубах появилась задорная надпись: «Труба тебе, Аденауэр!»

Использование бухарского газа в металлургии и энергетике только в 1965 г. позволило сэкономить 100 млн. рублей. За три года все затраты на строительство газопровода окупились полностью.

Пуск газопровода значительно улучшил топливный баланс Урала. Однако к началу 70-х годов он оставался напряженным и полностью не удовлетворял нужды края даже в угле.

В годы реформ высокими темпами развивалась многоотраслевое машиностроение. Проведенная на Уралмашзаводе реконструкция увеличила мощности в два раза. Челябинские тракторостроители поставили на конвейер трактор с дизель-электрическим двигателем мощностью 250 лошадиных сил. В 1960 г. на ВДНХ он был удостоен золотой медали, а в 1965 г. – золотой медали Лейпцигской юбилейной ярмарки. Новые марки бензопил стал выпускать единственный в стране такого рода Пермский завод, мотоциклов – Ижевский машиностроительный, грузовых машин Урал-375 – Миасский автомобильный. Уралвагонзавод освоил выпуск вагонов грузоподъемностью 125–130 тонн. Известность в стране и за рубежом приобрели большегрузные сталеплавильные конверторы и установки непрерывной разливки стали, изготовленные на предприятиях Оренбурга. Уралмашевцы сконструировали и выпустили шагающий экскаватор с исполинским ковшом емкостью 25 кубометров и длиной стрелы 100 метров. Макет этой модели, представленный на выставке в Нью-Йорке, вызывал восхищение посетителей. Впервые в мировой практике этот же завод создал сверхмощный блюминг-автомат 1300. Он вдвое превышал производительность любого из известных блюмингов подобного типа. Людей на этом агрегате заменила электронная вычислительная техника. Только за семилетку тремя областями Урала – Свердловской, Пермской и Челябинской было освоено 900 видов новых машин.

Вступили в строй крупнейшие в стране кабельный и изоляторный заводы.

С развитием машиностроения тесно связана металлургическая промышленность. Одна Челябинская область в 1965 г. давала металла больше, чем Франция. В 1963 г. в Нижнем Тагиле вступил в строй цех-гигант сталеплавильного производства. В 1968 г. из 5 прокатных станов черной металлургии, вводимых в стране, 4 строились на Урале. Среди них – уникальный стан 2500 в Магнитогорске по выпуску холоднокатанного листа для автомобильной промышленности, стан 950/800 на Орско-Халиловском металлургическом комбинате, стан 250 на металлургическом и стан 450 на трубопрокатном заводах в Челябинске.

Перевод предприятий и транспорта Урала на новые условия планирования и экономического стимулирования был в основном завершен в 1970 году. В результате большинство предприятий ускорили темпы роста производства и производительности труда, увеличили прибыль, повысили фондоотдачу и рентабельность. За счет внедрения новых технологий производительность труда выросла в металлургической промышленности более чем в два раза, в машиностроении – более чем в три раза. Фонды развития производства позволили провести реконструкцию многих из них. А за счет роста фонда материального поощрения увеличилась заработная плата рабочих, инженерно-технического персонала, служащих в 1,2 раза. Из фонда социально-культурного назначения строилось жилье, дошкольные учреждения, пионерские лагеря, спортивные объекты.

Большую радость уральцам принесло массовое жилищное строительство «хрущевок» в крупных городах. Люди из землянок, бараков и полуподвальных помещений переехали в благоустроенные дома с горячей и холодной водой, с газом, с ванными и другими удобствами. В школах были введены горячие завтраки, на предприятиях – комплексные обеды. В столовых хлеб в тарелках выставлялся бесплатно – для малоимущих студентов он был немалой поддержкой. В городах была развернута сеть домовых кухонь. В них отпускались обеды со скидкой от 15 до 30%, что облегчало заботы работающих матерей. Цены на

обеды были доступны основной массе населения. В первой половине 60-х гг. в широкой продаже появились хлебобулочные изделия из белой муки. Однако пока еще изделия из высших сортов белой муки, к которым мы сегодня привыкли, выпекались только в столичных городах, и привезенный белый батон из Москвы рассматривался уральцами как экспонат.

В ходе осуществления реформы хозяйственные руководители привыкли проявлять инициативу и самостоятельность. Хотя последняя была ограничена различными инструкциями.

В целом возможности реформы к началу 70-х годов были исчерпаны. Повернутая пирамида цен не стимулировала дальнейшего развития научно-технического прогресса (НТП). Предприятиям дешевле и выгоднее было набирать малоквалифицированную рабочую силу. Поэтому не случайны многочисленные инициативы партийных органов по развертыванию различных форм соревнования, которые смогли бы хоть на какое-то время стимулировать рост производительности труда, внедрение различных новшеств. Но как покажут уже 70-е – начало 80-х гг., и эти меры себя исчерпали. Помимо этого проводимые реформы продемонстрировали угрозу идеологизированной централизованной системе управления. Они, в конечном итоге, подводили к рыночной экономике и, следовательно, к смене форм собственности. Ее перспективу показали события в Чехословакии 1968 года. Эмиссионная политика, раскручивающаяся со второй половины 60-х гг., уже в 1969 г. привела к первому потребительскому кризису. Итогом этого явилось сворачивание реформ с начала 70-х гг. Правительство страны вернулось к отраслевому принципу руководства. Но рост влияния региональных и отраслевых элит делал практически невозможной эффективную структурную политику. Экономическая политика государства в эти годы лавировала между отраслевыми и региональными интересами при инфляционном процессе в финансовой области, дополненная стремлением обеспечить низкий гарантированный уровень жизни населения страны. Снижение эффективности внутреннего производства было замаскировано улучшением конъюнктуры мировых рынков на нефть. Все это вместе взятое также тормозило НТП.

Урал в 70-е – начале 80-х гг. продолжал развиваться. Промышленность оставалась рентабельной. Производительность труда была в 1,5 раза выше, чем в среднем по СССР. Грузооборот превышал показатели по стране в 3 раза. Увеличилась доля механизированного труда с 28% в 1960 г. до 40% в 1980 г., автоматизированного соответственно с 1 до 8%. Только в Челябинской области автоматизированных предприятий в 1985 г. насчитывалось 20%. В эти годы происходила ускоренная индустриализация окраинных частей Урала, особенно Удмуртии, Зауралья, Оренбургской области.

Строятся и расширяются такие предприятия, как Камкабель, Ижевский автомобильный и Курганский автобусный заводы, прядильно-ткацкая фабрика в Челябинске (1986 г.), цех посуды и нержавеющей стали в Аше и др. Подсоединение к энергосистеме «Мир» дало возможность увеличить потребление электроэнергии как городами, так и сельскими районами. Если в 1965 г. колхозы и совхозы Челябинской области потребляли около 158 млн. квтч, то в 1984 г. уже около 1,4 млрд. квтч. В 1977 г. закончено строительство второй ветки газопровода, которая прошла через горнозаводские районы. Уровень газификации только Челябинской области составил более 60%. Свою продукцию предприятия Урала отправляли в 60 стран мира.

Но уже в середине 70-х гг. хозяйственные и партийные руководители региона забили тревогу перед центром о том, что Урал превращается в донора, не получая взамен достаточных средств на его развитие. Основную долю в регионе составляли добывающая и перерабатывающая промышленность. Урал оставал по розничному товарообороту на душу населения в целом от РСФСР, в том числе и от Центрального и Северо-западного районов страны. Даже товары народного потребления, производящиеся в регионе, отправлялись в другие области и республики. В 1985 г. в Челябинской области было произведено холодильников на 7%, радиоприемных устройств на 33% и стиральных машин на 17% больше. А выделено области холодильников на 12%, радиоприемных устройств на 30%, стиральных машин на 10% меньше. По таким показателям, как количество врачей на 10 тыс. жителей, число специалистов с высшим и средним

специальным образованием, количество вводимого жилья на душу населения, квадратных метров жилья на одного жителя Урал также отставал от средних показателей по РСФСР. И это не случайно: 60% уральской прибыли уходило в государственный бюджет и только 20% в среднем оставалось предприятиям. Но и здесь шло перераспределение прибыли. Так, у Магнитогорского металлургического комбината из 30 копеек прибыли выжимали 15, у ЧТЗ из 1 рубля – 65 копеек. Зато у Ивановского машиностроительного завода из 50 копеек забирали только 2.

В результате основные производственные фонды состарились на 50%. Срок сменяемости оборудования достиг 15–30 лет, тогда как в развитых капиталистических странах он составлял 5–7 лет. Процессы механизации и автоматизации так и не были завершены. С начала 80-х гг. начал сокращаться выпуск средств автоматизации. Страна не смогла перестроиться на создание энергоемких технологий, как это сделал Запад. Даже при недостатке средств и исчерпанных трудовых ресурсах промышленное развитие края шло по экстенсивному пути, удельный вес которого составлял 70%. Началось снижение темпов прироста электроэнергии. В 1976 г. в Челябинской области вступил в строй последний энергоблок, в результате на бытовые нужды населения области электроэнергии тратилось только 5%, тогда как по стране 11%, в США – 47%. В сельском хозяйстве фондовооруженность труда была на 40% ниже, чем в промышленности, и среднегодовые темпы роста основных производственных фондов села были ниже, чем в среднем по РСФСР.

Экологическая обстановка в крае к началу 80-х гг. оказалась угрожающей. Загрязняющее влияние промышленных центров сказывалось на расстоянии 200–300 км. Вокруг городов образовались техногенные пустыни. Чрезвычайная экологическая ситуация создавалась в городах Березняки, Свердловске, Магнитогорске, Стерлитамаке, Уфе, Челябинске, Соликамске, Каменск-Уральском, Первоуральске и Нижнем Тагиле. Город Карабаш был включен в международный «Черный список планеты». По выбросам отходов в атмосферу Урал занял первое место в Российской Федерации. На каждого жителя региона

приходилось свыше 450 кг в год газодымных отходов, в том числе по Челябинску – 700, Свердловску – 600 кг.

Только в 1980 г. Госплан СССР признал целесообразным разработать целевую комплексную программу «Интенсификация промышленного производства Урала на 1986–1990 гг.». Но эта программа так и осталась на бумаге, так как начались необратимые процессы реформирования политической системы и собственности.

§ 2. Культурная и общественно-политическая жизнь

После окончания Великой Отечественной войны партия и правительство поставили задачу осуществить семилетний всеобщ. Благодаря этому, за четвертую пятилетку в четырех областях Урала построили 198 школ. В декабре 1958 г. был принят Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Выполняя его, уральцы осуществили переход ко всеобщему восьмилетнему образованию, с 1959 г. начали реформу школьного образования – реорганизацию школ в одиннадцатилетние с целью их политехнизации. В школах вводилось производственное обучение без учета наличия материально-технической базы. Местные партийные органы вынуждены были обязывать предприятия помогать школам в ее создании. В какой-то мере эти недостатки были исправлены в 1964 г. переводом школ на десятилетнее обучение с сохранением профессионального обучения только там, где имелась материальная база.

Новый подъем переживали вечерние школы, в которых обучалась не только молодежь, но и люди солидного возраста. Порой за партой сидели родители вместе со старшими детьми. В 1959 г. в старшие классы школ рабочей молодежи (ШРМ) прошло учащихся больше, чем в массовые школы.

Рубеж 70-х гг. ознаменовался завершением восьмилетнего всеобщего и переходом к всеобщему среднему. В середине 80-х годов на Урале в 10 тысячах общеобразовательных школ всех типов обучалось более 3 млн. человек.

В эти же годы осуществлялась широкая программа расширения профессионально-технических училищ. Появились новые типы техникумов. Они позволили приблизить учебный процесс к производству. Всего к концу 80-х гг. на Урале работали 3956 техникумов.

Получили дальнейшее развитие вузы. В первое послевоенное десятилетие в них расширялось количество специальностей, открывались новые факультеты, часть техникумов преобразовывались в высшие учебные заведения, некоторые слили и укрепили. В начале 60-х гг. расширилась сеть заочного и вечернего обучения. Изменился контингент вузов. Если после войны они комплектовались за счет фронтовиков и частично школьников, в 50-е гг. – за счет школьников, то в 60-е гг. на 70% стали комплектоваться за счет производственников со стажем работы не менее двух лет.

В 70-е гг. расширилась сеть экономических и гуманитарных институтов: в 1975 г. на Урале действовало 42 вуза, в 1985 г. – 57.

Посещение Урала в годы Великой Отечественной войны с концертами крупнейшими музыкантами-исполнителями, композиторами, педагогами Д. Кабалевским, Д. Ойстрахом, Г. Нейгаузом и др. оказало влияние и на развитие музыкального искусства края. В дальнейшем благодаря Уральской консерватории композиторская школа стала одной из крупных в России. Ее прославили С.М. Гальперин, Г. Топорков, Е. Радыгин. Песни последнего «Уральская рябинушка», «Небо темно-синее» стали известны за пределами Урала.

В 1966 г. правление Союза композиторов РСФСР приняло решение о создании Уральского отделения. Расширялся тематический и жанровый круг творчества уральских композиторов. В. Биберган написал «Променад-сюиту», музыку к ряду фильмов, В. Кобекин – серию камерных опер, С. Сироткин – «Уральскую сюиту», пьесы для народных инструментов. Большую концертно-просветительскую работу вели Удмуртская и Свердловская филармонии – в 70-е гг. успешно выступали симфонический оркестр под управлением молодого дирижера Валентина

Кожина и на базе филармонии Уральский государственный народный хор.

В изобразительном искусстве, литературе, живописи Урала в послевоенный период преобладали темы Великой Отечественной войны.

В 60–70-е гг. многие уральские художники были участниками международных, всесоюзных, республиканских и региональных выставок. На всесоюзных выставках «Советская Россия» внимание специалистов и зрителей привлекали картины челябинского художника М. Ткачева, выполненные сложной техникой монотипин (вид графики). За картины, посвященные целинникам, в 1975 г. ему было присвоено звание «Заслуженный художник РСФСР». С конца 60-х, в 70-е гг. на Урале в художественную среду влилась молодежь, обогатившая живопись новыми формами – монументальными и декоративными. С искусством Н.Д. Аникина, В.В. Качалова, К.В. Фокина и др. пришло понимание пластической формы как способа понимания мира чувств.

В скульптуре заметно усилилась жанровая тематика. Широко стали использоваться различные материалы – дерево, мрамор, чугун, усилилось внимание к монументальной пропаганде. В 1975 г. Лев Головницкий создает скульптурное произведение «Орленок», украсившее вход в детский парк на Алом поле. Позднее в его исполнении появился памятник первостроителям Магнитки, мемориал воинам-уральцам и др. За заслуги в развитии изобразительного искусства Президиум Верховного Совета РСФСР в 1980 г. удостоил Л.Н. Головницкого почетного звания «Народный художник РСФСР».

В 60–70-е гг. в обществе высок авторитет писателей, поэтов, подкрепляемый государственными привилегиями. Они имели Союз писателей, возможность публиковаться, ездить с творческими отчетами по городам и селам Урала и страны. Благодаря литературному фонду, у них появился свой почетный орган – газета «Уральская новь» (1960 г.). В конце 70-х гг. возникли поэтические клубы. Уральская молодежь увлекалась чтением стихов В. Сорокина, Л. Татьянической, М. Львова, Я. Вохменцева и др., произведений П. Смычагина,

М. Гроссмана. Событием для уральцев были творческие лагеря
многих поэтов Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Возне-
шевского.

В послевоенный период выросла сеть музыкальных теат-
ров Урала. В 1956 г. открылся Челябинский театр оперы и бале-
та, который начал строиться еще в 1937 г. К 1941 г. здание было
почти готово, но в годы войны в нем разместились заводы, ко-
торые прокопчили стены театра, поэтому после войны при-
шлось пустить в работу буровые приборы, чтобы снять бетонное
покрытие со сцены, а паяльными лампами в течение нескольких
лет выжигать масло, пропитавшее стены. Только после этого
вестибюль и парадные лестницы были украшены мрамором
Прохоро-Баландинского месторождения, а фойе и зал люстрами,
свечниками, плафонами, торшерами, бра, изготовленными из
бронзы и хрусталя. Бригада художников под руководством ака-
демика А. Дейнеки осуществила роспись театра. 29 сентября в
торжественной обстановке дирижер И. Зак взмахнул палочкой, и
звучали звуки героической музыки бессмертного
произведения А.П. Бородина «Князь Игорь». Театру было
присвоено имя М.И. Глинки.

Лабораторией советской оперы стал Пермский театр опе-
ры и балета. Его балетная труппа в 70-е гг. стала в один ряд с
прославленными коллективами Большого театра и Ленинград-
ского театра им. С.М. Кирова. Пермские артисты представляли
наше искусство в Японии, Индии, Франции, Австрии, Польше,
США и других странах. В июне 1973 г. на II Международном
конкурсе артистов балета Гран-при и золотую медаль увезла в
Пермь воспитанница хореографического училища Надежда
Павлова, серебряную медаль – Ольга Ченчикова. Вскоре Надеж-
да Павлова станет солисткой Большого театра.

На творческом подъеме находились в эти годы театры
драмы, народные театры и самодеятельные коллективы. Заслу-
женной известностью в стране пользовались Оренбургский и
Прикамский народные хоры.

Большая работа в послевоенный период проводилась по
подъему культуры деревни: расширялась и укреплялась матери-
альная база сельских культурно-просветительских учреждений,

развивалась художественная самодеятельность, крепили шефские связи городских творческих коллективов с селянами. К середине 70-х гг. на Южном Урале в сельской местности функционировали 3605 клубных учреждений и 2114 библиотек, около 188 тыс. человек занимались самодеятельным художественным творчеством.

С одобрением были встречены уральцами решения XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездов партии, разоблачающие культ личности Сталина и обещающие населению страны жизнь при коммунизме. С небывалым восторгом и ликованием следили жители края за пуском на орбиту первого советского спутника земли, полет первого советского космонавта Ю.А. Гагарина, первой женщины-космонавта Валентины Терешковой. В те годы партия умело способствовала развитию инициативы трудовых коллективов и общественных организаций. Широкое распространение получили народные дружины, домовые и уличные комитеты, женские советы, внештатные комитеты торговли и общественного питания. На общественных началах стали возникать научно-технические общества, общества изобретателей и рационализаторов, советы новаторов, общественно-конструкторские бюро, постоянно действующие производственные совещания. Развернулось движение за звание бригад, цехов, целых заводов коммунистического труда. Общежития, дома улицы боролись за звание образцового коммунистического быта.

9 мая 1965 г. страна впервые торжественно отмечала 20-летие победы над фашистской Германией. Не только в городах-героях, но и во всех областных и республиканских центрах разрешено было произвести праздничный салют. На площадях и улицах городов Урала в тот день было столько же народа, как и в день победы 9 мая 1945 года. Ощущалось какое-то небывалое единение. Широкое празднование Дня Победы способствовало возникновению краеведческого движения. Поиск пропавших героев, походы по местам боев, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, присвоение улицам, школам имен забытых героев – все это стало неотъемлемой частью жизни молодежи. Часть населения Урала, особенно интеллигенция,

студенчество, оказалась восприимчивой к хрущевской «оттепели». Публикации в журнале «Новый мир» В. Померанцева и Ф. Абрамова, В. Овечкина и Ф. Панферова, В. Пановой и И.Эренбурга будоражили общество правдивой постановкой социальных проблем. Роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» стал любимым произведением либерально настроенной интеллигенции. Самой радикальной литературной работой, разрешенной к публикации, был роман А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

На выступления интеллигенции активно отвечало студенчество. Ученый совет Уральского университета вынужден был обсудить студенческий самиздатовский журнал 3-го курса «В поисках», в котором поднимались вопросы о том, что в стране и в университете слова расходятся с делами, а Конституция не выполняется. Ректор и преподаватели отметили его антисоветскую направленность. В менее крупных вузах Урала до таких серьезных выступлений дело не доходило. Были отдельные студенты, высказывающие недовольство существующим строем, но они не встречали поддержки среди однокурсников. Другие, изучая запрещенного Троцкого, пытались его пропагандировать. После окончания института они не находили работу и вынуждены были либо работать не по специальности, либо уезжать за границу.

Новое руководство страны во главе с Л.И. Брежневым притормозило процесс демократизации общества. На XXIII съезде был отменен § 25 Устава партии, определяющий обязательную норму обновления ее руководящих органов. Замедление притока свежих сил в партию привело к застойным явлениям в кадровом составе. Выбранные после съезда первые секретари Курганского и Удмуртского обкомов КПСС «задержались» на своих постах более двадцати лет. В Челябинском, Свердловском, Пермском они продержались несколько меньше в силу их перемещения центром на другие должности. Начала быстро формироваться партийно-хозяйственная местная элита.

В условиях кадрового застоя создается закрытый для посторонних «свой круг», в котором складывается ощущение собственной исключительности. В 70-х гг. получает

распространение тезис о династиях рабочих, колхозников, учителей, что подразумевало и семейную преемственность партийных чиновников. Одновременно в обществе возникает система распределения материальных благ для номенклатуры руководящих работников. В этой ситуации начал падать авторитет органов власти. Население теряло веру в идеалы коммунизма.

События в Чехословакии (1968 г.), подписание некоторых разделов Хельсинкского документа по правам человека (1975 г.) вызвали в столице волну открытого диссидентского движения. Идеологи партии пытались найти какие-то новые формы патриотического воспитания. Повсеместно проходили широкомащтабные мероприятия по случаю выхода брошюры Л.И. Брежнева «Малая земля». Но эффект получился обратный. Слышны были недоумения фронтовиков: «Никто не отрицает подвига защитников Малой земли. Но почему Малая земля затмила все другие военные операции Великой Отечественной войны?» На Урале диссидентское движение продолжает оставаться внутренним. В 1975 г. А.В. Аваков, 1954 года рождения, выпускник математико-механического факультета Уральского университета, явился автором распространенной в Свердловске листовки, заключительные слова которой были представлены лозунгами: «Амнистия заключенным! Долой КГБ – советское гестапо! Да здравствует свобода слова и средств массовой информации! Да здравствует революция!» Автор листовки был осужден на 1,5 года. В 1981 г. он эмигрировал в США.

Обеспокоенное политическое руководство страны в мае 1977 г. принимает постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей». В нем отмечалось, что людей, уличенных в диссидентском движении, будут привлекать к ответственности по статье 70 Уголовного кодекса. В этом же году было организовано обсуждение проекта новой Конституции, прошедшее на Урале, как и во всей стране, при большой активности населения. Были предложены сотни поправок.

После окончания Великой Отечественной войны церкви было указано на свое место в советском обществе. С 1948–1949 гг. на Урале прекращается открытие новых храмов и

молитвенных домов. За период с 1948 по 1954 год правительство не приняло ни одного положительного решения об удовлетворении ходатайств верующих. Ограничивается проповедническая и благотворительная деятельность священнослужителей. Набирает силу процесс закрытия действующих храмов и передачи их административным органам. Так, в мечети города Перми долгие годы находился архив обкома КПСС. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР (октябрь 1958 г.) началось изъятие и сокращение земельных угодий монастырей. Широкая антирелигиозная пропаганда вызвала к жизни религиозный самиздат. В 60-е гг. наступление на церковь усиливается. В 1975 г. в Свердловске была взорвана церковь Вознесения Христова, в здании которой в 60-е г. размещался склад насосного завода. С 1981 г. без разрешения государства стало невозможным собирать религиозные съезды, открывать духовные учебные заведения, издавать религиозную литературу. И это при том, что церкви выступали активными борцами за мир, вносили свои пожертвования в фонд мира. Только Пермская епархия сдавала в фонд мира четвертую часть своих доходов. В 1981 г. почетными грамотами областного комитета защиты мира были награждены церковные советы 9 церквей Пермской области.

Таким образом, предкризисное состояние структуры власти страны негативно отражалось и на Уральском регионе. Смена политических лидеров в первой половине 80-х гг. в связи с их уходом из жизни еще более обострила все накопившиеся противоречия как в стране, так и в крае.

Глава XI. Урал в условиях кризиса в конце XX века

§ 1. Урал в период перестройки и распада СССР

К началу 1980-х гг. существовавший в СССР политический режим оказался неспособным к дальнейшему саморазвитию, к новому модернизационному процессу. Большинство элементов советской экономической системы испытывали кризис. Среди них: государственная собственность, ценовая политика перевернутой «пирамиды», система госзаказов, планирование

от достигнутого, валовой показатель определения эффективности работы предприятий, планирование без прогнозирования и программирования и многое другое. В 80-е гг., в условиях противостояния сверхдержав, наращивание ВПК, а также безвозмездная военная, экономическая помощь странам третьего мира и социалистическому лагерю становилось тяжелой ношей для государственного бюджета. Начавшаяся к началу 80-х гг. стагнация хозяйственной жизни страны активизировала националистические движения. Кризис коммунистической идеологии в конце XX в., так же как и кризис либеральной идеи в начале века, проявился в полную силу.

В 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал М.С. Горбачев. Не получив быстрых результатов по программе ускорения, он решил сделать ставку на демократизацию общественно-политической жизни страны. Ее основными компонентами стали: новое политическое мышление, плюрализм мнений, борьба с пьянством, демократизация кадровой политики, выбор делегатов на съезды народных депутатов, реформирование партии, свобода различных политических партий и движений, деидеологизация истории советского общества.

Урал поддержал горбачевские реформы. В письменных опросах, которые проводились Свердловским обкомом партии, рабочие предлагали: «Перво-наперво создать необходимые условия людям, чтобы они могли проявить свои лучшие качества в труде, наладить ритмичность производства, дисциплину труда, внедрять научно-технический прогресс, улучшить бытовые условия рабочих».

Однако проведение серьезных экономических преобразований подменялось демократическими играми по решению кадровых вопросов, борьбой с пьянством, выборными кампаниями в Верховный Совет СССР и РСФСР. Только по Свердловской области в период с 1985 по 1987 г. вопросы борьбы с пьянством обсуждались на 396 заседаниях исполкомов и 17 сессиях городских и районных Советов народных депутатов.

Предоставление некоторой финансовой и торговой самостоятельности предприятиям привело к бартерным сделкам и обогащению руководства многих структур. Областная

газета «Вечерний Свердловск» от 15 января 1990 г. писала: «Сельскохозяйственные коллективы области везут продукцию в другие регионы, в которых они могут ее продать дороже. Покрывают все штрафы за недопоставку продуктов свердловчанам и при этом имеют огромную прибыль. В 1989 году из разряда достаточных товаров выбыло около тысячи наименований, так как демонтаж административной системы не был связан с обеспечением действенных экономических рычагов».

Во многих областях Урала были введены талоны на продовольственные товары. Люди простаивали по несколько часов, чтобы получить свои положенные 200–300 г сливочного масла, колбасных изделий. Дошли до того, что ввели талоны на спиртоводочную продукцию. Несмотря на это, ситуация продолжала ухудшаться. Об этом красноречиво свидетельствует справка отдела торговли и бытового обслуживания правительства Российской Федерации от 29 ноября 1991 г.: «Пермская область – на декабрь выданы талоны на животное масло по 200 г на человека. Но нет животного масла, нет растительного масла, нет сахара, хлеб с перебоями при больших очередях; не хватает 15 тыс. т муки на хлебопечение. Свердловская область – молоко по талонам для детей и беременных женщин. Масло животное в свободной продаже по договорным ценам по 70 руб. за кг. Хлеб в свободной продаже в Екатеринбурге только ржаной; в 25 районах введены карточки на хлеб. Масло растительное по договорной цене с перебоями; соль, спички – по талонам, рыбы нет. Мыло по талонам – 200 г на человека, непродовольственные товары повышенного спроса продаются только сдатчикам сельскохозяйственной продукции. Челябинская область – масло по талонам, молоко в течение часа при больших очередях; масло животное по договорным ценам – 37 руб. за кг. Хлеб в свободной продаже только в Челябинске и Магнитогорске, в остальных городах талоны по 200–250 г хлеба в день на человека. Рыбы и чая нет, спички по талонам, непродовольственные товары распределяются по предприятиям».

В условиях распада хозяйственных связей активизировались различные политические движения, которые выдвигали популистские лозунги и тем самым способствовали

политической дезинтеграции страны. Так, в феврале 1990 г. в предвыборной платформе кандидата в депутаты Верховного Совета РФ, активного участника дискуссионной трибуны И.Ц. Цалковского провозглашалось: «Уральскую промышленность – под контроль уральцев. Платить Уралу по труду. Закрывать вредные предприятия. Сколько мы даем стране – столько она дает нам! Сделать Россию суверенной, независимой республикой!» Таким образом, Урал также включился в «парад суверенитетов», организованный союзными республиками. Процесс закономерный в условиях экономического хаоса.

Создание Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) большинство уральцев восприняло настороженно. Люди большей частью выжидали: что же будет дальше? Каким образом будут разворачиваться события в Москве? Причем это в значительной степени относилось как к работникам органов власти, так и к рядовым гражданам. Лишь относительно небольшая часть населения, в первую очередь члены движений и партий реформаторской ориентации, с самого начала решительно осудили попытку государственного переворота и приняли участие в акциях, направленных на противодействие приказам ГКЧП. Несколько особняком стоит в этом отношении Свердловск, где поддержка Б. Ельцину, президенту Российской Федерации, бывшему секретарю обкома КПСС, выступившему против ГКЧП, была, по-видимому, действительно массовой.

19 августа на заседании исполкома Челябинского областного Совета было отмечено, что на территории области продолжают действовать законы РСФСР. Президиумам Верховных Советов СССР и РСФСР было предложено созвать сессии, на которых выразить отношение высших органов государственной власти к сложившемуся положению. Исполком областного Совета обратился к южноуральцам с призывом сохранять спокойствие и выдержку, трудиться на своих рабочих местах, не допускать гражданского неповиновения, избегать любых актов насилия. Председатель Челябинского областного Совета народных депутатов П.И. Сумин, выступая перед депутатами 22 августа 1991 г. сообщил, что уже в первый день переворота, полученный текст обращения Б.Н. Ельцина, И.С. Силаева и Р.И. Хасбулатова был

обнародован по телевидению, а на утро – по радио. Вечером 22 августа состоялось заседание исполкома, где единогласно было принято заявление о верности законно избранной власти России, указам президента России. Заявление исполкома областного Совета было поддержано Челябинским, Магнитогорским, Южно-уральским, Троицким, Катав-Ивановским и абсолютным большинством других городских и районных Советов. П.И. Сумин заявил, что было принято решение отказаться от проведения политической забастовки, к которой призывал Б.Н. Ельцин. Причина – тяжелое положение, в котором оказалась экономика области.

Аналогичные решения приняло руководство других областей Урала. Органы власти всех областей Урала с разной степенью решительности – одни чуть раньше, другие чуть позже – выступили в поддержку правительства России; распоряжения ГКЧП на их территории практически не действовали. Однако и призыв Б. Ельцина к всеобщей политической стачке органы власти областей Урала проигнорировали. Это позволяет сделать вывод, что события 19–21 августа для них явились полной неожиданностью. В обстановке противостояния они первоначально стремились занять выжидательную позицию, которая с течением времени все больше и больше трансформировалась в позицию поддержки Б.Н. Ельцина.

Партии и движения реформаторского направления «Демократическая Россия», «Народный фронт» и другие сразу и безоговорочно выступили на стороне Б.Н. Ельцина. Они предприняли ряд мер, направленных на срыв мероприятий ГКЧП на Урале. Ими были организованы митинги, пикетирование, распространение воззваний Президента России, зачастую их члены вступали в отряды, которые предусматривалось при необходимости направить в Москву, на защиту Белого дома. Действовали они чрезвычайно активно, что на фоне сдержанного и безразличного отношения большинства уральцев к происходящим событиям было очень заметно. В своих мероприятиях члены реформаторских партий активно взаимодействовали с членами КПСС, стоявшими на позициях радикального реформирования партии. Руководящие же органы КПСС в областях и

республиках Урала заняли откровенно выжидательную позицию, фактически устранившись от борьбы на той или иной стороне. Характерно в этом смысле заявление бюро Челябинского обкома КПСС, опубликованное 21 августа 1991 г. В нем члены бюро призывали жителей области не торопиться с категорическими оценками относительно законности происходящего. Далее следовал призыв сохранять спокойствие и не поддаваться на призывы к забастовке. В этом заявлении нет места ни поддержки действий ГКЧП, ни поддержки действий президента России.

Председатель исполкома Челябинского областного Совета народных депутатов П. Сумин сообщил, что он дважды в день встречался с военными, сообща анализировали ситуацию и прорабатывали совместные действия. По его данным, из управления Уральско-Приволжского военного округа пришла команда выставить в городах области боевые машины, бронетранспортеры, солдат с автоматами. Цель – демонстрация силы. По согласованию с руководством областного Совета командиры воинских частей, расквартированных в области, этот приказ проигнорировали.

Практически во всех областях и республиках Урала состоялись митинги в поддержку Б. Ельцина. Часть трудовых коллективов объявила предзабастовочную готовность, а некоторые (в Свердловской области) и реально остановили свои предприятия. Однако митинги по-настоящему массовыми были лишь в Свердловской области, где в них приняло участие, по разным оценкам, от 100 до 130 тыс. человек, в остальных областях и республиках – от нескольких сотен до нескольких тысяч. Средства массовой информации в те дни практиковали уличные опросы населения. Судя по опубликованным в них ответам на вопросы корреспондентов об отношении к происходящему, представления большинства уральцев о событиях, связанных с ГКЧП, были довольно туманными. Часть говорила о том, что порядок наводить надо, но методы должны быть законными, другие – их было особенно много – безоговорочно выступили на стороне российского правительства, некоторые заявили о поддержке ГКЧП, а были и такие, что заявили, что ничего в происходящем не понимают.

§ 2. Урал в постсоветской России

На экономическое положение в Уральском регионе в 1990-е гг. огромное влияние оказали распад СССР и «шоковая терапия» по Гайдару.

Гайдаровские реформы либерализации всех сфер экономической деятельности были сопряжены как с огромными трудностями, так и с дальнейшим спадом производства, ростом социального напряжения в регионе. Объем производства в Уральском экономическом регионе (УЭР) в 1992 г. снизился на 17%, в том числе в машиностроении – почти на 1/3. Наибольшее сокращение производства произошло в Курганской области – на 20%, в Свердловске – на 20%, в Удмуртии – на 22%. Удельный вес безработных по Челябинской, Свердловской, Пермской, Курганской областям и Удмуртии составил в среднем 6%, превысив общероссийские показатели 5,5%.

В 1992 г. одна пятая часть российских забастовок приходилось на Урал. Но в отличие от других районов они были менее многочисленны. 26 тысяч бастующих – не так много для крупного индустриального региона. Наибольшую активность проявили труженики Челябинской области. На нее пришлась половина всех забастовок ее участников. Спокойствие проявили жители Башкортостана, активно выступавшие в 1991 г. Степень активности и причины выступления в каждом крае обуславливались экономическими, национальными особенностями, силой организованности политических движений. В Челябинской области активность проявляли шахтерские города и поселки. В Башкирии отсутствие забастовок объяснялось выжидательной позицией руководства республики и националистических движений. В Оренбургской и Курганской областях реформы меньше всего задели их ведущий аграрный сектор, в результате в них также наблюдалось спокойствие.

Гайдаровские реформы ускорили процесс децентрализации и разгосударствления собственности путем ее масштабной приватизации. Зарождались новые формы собственности. В 1992–1993 гг. предприятиями негосударственных форм собственности в машиностроении Урала выпускалось от 6 до 15%

продукции. Наибольшая доля акционерных обществ имела в промышленности Башкортостана, которыми производилось 14% продукции. Кооперативами Урала и другими предприятиями негосударственных форм собственности было выполнено 20% объема подрядных работ. В структуре инвестиционных фондов был заметен рост средств негосударственных структур. В Свердловской области их доля выросла с 6,7% (1992 г.) до 33,6% (1993 г.).

Отсутствие законодательной базы, регулирующей деятельность негосударственных структур, привело к росту криминальной ситуации в крае. Число преступлений выросло почти в два раза. 15 января 1993 г. на имя Б.Н. Ельцина представителем Президента по Свердловской области было отправлено письмо, в котором высказывалась озабоченность тем, что «...социально-политическая обстановка в Свердловской области... достигла такого состояния, когда уже с уверенностью можно утверждать, что наша страна активно приступила к построению нового, невиданного в мире государства, управляемого организованной преступностью. Эта модель существенно отличается от модели латиноамериканских стран, где у власти удерживается, несмотря на давление мафии, промышленная олигархия, отстаивающая свои интересы с помощью коррумпированного чиновничества.

В нашей стране, вероятно из-за отсутствия сколько-нибудь значимого частного капитала, приблизительно с начала 1992 года стала активно оказывать влияние на властные структуры примитивно уголовная «паханская» верхушка...»

И действительно, в стране не было не только нового законодательного кодекса, но и новой конституции, отражающей реальность создавшейся ситуации. По меткому выражению Е. Гайдара в его книге «Дни поражений и побед», в стране наблюдалось двоевластие и связанная с ней анархия. В Свердловской и Челябинской областях были предприняты попытки создания Уральской и Южноуральской республик.

На референдум 23 апреля 1993 г., проводившийся по всей стране с целью выяснения уровня доверия населения к различным ветвям власти, в Свердловской области был включен еще один вопрос: «Поддерживаете ли вы повышение статуса Свердловской области до статуса республики в составе

туса Свердловской области до статуса республики в составе РФ?» Более 83% принявших участие в референдуме, а в нем приняли участие около 60% жителей области, на этот вопрос ответили утвердительно. Через два месяца, 1 июля 1993 г., Свердловский облсовет, опираясь на итоги референдума, провозгласил Уральскую республику.

Большинство населения области поддержало этот процесс. Однако группа депутатов областного Совета во главе с Ю. Липатниковым выступила резко против. Они заявили, что подобные действия ведут к дезинтеграции и развалу России. Реакция федерального центра на действия руководства Свердловской области, нацеленные на преобразование области в республику, была неоднозначной. Пресс-секретарь Президента РФ В. Костиков распространил заявление, в котором оценил эти действия как дестабилизацию власти и углубление кризиса. От имени Президента В. Костиков призвал депутатов Свердловского Совета приостановить свое решение до согласования этого вопроса в ходе следующих этапов конституционного совещания. В то же время идея создания Уральской республики нашла понимание в Верховном Совете РФ. По информации Э. Росселя, первый заместитель председателя парламента Ю. Воронин заявил о поддержке усилий руководства Свердловской области.

В сентябре 1993 г. в основном была закончена работа над первым вариантом конституции Уральской республики. После подписания Б. Ельциным Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» руководство Свердловской области интенсифицировало работу по легитимизации Уральской республики, стремясь придать ей полностью легальный статус до соответствующих изменений или принятия новой Конституции РФ. В октябре была опубликована вторая редакция Конституции Уральской республики. Она не предусматривала права выхода республики из состава России, содержала механизм разделения властей и гарантии местного самоуправления. Высшими органами государственной власти являлись губернатор, избираемый всем населением области, правительство, председатель которого назначался парламентом по представлению губернатора, двухпалатное

законодательное собрание (нижняя палата – дума, верхняя – палата представителей).

27 октября Конституция Уральской республики была принята облсоветом, 30 октября вступила в силу. Однако действия руководства Свердловской области не нашли поддержки у Президента России. 9 ноября появился Указ Президента о роспуске Свердловского областного Совета. Указ квалифицировал действия облсовета как нарушение Конституции Российской Федерации, прекращал полномочия облсовета и поручал главе администрации подготовить и провести выборы в новый областной представительный орган. На следующий день появился Указ об отстранении Э. Росселя, который «предпринял действия, направленные на неисполнение Указа «О поэтапной конституционной реформе». В Свердловской области Указ Президента, который фактически похоронил надежды значительной части населения на создание Уральской республики, был воспринят негативно. Все главы администраций области подписали обращение к Президенту об отзыве Указа о снятии Э. Росселя. В Свердловской области было создано движение «Преобразование Урала», провозгласившее в качестве программной установки борьбу за равноправие субъектов Российской Федерации.

На заседании Челябинского малого областного Совета в июле 1993 г. было принято решение о проведении мероприятий, направленных на преобразование Челябинской области в Южноуральскую республику. Цель – улучшение условий для социального и экономического развития области, повышение ее государственно-правового статуса. Облсовет поручил районным, городским, сельским и поселковым Советам провести опрос населения и внести предложения по механизму реализации этой идеи. Один из депутатов областного Совета, А. Саломаткин, заявил, что это решение существенно расширит возможности области в решении экономических проблем. Кроме того, это обеспечит независимость органов исполнительной и законодательной власти от центра, что позволит в будущем избежать той кризисной ситуации, в которой оказалась область на тот момент. В связи с тем, что Президент РФ Б. Ельцин отказался признать избранного главу администрации области П. Сумина. В конце

июля – начале августа 1993 г. сектор экономической социологии академэкоцентра Уральского отделения Российской академии наук провел опрос населения области по отношению к инициативе областного Совета. Его данные показали, что 28,8% опрошенных южноуральцев поддерживают идею преобразования области в республику, 52% – за повышение государственного правового статуса области. Негативно оценивают эту идею 30,9% опрошенных. Однако эти результаты не обескуражили инициаторов преобразования области в республику. Ими был сделан вывод, что необходимо более подробно разъяснить населению принципы существования предполагаемой республики; отсутствием у нее реальной возможности стать независимым государством будет дан толчок распаду России. В непонимании этого, по их мнению, – причина относительно низкого уровня поддержки этой инициативы.

В отличие от Свердловской области идея преобразования Челябинской области в Южноуральскую республику встретила довольно серьезное сопротивление в самой области.

Неподчинение Уральского региона центру проявилось в проведении приватизации. Местные власти стремились осуществить полный контроль над приватизацией. Добивались они этого путем акционирования предприятий с переводом контрольного пакета акций в распоряжение местных комитетов госимущества. Башкортостан принял свой закон о приватизации, который противоречил федеральному. Он запрещал распространять ваучеры среди неместного населения республики.

В Челябинской области приостановили чековые аукционы под предлогом того, что местные предприятия приобретаются представителями других областей. Таким образом, дезинтеграция собственности смыкалась с дезинтеграцией политической власти.

Прошедшие в марте 1993 г. VIII и IX съезды народных депутатов Российской Федерации показали, что раскол власти в столице вызвал раскол власти и на местах. Главы администраций чаще всего поддерживали президента, местные Советы в основном встали на сторону съезда. Наметился раскол субъектов Федерации. Борьба регионов за суверенитет вступила в

новую фазу. В начале лета 1993 г., в связи с форсированием работы над президентским проектом Конституции, области и края России начали борьбу за уравнивание в правах с республиками. Пример на Урале показала Свердловская область, за ней последовала Челябинская, значительно сократив отчисления в рамках идеи «одноканальной» бюджетной системы. «Бюджетная война» явилась одним из важнейших симптомов дезинтеграции Российской экономики. Причиной тому являлись 5-процентные отчисления от налога на добавленную стоимость центра регионам, от которых ожидалось наибольшие поступления. Среди них была и Свердловская область. Четыре республики Российской Федерации, в том числе Башкортостан, не платили фактически налогов в республиканский бюджет.

В отличие от республик области были ущемлены не только в финансовых вопросах, но и в правах на представительство на съездах народных депутатов в Верховном Совете, в Совете Национальностей, в Правительстве Российской Федерации.

Осенью 1993 г. создававшаяся в стране критическая ситуация для власти завершилась расстрелом Белого дома, роспуском Верховного Совета, а затем и местных Советов.

Как и в августе 1991 г., громадное большинство жителей области не приняло никакого участия в событиях конца сентября и начала октября 1993 г. Причина, видимо, в том, как и тогда что люди восприняли происходящее как схватку между различными группами властных элит, между Ельциным и Хасбулатовым. Однако это, само собой, не означает, что челябинцы были к ним абсолютно равнодушны. При всех погрешностях, связанных с проведением социологических опросов в разгар политических баталий, их результаты все же представляют большой интерес. 22 и 23 сентября в Челябинске по заказу газеты «Челябинский рабочий» лаборатория прикладной социологии ЧелГУ провела социологический опрос по телефону двухсот жителей Челябинска: 52,3% опрошенных положительно отнеслись к Указу Президента о поэтапной конституционной реформе, 22,6% отрицательно, 12,3% безразлично, затруднились ответить 12,8%. Социологический опрос, который проводился по заказу газет

«Вечерний Челябинск» 7 октября 1993 г., дал следующие результаты: 30,4% опрошенных заявили, что в нынешней политической ситуации закон на стороне президента; 8,9% опрошенных считали, что закон на стороне Верховного Совета; 33,9% заявили, что деятельность обеих сторон была незаконна; затруднились ответить 26,8% опрошенных.

Крупнейшие газеты области «Челябинский рабочий», «Вечерний Челябинск», областное телевидение и областное радио со времени опубликования Указа Президента «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» распространяли заявления как сторонников, так и противников президента. Однако подбор материалов, обилие откликов читателей в поддержку Указа №1400 (наиболее яркий пример – «Вечерний Челябинск» за 24 сентября 1993 г. – обзор откликов, подготовленный А. Ерошкиным) позволяет сделать вывод, что с самого начала противостояния симпатии большей части областных средств массовой информации были на стороне исполнительной власти. Особенно четко пропрезидентская позиция средств массовой информации вырисовалась в ночь с 3 на 4 октября, когда сторонникам Верховного Совета, несмотря на их просьбы и даже угрозы, эфир предоставлен не был. 12 декабря 1993 г. в России прошли выборы в двухпалатное Федеральное собрание. В ходе референдума была принята и новая Конституция России. Согласно ей Российская Федерация становилась президентско-парламентской республикой.

По новой Конституции Российской Федерации областям разрешалось иметь уставы. Новые конституции уральских республик и уставы областей свидетельствовали о том, что противостояние регионов и центра не преодолено. Их положения о формах собственности не соответствовали Конституции России. Так, Удмуртия и Свердловская область в законодательных документах записали, что земля и другие природные ресурсы являются достоянием народа республики (области), проживающего на данной территории. Некоторый компромисс допустила Республика Башкортостан. В ее Конституции записано, что соглашение по вопросам формы собственности с федеральными органами власти заключается на добровольной основе.

После принятия новой Конституции в стране и на Урале продолжился процесс приватизации. 1995 г. явился переломным для него. Были сменены цели приватизации. Если до этого ставились социально-политические задачи – формирование широкого слоя частных собственников путем проведения чековой приватизации, то с 1995 г. главной задачей было объявлено образование слоя стратегических частных собственников. На смену чековым аукционам пришли денежные. Однако инвесторы заинтересованности не проявили. И затраты на их проведение превысили доходы от них. Так, например, выставленный на аукцион Уралмаш с 18 октября по 1 декабря 1995 г. заинтересовал из Свердловской области только четыре физических лица, которые внесли всего 5,6 млн. руб., в то время как первоначальная цена акций предприятия была объявлена в 3 млрд. 606,5 млн. руб.

С 1995 г. несколько оживилась инвестиционная активность иностранных компаний. На территории Свердловской области зарегистрировано 500 совместных предприятий с участием фирм 63 стран. Общая сумма вкладов составила 30 млрд. руб., основная доля иностранных инвестиций сосредоточена в Екатеринбурге. В Челябинской области в 1997 г. иностранные инвестиции составили 137,6 млрд. руб. (1,6 %). Но по сравнению с другими формами капиталовложений они являлись слишком незначительными. Основными инвесторами оставались собственники смешанных форм собственности.

Наряду с совместными предприятиями на территории УЭР появились предприятия, ставшие филиалами крупнейших иностранных компаний. В Пермской области зарегистрировано 240 совместных предприятий. С иностранным участием за 1-е полугодие 1995 г. в экономику области поступило инвестиций на сумму 9,34 млн. долларов США. По соглашению с администрацией области и благотворительной организацией Германии осуществлено строительство детского онкологического центра в Перми. По контракту с финской компанией «Туамо Халонен» в городе велось строительство цехов детского питания и упаковочных материалов.

У челябинцев стали тесными контакты с итальянскими фирмами. На Ашинском металлургическом предприятии в цехе нержавеющей посуды фирмой «Монета» осуществлялось внедрение новой технологии для выпуска нержавеющей посуды высокого качества и столовых кованых ножей. На челябинской макаронной фабрике «Макфа» сооружена первая линия по производству короткорезных макаронных изделий фирмы «Паван». В 1997 г. в феврале она выдала первую продукцию. В этом же году сооружалась еще одна линия, которая дала возможность фабрике увеличить выпуск продукции в 4 раза, на 18 наименований увеличить выпускаемый ассортимент. Запуск четвертой итальянской линии позволил челябинской фабрике занять лидирующее положение на российском рынке и конкурировать только с московской фабрикой «Экстра-М».

В 1995 г. в Челябинске американская фирма «Эй-Си-Эн-Полифарм» скупила фармацевтическое предприятие. Причем для этого были созданы благоприятные условия со стороны российского руководства. Директор предприятия Олег Кайшев вспоминает: «Мы были на грани банкротства, потому что не хватало оборотных средств, подвело родное правительство: после относительного благополучия завод сел в глубокую финансовую яму. Произошло это из-за инвестиционных проектов, которые мы вынуждены были осуществить за счет собственных средств в ожидании обещанных кредитов, что мы выиграли по государственному инвестиционному конкурсу. Мы радикально улучшили производство. Но собственными силами делать это в условиях российской экономики невозможно – это равносильно экономическому самоубийству. Мы задолжали всем по зарплате, по кредитам, по налогам. Обратились в российские финансовые институты – везде получили отказ».

Первые контакты с американскими партнерами начались в 1996 г. А через год, когда в распоряжение компании перешел контрольный пакет акций бывшего Челябинского химфармзавода, началось его реальное оздоровление. Статус дочерней фирмы позволил избавиться от прежних долгов. Зарплату стали выплачивать стали вовремя и регулярно. К концу 1997 г. объем продаж вырос более чем на 45%, а объем выпуска

лекарственных средств – на 70%. Полифарм выпускал до полусотни наименований лекарственных средств. В перспективе на начало XXI века – создание производства ампульных препаратов, где ампула одновременно будет являться и одноразовым шприцем, разрушающимся после введения лекарства. Это предотвратит распространение СПИДа повторным использованием одноразовых шприцов. Однако все эти достижения могли бы быть собственными, российскими. Рынок российский, по оценкам руководителя американской фирмы Милана Панича, для развития фармацевтической промышленности предоставляет огромные возможности. И он с успехом пытается его осваивать. Только прибыль, увы, остается у Панича.

В 1995 г. состоялись выборы в Государственную думу. По общефедеральному избирательному округу на Урале на 1-е место вышла Компартия Российской Федерации (22,3% голосов избирателей), в том числе в Челябинской области – 14,6%, в Свердловской области – 8,25%, в Башкортостане – 26%, в Оренбургской области – 24,18%, в Курганской области – 17,4%.

На второе место на Урале вышла либерально-демократическая партия России (ЛДПР) – 11,8%, на третьем – общественно-политическое движение «Наш Дом – Россия» (10,13%), на четвертом – общественно-политическое объединение «Яблоко» (6,89%). В Челябинской области около 10% голосов избирателей получила ЛДПР, около 9,8% – «Яблоко», около 8% – «Наш Дом – Россия».

В Башкортостане 5-процентный барьер преодолели аграрная партия России (15,7% голосов избирателей) и политическая партия Анпилова «Коммунисты – за СССР» (6,1% голосов). Общественно-политическое движение «Демократический выбор России» Е. Гайдара перешагнуло 5-процентный барьер лишь в Челябинской области (6,9%). В 1996 г. уральцы приняли участие во всенародных выборах президента Российской Федерации. Политические партии страны боролись за влияние на регионы, учтя опыт предшествующей выборной кампании. В результате во второй тур голосования прошли два кандидата – Б.Н. Ельцин и Г.А. Зюганов. По итогам голосования значительная часть жителей Челябинской области, пришедшая к

урнам, проголосовала за Б.Н. Ельцина (58,5%), что несколько выше, чем в целом по России. За Г.А. Зюганова было отдано около 35% голосов. За лидера Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) и во втором туре в большинстве голосовали сельчане.

В этом же году, 22 декабря, в Челябинской области прошли всенародные выборы губернатора. Из-за ухудшающейся экономической ситуации жители области уже в первом туре голосования отдали преобладающее количество голосов П. Сумину – 52%. Бывший губернатор В. Соловьев набрал всего 15% голосов. На торжество по случаю вступления П. Сумина в должность губернатора приехали президент Республики Башкортостан М. Рахимов и губернатор Свердловской области Э. Россель. В своих приветствиях они предложили П. Сумину вместе с ними отстаивать экономическую и политическую самостоятельность Урала.

В 1997 г. продолжился процесс приватизации. По всем регионам Урала, за исключением Оренбургской области и Удмуртской Республики, получено средств от приватизации недвижимого имущества больше, чем в 1996 г. Более активно ее проводила Свердловская область. Если Челябинская от такой приватизации получила только на 43% больше средств, то Свердловская – в три раза больше по сравнению с 1996 г.

В конце 90-х г. в структуре вывоза промышленной продукции с Урала в другие регионы основные позиции занимала продукция металлургического, машиностроительного, химиколесного комплексов. Сохранялось ведущее место Урала в масштабах России по производству продукции цветных металлов (21,8%), черной металлургии (55%), машиностроения и металлообработки (почти 17%), химической и нефтехимической промышленности (чуть более 17%).

Большую тревогу вызывал оборонный комплекс. Только на территории Челябинской области находилось 31 предприятие, выполняющее оборонные заказы от простого вооружения до баллистических ракет и атомных зарядов. По специализации ряд челябинских комплексов не имело аналогов в России. Несмотря на это, за последние 10 лет объемы выпуска военной продукции сократились в регионе в

10 раз. Уменьшилось производство не только военной но и гражданской продукции, которую традиционно выпускали предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК) Южного Урала. За этот период изготовление металлорежущего оборудования сократилось в 3,2 раза, электродвигателей – в 5,5, трамвайных вагонов – в 7, бытовых холодильников – в 10,2, экскаваторов – в 12,6, радиоприемников – в 25, стиральных машин – в 175, магнитофонов – в 290 раз. Количество работников сократилось в 2 раза. Большую тревогу оборонщиков вызывало обещанное правительством сокращение данного типа предприятий с 1700 до 600. Два предприятия – акционерные общества (АО) «Юрюзанский механический завод» и «Булат» из Златоуста – были объявлены банкротами. Оборонщики Челябинской области в начале 90-х гг. в условиях относительно стабильной экономической ситуации имели положительный опыт в конверсии предприятий. Они начали изготовление более 200 новых видов продукции. Налаживались связи с иностранными партнерами. Совместно с японскими и корейскими фирмами выпускали опытные партии телевизоров. Однако тяжелое финансовое положение, в которое государство поставило предприятия ВПК, заставило отказаться от всех наработок, хотя они могли выпускать современное и необходимое оборудование для различных отраслей на мировом уровне, представляющее коммерческий интерес. Так, например, разработан прибор, обеспечивающий непрерывный контроль горизонтального и наклонного бурения нефтяных и газовых скважин. Над этой проблемой работали ученые многих стран. Американцы на разработку подобного прибора ассигновали 100 млн. долларов. Наши оборонщики требовали всего 100 тыс. долларов, чтобы приступить к серийному производству прибора, и не дождались ответа.

В марте 1998 г. губернатор области П.И. Сумин принял участие в юбилейном заседании Межправительственной российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству. В числе трех субъектов Российской Федерации Челябинская область вошла в организационное и деловое поле этой комиссии, подписав контракт с американской компанией «АГКО Лимитед» на организацию производства

современных высокопроизводительных зерноуборочных комбайнов, другой сельскохозяйственной техники и комплектующих изделий на конверсионных мощностях оборонных предприятий области. Финансирование будет осуществлено с привлечением кредита экспортно-импортного и других банков США в размере 62 млн. долларов. Большая часть кредитов выделялась на срок 7 лет под ставку не более 6,9%, оставшаяся часть суммы – не менее чем на два года под ставку 9%. Согласно условиям контракта уже в 1998 г. должно было начаться производство зерноуборочных комбайнов под торговой маркой американской компании, через три года их производство должно быть доведено до 200 ежегодно. Часть комплектующих деталей будет изготавливаться на конверсионных мощностях оборонных предприятий. Через пять лет планировалось перевести предприятие на полную комплектацию за счет отечественного производства. По мере освоения комбайна начнется производство под американской маркой и другой сельскохозяйственной техники – самоходных жаток, кукурузных и зерновых сеялок, тракторов.

Проводимые на Урале реформы к концу 90-х г. не привели к стабилизации экономической ситуации в регионе. Продолжался спад производства практически во всех отраслях – добывающей, машиностроительном, топливно-энергетическом, транспортном, строительном комплексах, в сельском хозяйстве, в легкой и пищевой промышленности. Наиболее значительным он был в 1994 г. и составил около 54% к уровню 1990 г., а в областях с традиционно высокой долей промышленности: в Свердловской – почти на 55%, в Челябинской – на 52%, Удмуртской Республике – на 47%. Эти тенденции представляли угрозу Уральскому экономическому региону, так как отрасль в прежние времена определяла его финансовую независимость, давая от 60 до 73% прибыли. В Челябинской области 1995 г. стал годом углубления кризиса. Объем промышленного производства сократился еще на 2,2%, сельскохозяйственного – на 44%, капитальных вложений – на 15,4%.

В структуре промышленности к середине 90-х г. существенно возросла роль топливно-энергетического комплекса (ТЭК) – с 10,8 до 24,7%. Но он находился в сложном финансовом положении. Ежегодно сокращались добыча основных видов

энергоресурсов, повлекшая резкий спад энергопотребления в Пермской, Челябинской и Курганской областях. Из-за дефицита топлива местные электростанции не смогли обеспечить потребность хозяйств региона в электроэнергии. В результате усилилась зависимость Урала от поставок электроэнергии из сопредельных энергообъединений, соответственно выросли тарифы за киловатт-час. Самыми высокими на 1995 г. они казались в Курганской области – почти 396 руб., в Удмуртской Республике – почти 309 руб., в Челябинской области – 269 руб. Среди отраслей ТЭК в самом незавидном положении находилась угледобыча. Многие предприятия оказались нерентабельны, что требовало их закрытия. Такая участь ждала и Челябинский угольный бассейн. Чтобы временно хотя бы предотвратить социальный взрыв, АО «Челябэнерго» вынуждено было себе в убыток покупать местный уголь по ценам, почти втрое превышающим мировые. Кроме этого, энергетическая отрасль страдала от неплатежей предприятий и задолженности государства. Несмотря на это, в 1997 г. АО «Челябэнерго» стало лучшим из 115 тыс. предприятий страны и получило приз «Великая Россия» от Союза промышленников и предпринимателей. Казалось бы, парадокс: тяжелое состояние отрасли и – приз. Но приз вручен за то, что Челябинэнерго при всеобщем кризисе наиболее эффективно использовало все виды производственных ресурсов и добилось увеличения мощностей электричества и тепла.

Нестабильно работали предприятия химической промышленности. Выпуск ее продукции сократился в три раза. Несколько лучше положение предприятий металлургического комплекса. Устойчивое положение имели Нижнетагильский металлургический комбинат, Кочкарский горно-обоготительный комплекс (ГОК), заводы по производству ферросплавов. В то же время в глубоком кризисе находились старые уральские заводы и предприятия по производству труб – Первоуральский новотрубный, Синарский трубный, Челябинский трубопрокатный.

Еще более сложная ситуация наблюдалась на первенцах первых пятилеток, в том числе на Магнитогорском металлургическом комбинате, так как транснациональным корпорациям удалось приобрести основной пакет акций. В совете директоров в результате оказалось 7 человек из международной

корпорации (компания «Братья Черные») и трое, представляющие интересы ММК и государства. Подобная схема захвата крупного комбината была отработана на алюминиевой промышленности. Экономический подъем предприятия не входил в планы транснациональных монополистов, что очень хорошо было видно на НовOLIпецком металлургическом комбинате, где остановлен всерьез и надолго стан холодной прокатки.

Правда, в дальнейшем администрация области в лице главы П. Сумина отстаивала интересы Магнитогорского комбината, но борьба частных компаний за обладание крупнейшим металлургическим комплексом не прекратилась.

Машиностроение относится к числу наукоемких отраслей и наиболее эффективных. С 30-х гг. традиционно на Урале доля машиностроительного комплекса была выше, чем по Российской Федерации. Высокие темпы ее спада привели к потере позиций машиностроения, как базы развития самой промышленности, так и других отраслей. Машиностроительные предприятия также стали объектом приватизации. Схема приватизации, подобная магнитогорской, развернулась на ОАО «ЧТЗ». К 1994 г. предприятие было преобразовано в акционерное общество с ограниченной ответственностью (АООТ) «Уралтрак». Ситуация не заводе продолжала оставаться тяжелой. В 1996 г. собрание акционеров вернуло предприятию исконное название, а в 1998 г. арбитражный суд Челябинской области признал открытое акционерное общество «ЧТЗ» банкротом и назначил конкурсное управление. Возглавившая завод группа опытных менеджеров сумела приостановить спад производства.

Имея быстрый оборот капитала, легкая промышленность призвана играть одну из ключевых ролей в структурной перестройке промышленности. Однако и в этой отрасли не наблюдалось изменений к лучшему. Ее доля в промышленном комплексе находилась на уровне 1,6%. По производству товаров народного потребления Урал и до реформ отставал от среднего уровня в России. Теперь же отставание по продовольственным товарам составляло 1,8 раза, а непродовольственным – 1,6 раза. Финансовое положение предприятий легкой промышленности оставалось тяжелым, количество убыточных предприятий увеличилось в 10 раз.

Ядром региональной транспортной системы был и остается железнодорожный транспорт. Его доля в перевозках выше среднего показателя по стране. Основной фонд железнодорожного транспорта изношен. Экстенсивные пути развития были исчерпаны.

В последние годы XX столетия произошло обвальное падение платежеспособного спроса на грузовые и пассажирские авиаперевозки. На Урале, в Кольцово под Екатеринбургом, построили аэропорт, ставший одним из пяти крупнейших в стране и соответствующий мировой практике. Но новый вид международных перевозок не решал проблемы в целом. Для обеспечения интеграции и специализации авиатранспорта был создан Уральский региональный консорциум.

Сельскохозяйственное производство в период реформирования подверглось реорганизации темпами, превосходящими коллективизацию 30-х годов. На начало 1994 г. в Уральском экономическом регионе были перерегистрированы почти все колхозы и совхозы. В прежнем статусе осталась одна треть. По областям и республикам этот показатель колебался от 11% в Челябинской области до 62% в Республике Башкортостан. За годы реформ производительность труда на одного работника в колхозах и совхозах оказалась в 2 раза выше по сравнению другими формами собственности. Доля убыточных фермерских хозяйств в 1993 г. составляла 43%, в 1994 г. – 67%, которые распались из-за отсутствия средств и в структуре товарной сельскохозяйственной продукции Урала составляли всего 1,5%. Опыт работы фермерских хозяйств в высокоразвитых капиталистических странах показывает, что высокий уровень эффективности производства достигается только в крупных хозяйствах площадью 100 и более гектар пашни. Мелкие же хозяйства, в 20–30 га, в большей степени подвержены разорению.

Состояние сельского хозяйства вызывало тревогу и боль жителей деревень. 80-летняя неграмотная крестьянка Е.О. Власова из Свердловской области сказала: «Не понимаю, что со мной произошло? Заговорила вдруг стихами. Целую поэму сочинила про сельскую жизнь. Всю держу в голове.

С горькой тоскою по полю идешь...
Куда ты девалась, высокая рожь?

Что же случилось, какая беда?
Родилась на поле одна лебеда.
Хлеб теперь нам везут с заграницы.
Не сеем, не пашем – уж нету пшеницы.
Куда не посмотришь – сердце болит.
Злая крапива по пояс стоит.
Тракторы в поле давно не гудят,
Все хлебробы без дела сидят,
Слоняются хмурые и без работы...
А у правительства нету заботы».

В Уральском экономическом регионе сократилось не только производство зернобобовых культур, но и животноводство. Средние удои молока на одну корову всегда были невелики – 3–3,5 тыс. литров от одной коровы. В 1997 г. надои упали до уровня военного лихолетья 1941–1945 гг. – чуть более 2 тыс. литров в Республиках Башкортостан и Удмуртия и в Свердловской области и около 2 тыс. литров – в Челябинской, Курганской и Оренбургской областях. Во всех регионах сократилось количество коров, овец, птиц. Свердловская, Челябинская и Оренбургская области переориентировались на производство свинины.

Внешне благополучно выглядела торговая отрасль. Прилавки магазинов, колхозных рынков, ларьков наполнены были всевозможными отечественными и импортными товарами. Но связано это с продолжающимся процессом спада покупательской способности населения, особенно сельских районов. Переломным был 1994 год. Урал перешел из группы со средним уровнем душевого товарооборота в группы с низшим уровнем. Средний уровень остался лишь в Свердловской области. Снижение покупательской способности основной части населения привело к переориентации потребительского спроса с непродовольственных товаров на продукты питания.

Сокращение покупательского спроса напрямую связано с резким падением реальной заработной платы с 1990 по 1994 год, с дальнейшей ее стагнацией в последующие годы. Невыплата заработной платы, неполный рабочий день, несанкционированные отпуска – все это сказалось на потребительском рынке. Удельный вес населения Уральского региона,

находящегося за чертой бедности, колеблется от 23% в Оренбургской области, 29% в Челябинской до 47% в Курганской.

Продолжался процесс роста убыточных предприятий. В Удмуртской Республике и Курганской области они составили более 50%, в других регионах – более 40%. Следовательно, не было перспектив улучшения социального положения в крае.

1998 год не принес существенных положительных сдвигов в социально-экономическом развитии уральских областей. Правда, по некоторым позициям наблюдались позитивные изменения. Так, в Оренбургской области увеличился выпуск продукции на предприятиях машиностроения, химической и нефтехимической, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности; производство чугуна увеличилось на 1,7%, меди в медном концентрате – на 12,2% и латунного проката – на 16,6%.

В Челябинской области в 1998 г. производство макаронных изделий составило 132% к уровню 1997 г., муки – 106,8%; ввод жилья увеличился на 0,6%; общий объем услуг связи (включая малые предприятия) возрос (в стоимостном выражении в рублях) на 6,5%. На 1 января 1999 г. число телефонных аппаратов составило 675,2 тыс. единиц и увеличилось по сравнению с началом 1998 г. на 4%.

В то же время факты показывают, что в целом экономический и финансовый кризис в областях Урала, как и вообще в России, продолжался и в 1998 г. В Челябинской области индекс физического объема произведенной в 1998 г. промышленной продукции по сравнению с 1997 г. составил 86%. В 1998 г. в области было добыто угля ниже уровня 1997 г. на 15,7%, чугуна произведено 96,7%, стали – 95,1%, грузовых автомобилей – 47%, цемента – 85,1% к уровню 1997 г.

Стоимость произведенной валовой продукции сельского хозяйства за 1998 г. в Челябинской области составила 66,2% к уровню 1997 г. Вся посевная площадь в области, занятая под сельскохозяйственными культурами в 1998 г., была на 2,2% меньше уровня 1997 г. Валовой сбор зерна всеми категориями хозяйств в 1998 г. составил 30,6%, картофеля – 34,6%, овощей открытого грунта – 63,6% к уровню 1997 г.

В Оренбургской области объем промышленной продукции в 1998 г. составил 95,4%, ввод в действие жилых домов –

78,3%, продукции сельского хозяйства – 55,8% к уровню 1997 г. Выпуск стали на металлургических предприятиях Оренбургской области снизился на 4,7%, готового проката черных металлов – на 7,7%. На нефтеперерабатывающих предприятиях объем первичной переработки нефти уменьшился на 7,1%, в связи с чем сократилась выработка бензина на 12,5%, дизельного топлива – на 1,7%, смазочных масел – на 44,7%.

В условиях сложной социально-экономической ситуации приступили к самоорганизации рабочие города Челябинска и области. В конце марта 1998 г. создается координационный совет рабочего движения.

В целом ошибочным оказался постулат российских реформаторов об отказе от государственного регулирования социально-экономических преобразований. Итоги реформаторской деятельности в Уральском регионе – яркий тому пример. Кризис народного хозяйства явился результатом совокупности политических, экономических, экологических факторов, присущих всем регионам России.

1. Главная причина – плохо подготовленная, во многом ошибочная, неумело проводимая экономическая реформа.

2. Распад СССР повлек разрыв значительной части кооперационных связей между предприятиями.

3. При проведении реформ не учитывались региональные особенности экономики республик, краев и областей.

4. Местные органы власти в новых условиях не сумели самостоятельно управлять территориями, недостаточными оказались их права в регулировании социально-экономических процессов.

5. Повсеместно протекают сложные процессы, связанные с экономическим расслоением общества.

6. В общественном сознании очень медленно преодолевались стереотипы традиционного мышления, требовалось более длительное время для формирования у людей рыночной психологии.

И все же некоторые элементы стабилизации в экономике Урала в 1999–2000 гг. позволяют с осторожным оптимизмом смотреть в будущее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глава I

1. Аркаим. Исследования, поиски, открытия / Под ред. Г.Б. Зданович. Челябинск, 1995.
2. История Урала с древнейших времен до 1861 года / Под ред. А.А. Преображенского. М., 1989.
3. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994.
4. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Ижевск, 1990.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Глава II

1. Асфандияров А.З. Еще раз о характере присоединения Башкортостана к России // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура: 3 ч. Уфа, 1992. Ч.3.
2. Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1540 // Страницы истории империализма. Уфа, 1995.
3. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. // Под ред. Х.Ф. Усманова. Уфа, 1997.
4. История Урала с древнейших времен до 1861 г. // Под ред. А.А. Преображенского. М., 1989.
5. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1997.
6. Кузеев Р.Г., Юлдашебаев Б.Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957.
7. Мамонов В.Ф., Кобзов В.С. Пограничная линия. Челябинск, 1992.
8. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в XVII–XVIII вв.: Учен. зап. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1968.
9. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
10. Рычков П.И. История оренбургская. Оренбург, 1896.

Глава III

1. Брикнер А.Г. История Петра Великого. (Репринт. Воспр. СПб., 1882). М., 1991.
2. История казачества Азиатской России / Под ред. В.В. Алексеева: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т.1.
3. История Урала / Под ред. Ф.С.Гороваго: В 2 т. Пермь, 1963.
4. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Под.ред. А.А. Преображенского. М., 1989.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9 т. М., 1989. Т. 4.
6. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953.
7. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч. 2.
8. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. М., 1957.
9. Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994.
10. Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала XVIII – начала XIX в. Челябинск, 1993.
11. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

Глава IV

1. Акманов И.Г. Башкирские восстания. Уфа, 1893.
2. Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией (1552–1740). Уфа, 1995.
3. История казачества Урала / Под ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург–Челябинск, 1992.
4. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
5. Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева / Под ред. В.В.Мавродина: В 3 т. Т. 1–3. Л., 1961; 1966; 1970.

6. Орлов А.С. Волнение на Урале в середине XIII в. М., 1879.

Глава V

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.
2. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX в. Челябинск, 1997.
3. Галигузов И.Ф., Баканов В.П. Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск, 1994.
4. Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000. С. 105–127, 157–186.
5. История казачества Азиатской России: В 3 т. // Гл.ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995.
6. История казачества Урала: Учеб. пособие // Под ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург; Челябинск, 1992.
7. Мамонов В.Ф. В дни мятежей и смут кровавых: казачество во времена смуты в Московском государстве на рубеже XVI–XVII вв. Челябинск, 1999.
8. Мамонов В.Ф. История казачества России: Екатеринбург; Челябинск, 1995. Т.1. С.172–215.
9. Мамонов В.Ф., Кобзов В.С. Пограничная линия: казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск, 1992.
10. Мамонов В.Ф. Рождение казачества Урала: легенды, факты, гипотезы. Челябинск, 1991.
11. Худобородов А.Л. Нагайбаки (из истории казачества Урала). Челябинск, 1992.

Глава VI

1. История Урала: В 2 т. // Под ред. Ф.С.Горового. Т 1. Пермь, 1963.
2. История Урала в период капитализма / Под ред. Д.В. Гаврилова М., 1990.

3. История казачества Азиатской России: В 3 т. Т.2. II половина XIX – начало XX в. // Под ред. В.Ф.Мамонова. Екатеринбург, 1995.
4. Мухин В.В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. Пермь, 1978.
5. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время Свердловск, 1984.
6. Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991.
7. Очерки по истории Челябинской области / Под ред. В.Е. Четина. Челябинск, 1991.
8. Усанов В.И. История горнозаводской промышленности и рабочего класса Урала II половины XIX в. в советской историографии. Челябинск, 1989.
9. Юдина Л.С. Революционное движение на Урале в 1905–1914 гг. Челябинск, 1995.
10. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в 1885–1904 гг. Ч. 1, 2. Челябинск, 1995.

Глава VII

1. Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989.
2. Власюк А.И. О своеобразии архитектуры уральских провинциальных городов в 1840–1910-е гг. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983.
3. Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000.
4. История казачества Азиатской России / Под ред. В.Ф. Мамонова: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 2.
5. История казачества Урала / Под ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург; Челябинск, 1992.
6. История русского драматического театра: В 7 т. М., 1982.
7. История Урала в период капитализма / Под ред. Д.В. Гаврилова. М., 1990.
8. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. А.А. Преображенского. М., 1989.

9. Козлов Н.Г. Творцы науки и техники на Урале: XVII – начало XX в. Свердловск, 1981.
10. Курочкин Ю.М. Из театрального прошлого Урала: заметки собирателя. Свердловск, 1957.
11. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX – начало XX в. М., 1971.
12. Летописцы родного края: очерки об исследователях Урала. Свердловск, 1990.
13. Народная культура Урала в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. Свердловск, 1990.
14. Паловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.
15. Пешкова И.М. Искусство каслинских мастеров: В 2 кн. Челябинск, 1983.

Глава VIII

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. Гл. 12–14.
2. Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1.
3. Бакунин А.В., Цибульников В.А. Индустриализация и социально-демографические процессы на Урале // Страницы истории советского общества: опыт, проблемы. Челябинск, 1991.
4. Ботнер В.Д. Борьба с голодом 1921–1922 гг. и международная помощь России // Уржумка. 1997. № 1.
5. Войнов В.М. Атаман Дутов и трагедия оренбургского казачества // Рифей. 1990: Уральск. краеведческий сб. Челябинск, 1990. С. 70–83.
6. История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т.3. XX век // Под ред. В.Ф. Мамонова.
7. История казачества Урала // Под ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург; Челябинск, 1992. С. 191–223.
8. История Урала: В 2 т. // Под. ред. Ф.С. Горового. Пермь, 1965. Т. 2.

9. История Урала. XX век: Учебник // Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1998. С. 41–159.
10. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. // Под. ред. В.Е. Честина. М., 1922.
11. Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965.
12. Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы. Челябинск, 1966.
13. Плотников Н.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20 начале 30-х гг. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 74–91.
14. Российский консерватизм: теория и практика: Сб. науч. тр. / Под ред. В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1999. С. 83–106.
15. Урал. XX век: Учеб. пособие // Под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1997. С. 107–345.
16. Шibaков Н.С. «Зеленая» война: исторические очерки. Челябинск, 1997.
17. Челябинский государственный педагогический университет: Монография // Под ред. А.Ф. Аменда. Челябинск, 1999. С. 8–63.

Глава IX

1. Агарышев П.Г. В забой, как в бой. Челябинск, 1972.
2. Антуфьев А.А. Промышленность Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1992.
3. История Урала. XX век: Учебник // Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1998. С. 160–187.
4. Кондауров И.А. Боевая доблесть коммунистов и комсомольцев Урала 1941–1945 гг. Пермь, 1975.
5. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990.
6. Могутнов В.П. Война. Урал. Резервы (1941–1945 гг.). Курган, 1999.
7. Павленко Г.К., Павленко В.Д. Психология трудового подвига подростков. 1941–1945 // Уржумка. 2000. № 1. С. 74–79.

8. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.
9. Урал. XX век: Учеб. пособие // Под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1997. С. 346–415.
10. Урал – фронту // Под ред. А.В. Митрофановой. М., 1985.
11. Челябинский государственный педагогический университет: Монография // Под ред. А.Ф. Аменда. Челябинск, 1999. С. 64–79.

Глава X

1. Гладышева Л.В. Нива жизни Терентия Мальцева. М., 1986.
2. История Урала. XX век: Учебник для уч-ся / Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1998. Кн.2.
3. Краткий очерк истории Челябинской области / Под ред. В.Е. Четина. Челябинск, 1965.
4. Комаров Л.С., Боярчиков В.Г. Летопись Челябинского тракторного. 1945–1980. М., 1982.
5. Мезенин Н.А. Урал на всемирных выставках. Свердловск, 1981.
6. Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.
7. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995.
8. Репортаж из XX века. Челябинск, 1998.
9. Совхозы Урала в период социализма. 1938–1985 гг. // Под ред. Р.П. Толмачевой. Свердловск, 1986.
10. Урал. XX век: Кн. для чтения // Под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1997.
11. Челябинская область за 40 лет Советской власти // Под ред. Ф.Н. Шишкалова. Челябинск, 1957.

Глава XI

1. Афанасьев М. Уроки Росселя: уральская солидарность или уральский сепаратизм? // Новое время. 1995. № 35.

2. Галигузов И.Ф., Баканов В.П. Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск, 1994. С. 301–319.
3. История Урала. XX век: Учебник // Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина Екатеринбург, 1998. С. 293–368.
4. Кириллов А.Д., Кириллов Б.А. Большой Урал: выборные кампании. 1993–1994. Екатеринбург, 1994.
5. Кириллов А.Д. Урал: тенденции современного политического развития (1991–1993). Екатеринбург, 1993.
6. Кириллов Б.А. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития. 1990–1997 гг.). Екатеринбург, 1997.
7. Кириллов Б.А. Эволюция органов власти на Урале (1988–1995). Екатеринбург, 1996.
8. Левин А.Ю. Как стать губернатором в бывшем СССР. Екатеринбург, 1995.
9. Саломаткин А.С., Кокотов А.Н. и др. Челябинская область – субъект Российской Федерации. Челябинск, 1997.
10. Социально-экономическое положение Челябинской области: Обзор. Челябинск, 1998.
11. Урал. XX век: Учеб. пособие // Под ред. М.Е. Главацкого. – Екатеринбург, 1997. С. 482–557.
12. Урал политический-95: Уставы областей и конституции республик // Екатеринбург, 1997.
13. Уральский регион: последствия экономического реформирования. Екатеринбург, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Этнические процессы на Урале и заселение его в древности	
§ 1. Заселение Урала в древности.....	5
§ 2. Великое переселение народов и его влияние на этнические процессы в крае.....	13
§ 3. Уральские народности и племена в составе Монгольской державы.....	19
Глава II. Вхождение Урала в Российское государство. Колонизация края русскими (XVI–XVII вв.)	
§ 1. Присоединение Западного Урала и Приуралья к Российскому государству.....	22
§ 2. Вхождение Южного и Восточного Урала в состав царства Московского.....	30
Глава III. Реформы Петра I. Превращение Урала в важнейший промышленный центр России	
§ 1. Роль и место Урала в петровской модернизации экономики России.....	36
§ 2. Превращение Урала в крупнейший экономический центр империи.....	48
§ 3. Укрепление юго-восточной границы государства, создание Оренбургской оборонительной линии.....	56
Глава IV. Этнические и социальные конфликты в Российской империи и на Урале (XVI–XVIII вв.)	
§ 1. Социальные и этнические конфликты на Урале в XVI–XVII вв.	61
§ 2. Башкирские восстания в XVIII в.	67
§ 3. Пугачевщина.....	74
Глава V. Казачьи войска на Урале	
§ 1. Зарождение казачества на Урале.....	80
§ 2. Формирование казачьих войск на Урале и их ратная служба государству.....	85
§ 3. Культура и обычаи казаков.....	96

Глава VI. Урал и проблемы модернизации России в XIX – начале XX в.	
§ 1. Кризис феодально-крепостнической системы на Урале в первой половине XX в.	101
§ 2. Реформы второй половины XIX в. и модернизация Урала.....	114
§ 3. Общественно-политическое и революционное движение на Урале в конце XIX – начале XX в.	124
Глава VII. Культура и быт населения Урала в дореволюционный период	
§ 1. Культура и быт населения коренных народов Урала и влияние на них русской колонизации.....	136
§ 2. Культура Урала XIX – начала XX в.	142
Глава VIII. Урал в период социалистического эксперимента (1917–1940 гг.)	
§ 1. Урал в период революции 1917 года и гражданской войны.....	152
§ 2. Теория и практика социалистического строительства на Урале в 20–30-е гг.	165
Глава IX. Вклад уральцев в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне	
§ 1. Начало Великой Отечественной войны. Перестройка экономики Урала на военный лад	177
§ 2. Подвиги уральцев на фронтах Великой Отечественной войны.....	187
§ 3. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны.....	193
Глава X. Роль Урала в геополитическом противоборстве двух мировых систем в послевоенный период (1946–1985 гг.)	
§ 1. Возрастание роли Урала в геополитическом противобор- стве двух систем после второй мировой войны. Пробле- мы и противоречия экономического развития региона.....	199
§ 2. Культурная и общественно-политическая жизнь.....	218

Глава XI. Урал в условиях кризиса в конце XX века	
§ 1. Урал в период перестройки и распада СССР.....	225
§ 2. Урал в постсоветской России.....	231
Библиографический список.....	250

Учебное издание

ИСТОРИЯ УРАЛА
Учебное пособие (региональный компонент)

Авторский коллектив: Наталья Николаевна Алеврас
Зинаида Николаевна Анохина
Валерий Давыдович Ботнер
Марина Валерьевна Галиуллина
Наталья Семеновна Гуськова
Надежда Владимировна Коршунова
Владимир Федорович Мамонов
Юрий Владимирович Мамонов
Надежда Степановна Нижник
Владимир Денисович Павленко
Галина Константиновна Павленко
Тамара Николаевна Решетко
Надежда Семеновна Сидоренко
Сергей Сергеевич Смирнов
Александр Леонидович Худобородов
Людмила Сергеевна Юдина

Отв. за вып. В.Д. Ботнер
Редактор Т.И. Шуканова
Компьютерная верстка Е.С. Шарафутдиновой

Издательство ЧГПУ
454080 г. Челябинск, пр. Ленина, 69
Лицензия ЛР № 040277 от 17.04.97
ISBN 5 – 85716 – 402 – 8

Объем 14,3 усл.-изд. л.

Тираж 100 экз.

Формат 60x90 1/16

Сдано в набор 25.09.2001

Подписано к печати 26.03.2002

Бумага офсетная

Заказ № 1067

Отпечатано с готового оригинала-макета